

С.С. Сухинов
ВОЙНА СКАЗОК

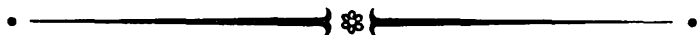
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

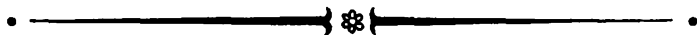
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1992

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

С.С. Сухинов

ВОЙНА СКАЗОК

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ББК 84 Р7
С91

Художник А. Вальдман

- Сухи́ров С. С.
С91 Война сказок. Фантастическая трилогия / Художн.
А. Вальдман — М.: Дет. лит., 1992. — 304 с.: ил.
ISBN 5-03-002234-5
В книгу вошли три сюжетно связанные фантастические повести
«Смерть Гатлинга», «Война сказок» и «Меч времени», объединен-
ные общим героем
- С 480370066—53 297—91 ББК 84 Р7
М101(0...) 92

ISBN 5-03-002234-5

© С. Сухи́ров. Текст. 1992
© А. Вальдман. Оформление. 1992

СМЕРТЬ ГАЛАХАДА

Коробка была огромная, почти по плечи детям, вся в зеленовато-желтых малахитовых узорах, но не неподвижных, а живых — стоило только чуть шагнуть в сторону, как изумрудные ручейки начинали лениво перетекать друг в друга. Через минуту перед восхищенными глазами Эмми и Дика, словно по мановению руки волшебника Гудвина, появлялся новый, невероятной красоты рисунок. Время от времени из этого разноцветного калейдоскопа, как чертик из шкатулки, выскакивал разодетый в пестрое тряпье клоун и, забавно подмигивая, вытряхивал из карманов прямо в лица пораженным детям целые пригоршни звезд и маленьких голубых лун. Они тотчас же вспыхивали ослепительными искрами и исчезали, и только острые ледяные брызги окатывали детские разгоряченные щеки. Сделав еще несколько шагов в сторону, можно было увидеть настоящих ковбоев, ловко перестреливающих на полном скаку посреди раскаленной прерии, и тут же их сменял крошка силач Майти Маус, а рядом с ним... Ну что за чудесный подарок получили дети в день рождения, если одну только коробку можно было рассматривать часами! А ведь в коробке что-то было...

— Успокойся, Дикки,— наконец сказала девочка, удовлетворенно вздохнув.— Ну что ты визжишь, как девчонка? Разве ты никогда не видел объемных голограмм? Да слезай же со стула, слышишь, упадешь!

— Вот ты всегда так,— заныл мальчишка, слезая тотчас со стула (он был трусоват и не скрывал этого).— Ты всегда все только портишь... А я только что увидел там наверху, Матушку Гусыню, она держала в лапках волшебную книжку с картинками и приглашала меня послушать удивительную сказку...

— Не говори глупостей! — резко прервала младшего брата Эмми. — Голограммы не умеют разговаривать. Это тебе только почудилось...

— Нет, не почудилось, не почудилось! — заревел Дикки, отчаянно растирая ладонями пухлое розовое лицо. — Просто ты гадкая и завистливая. Я пожалуй вечером маме, вот!

Эмми хотела сказать, что завидовать тут нечему — ведь этот подарок предназначался им обоим (по случайному совпадению оба родились в первую неделю мая), но решила, что брат только раскричится еще громче, и с презрением отвернулась. Так орать в шесть лет из-за игрушки — это было непостижимо, она себе такого не позволяла уже года три.

— Дети, дети, что у вас стряслось? — вдруг раздался у них за спиной взволнованный мамин голос.

Эмми сначала обрадовалась, но тут же поняла, что это видео — там всегда голоса получаются какими-то неестественными, далекими. Дик же взвыл еще громче и, чуть не сбив с ног сестру, бросился к одной из стен комнаты, окрашенной под кору дуба (так было модно в этом году во всем Доме). Он прилип к широкому экрану, всхлипывая и неразборчиво жалуясь, словно мама могла протянуть руки сквозь стекло и погладить его кудрявую голову. У самой Эмми волосы были прямыми и жесткими, как солома, и она втайне этим гордилась.

— Постой, постой, малыш, я ничего не пойму, — тревожно сказала мама. — Эмми, объясни хоть ты, что случилось?

Эмми нехотя подошла к видео. Ну да, так она и думала. Того и гляди, мама сейчас в панике оставит работу и бросится на скоростном лифте сюда, на двести тринадцатый этаж, чтобы спасти своего бедняжку Дикки от бесчисленных опасностей! Против желания Эмми ощутила нечто вроде уколов ревности.

— Ничего особенного, ма, — сказала она как можно более насмешливо. — Просто Дикки обалдел от голограмм на коробке до того, что стал разговаривать с Матушкой Гусыней. А я хотела открыть коробку и посмотреть, что же мы нам все-таки подарили.

Как мама была красива! Сейчас, когда тревога сползла с ее все еще очень молодого лица и она от души хохотала, обнажив прекрасные ровные зубы, она стала похожа на

звезду экрана. Нет, Эмми никому не откроет своей страшной тайны — она была влюблена в мать. Не просто любила ее, а вот именно была влюблена.

— Джордж! Джордж! — хохотала Джейн, повернув голову куда-то в сторону. — Ты только посмотри на моего глупышку. Разговаривать с голограммой на коробке — это в его-то шесть лет!

На экране появилось загорелое, чуть брезгливое лицо (мужественный тип — сразу же определила Эмми). Тактично сдерживая улыбку, мужчина пророкотал мягким басом, не сводя глаз с Джейн:

— Ничего страшного, просто у мальчика богатое воображение. Я бы на твоём месте сказал об этом воспитателю. Кто знает?.. — многозначительно добавил он.

— Нет, ты серьезно? — вспыхнув от удовольствия, спросила Джейн. — А я, признаюсь, побаивалась — вдруг решат, что Дикки слишком чувствителен...

— Ты ничего не понимаешь в мужчинах, — сказал Джордж, усмехаясь. — Вот уже второй год Барри Майлон ищет эмоциональных подростков для школы будущих звезд видео. Мускулы уже не в моде у прекрасного пола, — добавил он, заглядывая Джейн прямо в глаза.

— Ты — прелесть, — каким-то странным слабым голосом сказала мама. Она, казалось, совсем забыла, что дети во все глаза смотрят на них. — Неужели это правда, ну насчет Барри Майлона?

— Разумеется, правда. И вообще, держись за меня, детка...

Эмми ощутила прилив дикой ревности. Как этот мерзкий тип может так нагло разговаривать с мамой? Почему она ему это позволяет? Эмми едва не разревелась. Все-таки обидно, что ее принимают за младенца, думают, при ней все можно говорить...

Мама наконец оторвала взгляд от своего обаятельного коллеги и, придав лицу возможно более строгое выражение, сказала:

— Дети! Не портите друг другу день рождения — ведь это самый чудесный праздник в году. Эмми, я тебя не узнаю! Дикки, вытри слезы, а не то я оставлю тебя вечером без праздничного пирога... Мы с отцом сделали вам изумительный подарок и решили, что вы уже большие и сами сможете в нем разобраться. Эмми, девочка, не дразни малыша, не порти ему удовольствия, ладно? Ну, дети,

надеюсь, вечером вы преподнесете нам с отцом сюрприз. Чао!

И, ослепительно улыбнувшись, она погасила видео.

— Вот видишь,— сказала Эмми,— мама хочет, чтобы мы сами разобрались в игрушке. А ты думаешь только о глупостях, как трехлетний малыш!

Она уверенно подошла к коробке и нажала на большую красную кнопку. Зеленые стенки тотчас же стали складываться гармошкой, оседать, словно дым, и через минуту, зазвенев напоследок серебряными колокольчиками, упали на пол. На ворсистом дне коробки лежали несколько приборов цвета слоновой кости и толстая книга сказок. Дик сразу же утешился и, усевшись в кресло, начал листать плотные страницы с красивыми красочными рисунками, сопя и ерзя от пережитого волнения. Эмми тем временем изучала объемистую инструкцию.

«Дорогие дети! Фирма «Волшебник Гудвин» поздравляет вас с необыкновенным подарком! Вы, конечно, любите сказки и чудесные истории с феями, привидениями и добрыми волшебниками. Хотите, чтобы эти сказки ожили у вас на глазах? Не думайте, что это обычное видео или голокино — нет, это Универсальный Сказочный Конструктор. С помощью ваших пап и мам (а может, и сами, а?) вы сможете стать на время магами и волшебниками, не хуже Оле-Лукойе. Помните, стоило забавному кудеснику Оле-Лукойе покрутить зонтик над головой послушного малыша, как в его спящую головку тотчас же приходила добрая сказка? В нашем Конструкторе роль зонтика выполняет универсальный программный пульт, вот тот, с синей полосой на крышке и многими-многими кнопками и клавишами. Это совсем не сложно — стать с его помощью волшебником. В электронной памяти Конструктора хранятся тысячи лучших сказок, так что, набрав на пульте определенную комбинацию букв и чисел, вы сможете оживить своих любимых героев. Но для этого нужно еще соединить пульт с универсальным синтезатором — мы называем его Ящиком Пандоры. Видите на его крышке красную полосу?

Хотите, для начала посмотрим сказку о Золушке? Ее шифр вы найдете на триста пятнадцатой странице книги сказок. Ах, ты не можешь набрать программу на пульте, малыш? Не плачь, тебе поможет папа. А тебе, мальчик, уже целых пять лет? Тогда ты сможешь сделать все сам,

только будь повнимательней... Зажглась зеленая лампочка, да? Хорошо, очень хорошо. Теперь собери в прилагаемое к набору ведерышко два килограмма разных отходов — кусочков дерева, пластмассы, листы ненужной бумаги и картона — и положи все это в приемник, туда, куда показывает черная стрелка. Осталось нажать на кнопку «Пуск» и подождать минут пять, не меньше — иначе сказка не получится... А сейчас, когда зазвенели малиновые колокольчики, смело открывай дверцу и подними кожух Ящика Пандоры. Не бойся — током не ударит. Ты видишь?.. Играй на здоровье, малыш, но помни — все эти маленькие человечки и звери — всего лишь искусственные куклы, роботы, они совсем не живые, хотя могут ходить и разговаривать. А все-таки любопытно, малыш, что у них внутри, не правда ли? Посмотри-ка на цветную вкладку на третьей странице... Ого, сколько микросхем, жидких кристаллов и биомускулов! Просто в глазах рябит. Так что поверь: ломать их совсем не интересно. А вот самому научиться программировать на универсальном пульте — это настоящая взрослая работа. Увидишь, как обрадуется твой папа, когда он вернется с работы и увидит на полу комнаты битву Железного Дровосека с коварной Бастиндой или запросто разгуливающего по креслу Питера Пэна! Итак, за работу, малыш. Сначала изучим с тобой систему команд...»

Эмми уселась прямо на пол, на пушистый, отливающий серебром ковер, и с увлечением стала набирать на пульте самые сложные программы, вскрикивая от радости, когда на контрольной панели загоралась большая зеленая лампочка с улыбающейся мордочкой Оле-Лукойе. Два часа пролетели незаметно, наконец, она отложила руководство и позвала:

— Дикки! Неси сюда книжку, мы сейчас начнем строить сказку!

Дикки с подозрением отозвался из дальнего угла комнаты:

— А кто будет делать эту... ну, программу?

— Я... Понимаешь, Дикки, — быстро ответила девочка, увидев, как ревниво скривилось лицо брата, — нам в школе на прошлой неделе показывали похожий пульт, вот я и научилась... Только мне провода ну ни за что самой не соединить, — просительно добавила она самым жалостливым голосом, на какой была способна.

— Ну ладно, — презрительно сказал Дикки. — Так уж и быть. Куда девчонке в этом разобраться...

Эмми промолчала. Она уже обдумывала будущую сказку, и пока брат, тяжело сопя, мучился с переплетением разноцветных проводов, пальцы девочки быстро забегали по черным кнопкам.

— Вот мама будет довольна, правда, Дикки?

Алиса растерянно стояла в зазеркальной комнате, вся в розовых блестках на развевающемся платье. Позади нее наливалось голубым туманом большое зеркало, а прямо у ног разгуливали парами шахматные фигуры. Внезапно одна пешка забавно плюхнулась на ковер и сразу же завопила дурным голосом испорченного ребенка.

— Мое дитя! — воскликнула Королева Белых и, сбив на ходу короля, бросилась на помощь. — Ах, Лили! Мой драгоценный, мой котенок, как тебя обидели...

Отец покатился со смеху и украдкой погрозил пальцем Эмми. Но мама все равно ничего не поняла. Она держала на коленях сияющего от похвал Дикки и нежно улыбалась. Эмми отвернулась: ей было немножко стыдно.

Как интересно было смотреть в полумраке, при трепетном свете камина, на приключения Алисы в Зазеркалье! Вот маленькая девочка разговаривает с Фиалкой и Тигровой Лилией, а вот — можно упасть со смеху! — Алиса с Королевой Черных бегут изо всех сил по дорожке вокруг дома и никак не могут сдвинуться с места. А как забавно пели песенки Двойняшечка с Двойнюшечкой, вместо того чтобы показать Алисе дорогу из леса!

Но наконец смолкла хрустальная музыка, Черная Королева неожиданно превратилась в котенка Кляксу, и все биокуклы встали, раскланялись и исчезли за золотистой дверцей Ящика Пандоры.

Сказка кончилась... А родители дружно хлопали и восхищались увиденным.

— Вот это сюрприз! — хохотал, вытирая глаза, отец. — Каков этот глупыш Пустик-Дутик? А Король, Вылизаяц и Гербанты? Нет, что ни говори, Джейн, а это оказалось куда интереснее, чем постановка Обри Диснея. Вот так малыши! — И он поднял под самый потолок хохочущую Эмми и звонко расцеловал ее.

— Ну, теперь наша очередь, мать! Смотрите, дети, и удивляйтесь.

Джейн спохватилась и, ласково потрепав по щеке вовсю улыбающегося сына, начала копаться в своей сумочке, пока не нашла там небольшую желтую коробочку. Дети тут же захлопали в ладоши от радости.

— Новая видеорама! Как здорово! — вопил Дикки. — Это подарок так подарок, правда, Эмми?

Эмми визжала от удовольствия. Отец тем временем торжественно подошел к двери, ведущей на балкон, открыл маленький ящичек в стене и осторожно вытащил из него старый видеокубик. И тотчас же за окнами погас всем давно надоевший вид на Диснейленд. Еще одно движение руки — и за окнами начал набухать далекий сиреневый свет. Перспектива стала невероятно глубокой, где-то в вышине загорелись искорки звезд, легкие, почти бесплотные облака розовели прямо на глазах. Загорался расцвет, и теплые блики вырастающего из темноты солнца заиграли на стенах комнаты. И все сразу увидели, что внизу, до самого горизонта, простирается величественный океан.

Все молчали, восхищенные этой невиданной картиной. Потом Эмми тихо спросила замирающим голосом:

— Папа, а это настоящий рассвет? Это настоящее небо?

Отец, чуть смущенный, переглянулся с Джейн и пробормотал:

— Ну, не совсем... Настоящее не так уж красиво выглядит отсюда, с высоты почти двух километров. Зато это — улучшенный вариант. В нем никогда не бывает дымки, низкие облака не ползут, как набрякшая вата, прямо в окно, никогда не моросит противный дождь... — Отец почему-то вздохнул. — Короче, здесь, как в видео, все почти как настоящее, но только лучше.

Дик в восторге подымал оба больших пальца сразу, мама с гордой улыбкой развалилась в кресле с переносным пультом киберкухни на коленях, и только Эмми почему-то стало скучно. Она подошла к окну так близко, что волосы касались прохладного стекла, и долго вглядывалась в распахнувшийся перед ней мир. Внизу, далеко-далеко, колыбалась гигантская гладь океана. Почти черная под ногами, она переходила через все оттенки синего цвета по мере приближения к солнцу и под самым пепельным шаром

вдруг загоралась оранжевым огнем. Легкий, чуть прохладный ветерок, казалось, просачивался через окно и нежно покусывал голые руки девочки, отчего кожа на них стала тугой и пупырчатой. Где-то на западе, бесконечно далеко от Эмми, вспыхнула колючая падающая звезда, проколола небо и остыла. Девочке было удивительно хорошо, но неясная грусть мягким комком прокатилась по ее горлу.

— Тебе не страшно, Эмми? — тихо сказал прямо в пушистые волосы отец. Он незаметно подошел к дочери и на всякий случай крепко обнял ее за плечи.

— Нет, пап,— покачала головой девочка, чувствуя, как слезы начинают щипать ее глаза.— Я совсем не боюсь этой высоты... Как хорошо!.. Ты чувствуешь, папа, как хорошо?

И, не выдержав, девочка беззвучно заплакала, прижавшись мокрым личиком к теплой груди отца.

Где-то позади Дикки презрительно свистнул и пробормотал что-то неслестное в адрес всяких плакс и трусих. Отец, очень смущенный порывом дочери, обычно такой самоуверенной, немного растерянно спросил:

— Почему же ты плачешь, дочка, если тебе так нравится?

— Ах, пап, разве ты не понимаешь? — прошептала Эмми.— Почему все это тоже не *настоящее*?

Вечером родители долго не могли уснуть. Уже давно отзвучала традиционная вечерняя сказка Обри Диснея для малышей, в которой Братец Кролик так и не смог догнать Мудрую Черепаху, и уже кончился успокоительный сеанс цветомузыки, превращающий стены детской спальни в добрую старую няню, и даже подходила к концу новая популярная программа для взрослых «Вечерний тост», полная игривых намеков и ничем не прикрытых полезных советов, а Джейн все еще ворочалась на широкой кровати и время от времени начинала всхлипывать и шепотом жаловаться мужу:

— Фрэнк, ты только пойми меня правильно, я Эмми люблю до безумия — хоть это сейчас и не принято, ведь мы еще достаточно молоды... Меня подруги за глаза даже называют клушкой... Пусть она и в самом деле очень раз-

вита для своих семи лет, но всему же есть предел. Какая-то она стала дикая, всем дерзит... Даже и разговаривает не по-детски, словно ей бог знает сколько лет от роду... Ну, я понимаю, два года назад мы сделали ошибку, даже нет — это я сделала ошибку, послав ее на лето к бабушке на материк! (Фрэнк поехал — не в правилах жены было признаваться в своих ошибках.) Ты что, спишь, милый?.. Так я хочу сказать — кто мог знать, что бабушка в свои восемьдесят лет еще не потеряла своих профессиональных качеств доктора математики... Фрэнк, ну что ты молчишь?

— Я слушаю, дорогая, — промямлил Фрэнк, косясь на окно спальни. — Ты только посмотри, какая удивительная лунная ночь! Даже жаль, что дети уже спят... Но скоро воскресенье, и накануне можно будет уложить их чуть попозже — пусть они всласть полюбуются звездным небом!

— ...В конце концов, Дикки не виноват, что у него нет особых талантов, — не слушая мужа, продолжала жаловаться Джейн. — У меня вот их тоже нет, и у тебя, и тем более у наших соседей и знакомых... Но разве кто-нибудь нас попрекал этим в детстве?

— Ты преувеличиваешь, милая, — мирно возразил Фрэнк, — Эмми в этом отношении ведет себя очень тактично.

— Может быть, не уверена... Но сам факт, что она вундеркинд, действует на окружающих угнетающе. Помнишь, что говорил директор ее школы, этот старый развязный тип... Кроннер, кажется? Что Эмми поражает всех учителей своими зрелыми знаниями и отстает только по географии, которую она почему-то терпеть не может. Скажи, где ты видел девочку, которая в семь лет наизусть читала бы Гомера, Данте, Мильтона, плакала над какими-то Нибелунгами и песнями о никому не нужном Сиде... В ее возрасте дети читают Фрэнка Баума и Перро!

— Она тоже их читает, — из справедливости возразил Фрэнк. — Девочка просто до безумия любит сказки... Ты же видела сегодня, как она чудесно инсценировала «Зазеркалье» Кэрролла...

— Да, а эта постановка? Как она могла за один день разобраться в такой сложной машине да еще сама запрограммировать совершенно новую сказку? Дикки сегодня весь день ходит подавленный.

— Ну, этого я не замечал. Дикки сегодня был просто злым и капризным,— в сердцах сказал Фрэнк.— Как и вообще в последнее время.

Джейн даже всплеснула руками:

— Злой? Мой Дикки — злой? Фрэнк, ну что ты говоришь! — От обиды на ее глазах навернулись слезы.— Ты всегда был далек от детей, да и вообще никуда не годен как отец! Нужно же понимать нежное сердце ребенка... Он всего на год младше Эмми, а она его беспрестанно терроризирует, да, не возражай, терроризирует, подчеркивая свои способности. Ну разве бедный мальчик виноват, что ему тяжело дается высшая математика? А Эмми уже второй год возится с переносным компьютером, как будто это кукла... И этот мерзкий компьютер подарил ей ты! А теперь еще Машина Сказок... Зачем я позволила тебе ее купить?.. Скоро она нас ни во что не будет ставить.

— Ну хорошо,— сдался Фрэнк. В глубине души, сам себе не признаваясь, он думал так же.— Что ты предлагаешь? Мы уже и так перевели Эмми в прошлом году в математическую школу, да еще на три класса вперед... Думаешь, это ей все так просто обходится?

Джейн поняла, что немного перегнула палку, и немедленно превратилась в ласковую и послушную девочку, которой добродушный Фрэнк никогда не мог ни в чем отказать.

— Ну разве я желаю Эмми зла? — прильнула она к мужу.— Я понимаю, талантливый ребенок — это счастье, это большое будущее для всей семьи... Но... но нам нужна консультация знающего специалиста. Этот седой кот Кроннер советовал то же самое. Есть же особые интернаты... Нет, нет, не волнуйся, я пошутила. Пойми, милый, талант — это общественное достояние, и мы не имеем права...— Не зная, как продолжить эту высокопарную фразу, Джейн заключила ее страстным поцелуем.

Судьба Эмми была решена.

*

Утро было золотистое и прозрачное, все в солнечных бликах и всплесках свежего ветра, и Эмми долго лежала в постели, закрыв глаза и боясь даже шевельнуться, чтобы не спугнуть то удивительное чувство счастья, которое доступно только детству. Сегодня будет ласковый день, улы-

балась она самой себе, сегодня будет загорелый день, весь в брызгах соленой морской воды, с хрустом поджаристых вафель и с тысячами самых удивительных запахов... Сегодня будет день полной свободы, ну как будто бы она вдруг научилась летать!

Еще не открыв глаза, Эмми решила, что она в этот день ни за что не пойдет в школу. Правда, завтра учительница физики мисс Брайтон непременно постарается раздуть это событие до масштабов уголовного преступления, да и мама надуетса — мол, я Эмми доверяла, а она меня так подвела... Но что все это значит по сравнению с целым днем свободы!

Девочка быстро вскочила и, весело напевая, побежала в ванную. В огромной квартире никого не было, только назойливые киберы ползали жужжа по длинношерстным коврам, высасывая пыль, да тонкий и длинный робот Бонни, похожий на вешалку в прихожей, неслышно копался в системе настройки цветостен. Родители давно ушли на работу, и это было здорово. Это было единственное преимущество, которое получила Эмми, перейдя в новую школу (там занятия начинались на час позже, чем обычно), но оно стоило всех других.

Холодный душ освежил Эмми, но в ванной у нее появились коварные расслабляющие мысли: а не повозиться ли сегодня дома с Машиной Сказок? Или, может быть, достать с папиной книжной полки универсальную видеокнигу, распахнуть ее тяжелый, тисненой кожи переплет и набрать по пульту связи с Библиотекой шифр какой-нибудь старой книги, полной чудес и приключений? С каким волнением она всегда ждала момента, когда на матовых экранах видеокниги начинают выплывать манящие своей неизведанностью страницы... Но Эмми только вздохнула. Жалко, что нельзя заняться всем сразу, ну, например, так, как ее научила бабушка, — одновременно решать математические задачки, читать и слушать музыку. В жизни всегда почему-то приходится выбирать что-то одно, и сегодня она, Эмми, выбирает путешествие.

На улице было малоллюдно, и девочке это сразу не понравилось. Куда приятнее сбегать с уроков в более шумный день, когда в запутанных переплетениях широких улиц толпится куда-то спешащий народ — элегантные дамы вроде Джейн и симпатичные мужчины, полные деловитости, как Фрэнк. Эмми себя уже не раз спрашивала,

почему это на их этаже, где живут тысячи семей, все люди какие-то одинаковые? Инстинктивно она понимала, что родителей об этом спрашивать не стоит — они могут и обидеться, особенно мама. Она не зря часто при гостях любит вспоминать, что когда-то едва не стала звездой видео. Но все же интересно, почему здесь не встретишь ни стариков, ни подростков? Может быть, они живут где-нибудь на других этажах?

Жаль, что сейчас так безлюдно. В толпе было бы так просто затеряться, не привлекая внимания взрослых, — дети-то здесь вообще как две капли воды похожи друг на друга. Тысячи одинаковых плаксивых девочек в ярких платьицах, с губами, перемазанными шоколадом, и тысячи однообразных мальчишек в обязательных ковбойских джинсах с игрушечными бластерами за поясами. Среди них было бы легко прокрасться к прозрачным колпакам лифтов, набрать любой пришедший в голову шифр и вызвать капсулу, не опасаясь быть пойманной на месте преступления. Что делать — детям до десяти лет кататься одним на лифте строго запрещалось, и потому это было голубой мечтой всех окрестных ребят. Эмми догадывалась, что хотя многие из них и хвастались своими путешествиями по различным этажам Дома, но вряд ли они даже знали, как вызвать капсулу. Зато она давно уже освоила эту премудрость, но из осторожности помалкивала и не высмеивала ребят, когда они рассказывали о Мороженом Рае на минус девятнадцатом или Большом Видео на плюс сорок третьем.

Но сейчас на маленькой улице все лифты очень хорошо просматривались, и немногочисленные парочки взрослых уже издали благожелательно поглядывали на хорошенькую девочку. Нет, вызвать капсулу сейчас никак не удастся, лучше и не пробовать.

Эмми поскущнела. Конечно, можно было пойти в кино, или искупаться в бассейне под жарким африканским солнцем на соседней 143-й улице, или, потратив полчаса на дорогу, добраться до небольшого Луна-парка, полупустого в такой ранний час. Но у Луна-парка лифтов слишком много, а значит, там постоянно дежурят лифтеры-механики с целым стадом ремонтных механизмов... И Эмми, решив выждать для путешествия более подходящий момент, вприпрыжку побежала в соседний переулок, где находился ее любимый Музей Человека.

В прохладном полумраке фойе сидели всего несколько человек. Мужчины курили и играли в стереошахматы, а женщины оживленно обменивались последними новостями. Эмми стало обидно. До истории Человека здесь никому не было дела — просто в фойе можно было скрыться от жарких лучей восходящего солнца и нудного голубого неаполитанского неба, которое не меняли уже целых три месяца... Стараясь не смотреть по сторонам, Эмми торопливо проскакала через зал, словно догоняя ушедших вперед родителей, и скрылась в Пещере.

...Красные отблески пламени плескались на неровных каменных сводах. Воздух был сырой и холодный, насыщенный непривычными тяжелыми запахами. Эмми стояла на узкой смотровой веранде и, широко раскрыв глаза, смотрела вниз, где метрах в пятнадцати впереди горел тусклый костер, освещавший небольшую площадку, засыпанную мусором. Люди жались к огню, закрываясь от холода рваными шкурами, и только шаман, утомленный вечерними плясками, спал в стороне, укутавшись в драгоценный медвежий мех. Эмми знала, что охотники не появлялись уже вторую неделю, и по утрам женщины часто принимают тоскливо выть, предчувствуя беду, им вторят малыши, сбившиеся в поисках тепла в кучу. Их испуганные глазки поблескивают в полумраке, словно угольки, а старый шаман, плюясь и стуча палкой, грозит им непонятными гортанными фразами.

Эмми искала взглядом Адама — так она называла худенького паренька со смысленным лицом, который выделялся среди сверстников веселым нравом и хитроумными проделками. Кончались для него они, как правило, плохо, что, впрочем, ничуть не сказывалось на его жизнерадостном характере. Эмми не раз видела, как Адам, получивший от старших скудные огрызки мяса, незаметно относил их Еве — крошечному клубочку спутанных волос, из которых выглядывало круглое трогательное личико. Мать Евы погибла почти полгода назад, и, хотя племя заботилось обо всех детях, маленькой девочке часто не доставалось еды, и она не раз горько плакала, забившись в темный уголок Пещеры. Каким-то инстинктивным чувством Эмми понимала, что девочка обречена, что ей не пережить предстоящую суровую зиму. О, если можно было бы спрыгнуть вниз и принести еды вечно голодающим и слабым детям! Но ничего нельзя было сделать — их разделяло не стекло, а

десятки тысяч лет. Если бы это был просто голофильм, похожий на реальную жизнь, но все же не настоящий, а сделанный на студии,— насколько было бы легче... Но там за стеклом не было лжи, это был восстановленный по фотосталактиту давно исчезнувший мир, и если правда то, что рассказывали им экскурсоводы, значит, когда-то жили и этот сморщенный шаман, и веселый Адам, и маленькая болезненная Ева...

Каждая такая встреча с давно ушедшим прошлым была испытанием для Эмми, но не проходило и двух дней, как неизъяснимая сила влекла ее сюда. Хорошо, что Джейн об этом не знала, иначе она непременно впала бы в панику и стала бы таскать Эмми по всем знакомым врачам. Разве ей объяснишь, что никакое видео и никакие развеселые приключения Дональда Грея в марсианских джунглях не могут сравниться с живым доисторическим мальчиком? Ведь каждый младенец знает, что никаких джунглей на Марсе нет, даже искусственных, а Адам жил на Земле, пусть и много веков назад, и к нему можно приходить, как к другу. Но неужели он даже и не подозревает, что из мрачной глубины Пещеры, где с низко свисающего свода спускается белый каменный рог, на него из невообразимой дали времени глядят участливые детские глаза?

Иногда во сне Эмми видела, как произойдет их встреча. Вот она, высокая и красивая женщина в белом халате, с волнением подходит к громоздкой установке в центре большого зала хронолаборатории, заставленного сложнейшими приборами. Эмми — нет, уже Эмми Карлейн, выдающийся физик, создавший теорию времени, через минуту начнет испытание чудесной машины, с помощью которой можно перенестись в прошлое. Где-то позади, за бронированными стеклами, ей отчаянно машут руками сотрудники Института Времени, стрекочут, как сверчки, кинокамеры светлых репортеров. Весь мир, затаив дыхание, наблюдает на своих видео, как гениальная красавица, очень похожая на свою мать Джейн, садится за пульт управления, отрешившись от всего окружающего... Нет, пожалуй, пусть она сначала обворожительно улыбнется миллионам своих поклонников и ободряюще помашет им рукой. Теперь пора привести машину времени в действие. Тонкие длинные пальцы Эмми мелькают над бесчисленными кнопками, еще мгновение — и ее фигура начинает расплываться и таять, и скоро только прозрачное облачко тумана

зависает над местом, откуда только что отправилась в путь первая путешественница во времени.

Дальнейшее в каждом новом сне представлялось Эмми по-разному. Особенно врезался в память девочки сон, в котором машина из-за неполадки опередила лет на пятнадцать тот знаменательный день, когда Адам, несмотря на запрет шамана, осмелился подойти к каменному бивню и даже коснулся его рукой. Увы, девушке не удалось появиться перед ним в этот момент в ослепительном сиянии света — а ей так хотелось поразить своего друга... Вместо этого она неожиданно оказалась на небольшом каменном плато недалеко от Пещеры.

Шел осенний проливной дождь, ветвистые ручьи бурлили между камнями и с шумом обрушивались с крутого обрыва. Эмми вдруг почувствовала себя очень одинокой и беспомощной. Она так и не рискнула открыть прозрачный колпак машины и подойти поближе к Пещере в такую непогоду. Ночью ее разбудил грохот ударов. При тусклом свете звезд девушка с ужасом увидела перед собой разъяренного дикаря в потертой шкуре, с ксжей, покрытой многочисленными рубцами и ссадинами. Ухватив огромный острый камень, он с воплями обрушивал его на прозрачное бронестекло. Но страшнее всего стало, когда Эмми вдруг увидела в грубых чертах нападавшего поразительное сходство с хитроумным весельчаком Адамом...

Девочка с трудом отогнала от себя неприятные воспоминания и с облегчением вздохнула. Как хорошо, что сны не всегда сбываются! Сейчас же дети в Пещере спали, тесно прижавшись друг к другу, и как ни вглядывалась Эмми в бурю полутьму, она так и не смогла разглядеть своего друга. Жаль, ведь у нее сегодня так много свободного времени... Эмми утешила себя, решив, что завтра обязательно зайдет в музей вечером, даже если родители захотят повести их с Дикки в Луна-парк. А сейчас... Сделав глупое развеселое личико, она выпорхнула из Пещеры и под пристальными взглядами взрослых проскакала вприпрыжку до выхода. Ох, кажется, обошлось...

В узеньком переулке было безлюдно, но и лифтов, к сожалению, тоже не было — Музей Человека не пользовался особой популярностью у жителей Дома. Пришлось рискнуть, вернуться на 142-ю улицу и там, не раздумывая, нырнуть под первый попавшийся колпак лифта. Теперь быстро!.. Трясущимися от страха пальцами девочка

набрала на пульте заветный шифр. Есть! Красная лампочка, чуть помедлив, загорелась успокаивающим рубиновым светом — капсула вызвана. Медленно тянулись секунды... Эмми вся сжалась, ожидая, что вот-вот колпак над ней снова подымется и удивленный голос спросит: «А ты что здесь делаешь, девочка?» Но вместо этого откуда-то прямо из раздвинувшегося пола появилась серебристая капсула лифта, и Эмми тут же нырнула внутрь. Последнее, что она увидела, закрывая дверцу, — это изумленное лицо ярко одетой женщины, быстро идущей к лифту. Потом все исчезло...

Капсула стремительно упала вниз, но Эмми почти не почувствовала этого. Впечатление было такое, будто она катается на маленьком пароходике в Луна-парке и пенистые волны несильно раскачивают мокрую от соленых брызг палубу. Между тем на широком светящемся табло капсулы мелькали номера этажей и улиц — капсула совершала сложнейшие эволюции, двигаясь попеременно то в вертикальной, то в горизонтальной плоскостях, непрерывно советуясь с Центральным Мозгом, который выбирал оптимальный путь с учетом занятости всех лифтовых каналов. Ах, если бы хоть одним глазком посмотреть, кто живет на этих бесчисленных этажах, пройтись по широким незнакомым улицам, встретить новых интересных людей!..

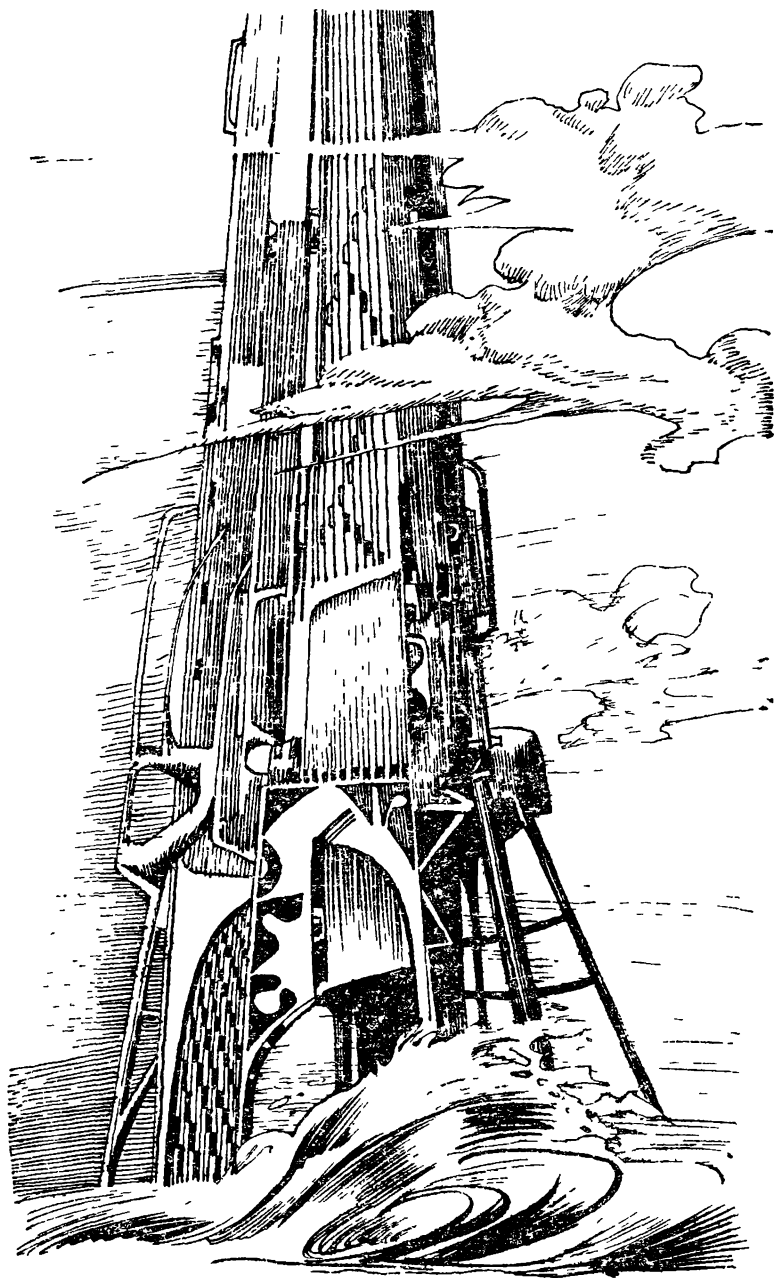
Эмми знала, что Дом, стоящий прямо в океане, в нескольких десятках километров от материка, представляет собой гигантский, полностью автономный человеческий муравейник. Более ста его этажей уходят в океанскую глубину, которая кормит и одевает всех жителей. Там же находятся мощные электростанции и подводные шахты, дающие необходимые полезные ископаемые, которые перерабатываются на огромных заводах и фабриках. Но вот как распределяются люди на тысячах этажей Дома, похожего на ступенчатую пирамиду, Эмми совершенно не представляла — почему-то об этом в школе рассказывают только старшеклассникам. Где-то же должны жить подростки, старики, ученые, холостяки и калеки? А куда уехали полгода назад их соседи Бермайстеры? Мама тогда что-то сердито говорила о банкротстве, о неумеренных тратах, о том, что упасть сразу на минус двадцать могут только такие безответственные люди, как Эрик с Хельгой... Этого Эмми понять никак не могла. Бермайстеры

были добрыми и щедрыми людьми, они очень любили детей и часто приглашали окрестную детвору на веселые пикники, с фейерверками и маленькими карнавалами. Может быть, поэтому они и разорились?

Капсула лифта петляла по этажам как-то уж очень долго, и на Эмми вновь напал страх. А вдруг та разряженная дама успела сообщить в полицию, и капсула сейчас вынырнет в большой сумеречной камере, где на широких скамьях сидят малолетние преступники вроде нее и, понурившись, ожидают, когда за ними придут разгневанные родители?.. Отец недавно за ужином рассказывал о новом проекте в парламенте, выразительно поглядывая при этом на детей. Мол, для учета жизненного уровня семей собираются ввести балловую систему. Тот, у кого из-за определенных проступков или неудач по службе общий балловый баланс начнет падать, автоматически будет спускаться по жизненной лестнице, и здесь, в частности, очень многое будет зависеть от воспитанности детей и их поведения. Что такое жизненная лестница, Эмми не совсем поняла, ведь в Доме нет лестниц, если не считать детских площадок, но сейчас при воспоминании об этом разговоре она невольно поехала и влажными глазами впиалась в табло. Вот промелькнула 11-я улица 115-го этажа, секундная остановка — и лифт перескакивает сразу на 105-й этаж, и опять ожидание...

Когда лифт остановился на пятом этаже, девочка была совершенно обессилена. Третий раз она совершала такое путешествие, и каждый раз оно стоило ей много слез. Когда же она станет взрослой и независимой и перестанет бояться всех и вся!..

Эмми с трудом взяла себя в руки и, всхлипнув напоследок, привычно приняла беспечно-глуповатый вид. Кажется, это ей плохо удалось, но узкая, едва освещенная улица с глухими металлическими стенами, к счастью, была пуста. Метрах в ста впереди она упиралась в тупик с широкой, наглухо закрытой дверью, за которой был слышен мерный плеск океана. Сердце девочки сладко вздрогнуло от предчувствия чего-то радостного и неизведанного. Она быстро набрала на пульте управления дверью сложный шифр, который Денни по секрету сообщил ей на прошлой неделе, и, отступив назад, от волнения зажмурилась. Дверь плавно поползла в сторону, и на девочку нахлынул свежий, насыщенный терпкими

запахами воздух. Эмми, собравшись с духом, осторожно открыла глаза.

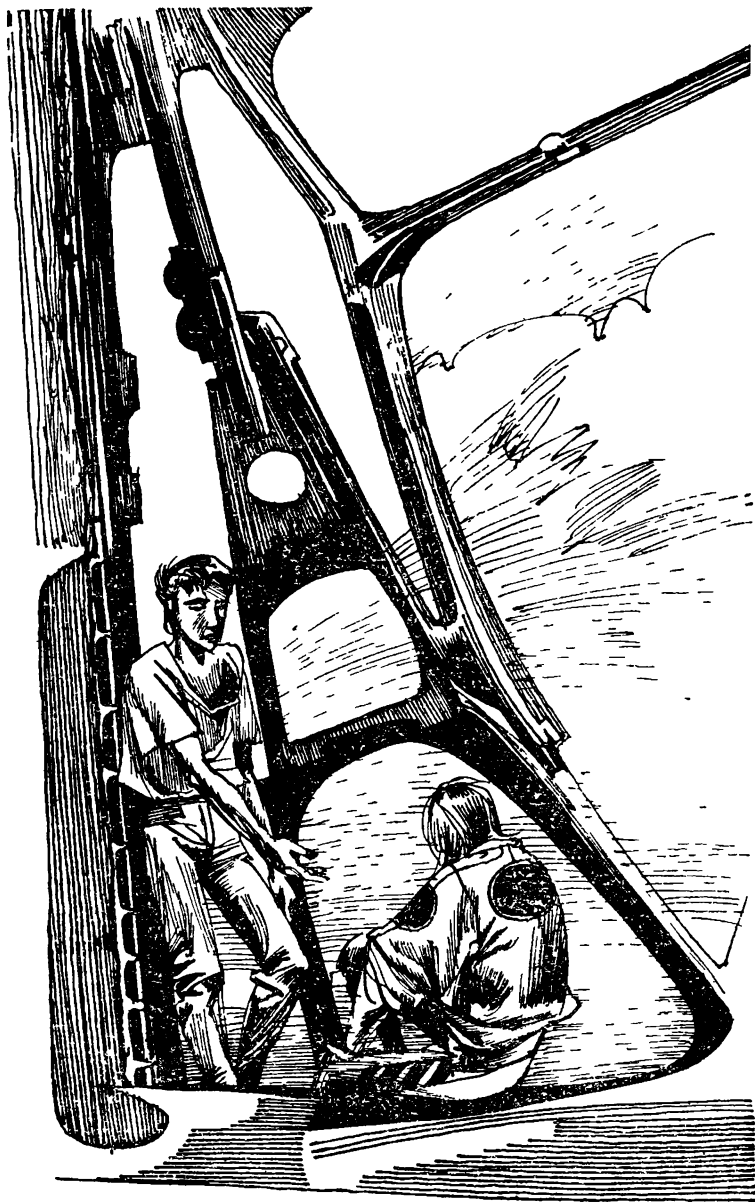
Утро было тихое, совсем безветренное, стеклянная зеленоватая гладь океана почти не колыхалась, невысокое розовое солнце косыми лучами до боли резало глаза. Эмми стояла на самом краю выдвижного пандуса и крепко держалась обеими руками за поручни, чувствуя неприятную слабость в коленях. Вот он, настоящий океан, настоящий ветер, соленый и густой, какого никогда не сделать синтезатору запахов... Девочка невольно оглянулась, подняла глаза и даже покачнулась от сладкой дрожи — гигантский утес Дома подымался белыми уступами, словно сахарная пирамида, на невероятную высоту и таял у самого неба в ослепительном серебряном блеске.

— Эм-ми!.. Иди сюда!.. — вдруг услышала она мальчишеский голос откуда-то снизу. — Ну что ты уставилась в небо, как телескоп?

От неожиданности девочка вздрогнула. Денни, худенький рыжий мальчишка в полосатой тельняшке и в пиратской черной повязке на левом глазу, устроился прямо на плоской поверхности капители белой колонны, уходящей в самую глубь океана. Когда-то здесь, у западного подножия Дома, один предприимчивый делец пытался создать увеселительное заведение с плавучими ресторанами, праздниками Нептуна, обнаженными нимфами и романтическими гондольерами. Увы, затея прогорела — слишком мало оказалось желающих вкусить запах Настоящего Океана, рискуя при этом попасть под прозаический настоящий дождь и порывистый ветер. От всей бывлой роскоши остались только покосившиеся колонны «под Парфенон», опирающиеся на плавучий фундамент, да несколько ветхих гондол из дешевого пластика.

— Хватайся за восьмой блок, Эмми! — крикнул Денни, махая ободряюще рукой. — Только не вздумай трусить!

Легко сказать — не трусить! От широкого пандуса, на котором стояла Эмми, вниз были протянуты тонкие, почти прозрачные нити подвесных дорог, тоже оставшиеся здесь от лучших времен. Нужно было вдеть обе руки в петлю, затянуть на запястьях мягкие ремни и, усевшись на узкое сиденье, спрыгнуть вниз. Автоматический тормоз сам будет регулировать движение, и опасности, конечно, никакой не было, но... Эмми собралась с духом. Прыжок!.. Зеленая гладь стремительно понеслась ей в лицо, она чуть

не задохнулась от тугого удара ветра, сердце невольно екнуло от страха, но скоро движение стало плавным, и Эмми рискнула открыть глаза. Колонна медленно наплывала на нее снизу, Денни пронзительно свистел в два пальца и одобрительно топал ногами.

— Это я сам провел «нитку» на мою любимую колонну,— похвастался мальчик, развязывая туго затянутую петлю и стараясь не замечать, как вздрагивают застывшие руки Эмми.— Знаешь, отец сказал мне: «Молодец, Денни! Ты мужественный парень, и в следующий раз я непременно возьму тебя на катер пасти стадо!»

— Все ты выдумываешь,— облегченно сказала девочка и сразу же уселась на теплый шероховатый камень, стараясь не смотреть вниз.— Ты ведь в прошлый раз рассказывал, что сам в одиночку спускался на катере на дно океана и искал там жемчужины...

— Разве? — искренне удивился Денни, почесывая затылок.— Откуда же здесь могут быть жемчужины? Вот часы-радиофон, которые уронил в океан лет шесть назад один миллионер, я действительно искал. Веришь, они были сделаны по специальному заказу где-то в Швейцарии и стоили шесть тысяч монет! Таких часов, говорил отец, нет ни у кого во всем Доме, даже у самого мэра! А этому миллионеру хоть бы хны, он только высморкался в платок и просипел: «Здесь слишком сильно дует. Я, пожалуй, вернусь в Дом, если ты не возражаешь, дорогая».

Денни так кривлялся, изображая старого, изогнутого подагрой миллионера, для которого насморк страшнее потери шести тысяч монет, что Эмми расхохоталась.

— Слушай, давай позагорает, а? — предложила она. Сбросив платье и поправив чуть сбившийся детский купальник, она блаженно улеглась на капители.

Мальчик проворчал что-то неразборчивое, но тоже разделся. Ему казалось странным, что некоторые люди специально тратят время на то, чтобы валяться без дела на солнце ради загара. Вот они с отцом никогда и не думали щеголять бронзовой кожей, но почему-то они оба коричневые, как негры.

— У нас теперь дела пошли на лад,— хвастливо сообщил Денни, прилаживая на глаз то и дело сползавшую повязку.— Отец продал неделю назад сразу три центнера золотой макрели рыбозаводу и даже подписал контракт на два года с рестораном восемьдесят шестого этажа! А это не

шутка... На восемьдесят шестом, как говорит отец, живет целый муравейник всяких конторщиков, бухгалтеров и других бумажных червей, и они все из экономии едят только рыбу. А значит, скоро наши доходы поползут вверх, гип-гип ур-р-ра!

От избытка чувств мальчик сделал стойку на руках, и перепуганная Эмми завизжала:

— Денни! Немедленно прекрати, сумасшедший, упа-
дешь!

Мальчик не спеша опустился на ноги, выпятив грудь, как звезда видео Джимми Бернер, небрежно отряхнул руки и с достоинством улегся рядом с Эмми.

— Помнишь, ты мне обещал рассказать, как вы жили раньше, ну, до того, как переехали на плюс восемнадцать? — сказала Эмми, опасливо заглядывая за край капители. — Ого, как высоко, даже голова кружится!

— Пустяки, — снисходительно сказал Денни. — Это с непривычки. Вот погоди, в следующем году ты у меня будешь запросто сигать отсюда в воду! А о том, как мы жили раньше... Знаешь, даже неохота вспоминать. Ты, наверное, слышала, что под водой Дом тянется на много десятков этажей, до самого дна. Говорят, по закону там должны находиться только заводы и мастерские... — Он презрительно свистнул. — Э-э, держи карман шире! Там живет столько рабочих, что у тебя бы глаза на лоб полезли, если бы ты посмотрела на этот муравейник! Теснотища, грязь, спертый воздух, блеклый свет... Да что там говорить, хоть я и родился в тех местах, меня в этот мусорный ящик и тягачом не затащишь!

— А почему же вы раньше не переезжали выше? — наивно спросила Эмми. — Или хотя бы не купили видеоокно, чтобы было повеселее?

— Чего захотела! А ты знаешь, сколько это стоит? Если бы не папин брат — ну, я тебе рассказывал, тот цветовод с материка, — мы так бы и застряли внизу навсегда.

— А почему вы не поедете к папиному брату жить? Я как-то была в гостях у бабушки — ну до чего же было весело и интересно! Настоящие большие яблоневые деревья, огромная вилла, похожая на рыцарский замок, рядом журчит небольшая речка...

Денни разозлился:

— «Почему, почему»! Хоть ты и маленькая еще, но должна все-таки что-нибудь соображать! Где бы мы нашли

работу на материке, если там каждый третий — безработный? Вилла ей понравилась? А у меня дед живет в вонючем подвале... Здесь еще куда ни шло, хоть работа пока есть.

— Я ничего в этих вещах не понимаю,— виновато сказала Эмми.— Только ты меня прости, Денни, нам ведь в школе ничего этого не рассказывают, а по видео все больше показывают роскошные курорты и цирк... Терпеть не могу цирк! Знаешь, о чем я думаю? Если бы месяц назад я случайно не перепутала шифр в лифте, то, может, никогда и не узнала бы, что кто-то живет хуже, чем мы с Дикки... Послушай, а почему у тебя нет сестры? На нашем этаже во всех семьях есть мальчик и девочка, а по видео...

Эмми замолчала. Денни сердито сопел, отвернувшись, так, что Эмми испугалась, не обидела ли она его случайно чем-нибудь.

— Думаешь, мои родители не хотят еще одного ребенка? — дрогнувшим голосом сказал он, не оборачиваясь.— Мне самому ужасно хочется иметь сестренку... Ну такую вот, как ты... Чтобы было с кем играть и о ком заботиться... Я бы так ее защищал от мальчишек — только берегись! Но нельзя нам...

— Не понимаю,— жалобно сказала Эмми.— Ты только не сердись, Денни, мне ведь никто ничего не рассказывает.

— Все очень просто,— глухо сказал мальчик.— Это — один из законов Дома, который рассчитан на определенное количество жителей — около десяти миллионов, кажется. И это число должно как-то сохраняться... А значит, в семье должно быть не больше двух детей. Это в среднем, для людей среднего достатка. Тот, кто богат, ясно, сам себе хозяин, может хоть десять детей иметь. А такие родители, как мои, имеют право не больше чем на одного ребенка... К тому же там внизу все время ставят новые машины, которые требуют все меньше специалистов по обслуживанию и ремонту... Да все равно ты не поймешь — мала еще! В общем, если бы не дядя, у нас и надежд никаких не было бы, а так все-таки купили свою рыбную плантацию. Э-эх...

— Прости, Денни,— тихо сказала Эмми, ласково прикоснувшись к нему рукой.— Это все так несправедливо... Ведь ты такой же, как и я, а никогда не видел ни видеоокна, ни Луна-парка, ни Машины Сказок...

— Это еще что за машина? — заинтересовался мальчик.

Слушая сбивчивый рассказ Эмми, он то и дело восторженно ахал.

— Вот это здорово! — крикнул он в восторге. — Как же ты не запуталась в программе? Я бы никогда так не смог, честное пиратское!

— Ну что ты! — удивилась Эмми. — Ведь это так просто. Смотри. — И она камешком стала выцарапывать на плоской поверхности капители различные схемы и таблицы, пытаясь объяснить мальчику систему стандартных процедур и принцип действия Синтезатора.

Денни только глазами хлопал, а потом решительно сказал:

— Да не старайся ты зря, Эмми. У нас ведь в школе математику того... не очень здорово. Ну и головастая же ты все-таки! Не зря отец как-то сказал мне — таких толковых девчонок, как Эмми, во всем Доме не сыщешь, мол, мы еще будем гордиться знакомством с ней... Ты что, Эмми?

Девочка неожиданно для себя горько расплакалась, уткнувшись в колени и ничем не отвечая на робкие попытки Денни утешить ее. Разве ему расскажешь, как одиноко и грустно живет ей там, наверху, где все дети ее сторонятся, где никому нет до нее дела? За что, за что? Только потому, что она знает и умеет куда больше, чем надо для ее лет? Но почему тогда так придираются к ней все учителя... Эмми вспомнила, как после ее перевода в новую школу директор Кроннер решил устроить олимпиаду лучших учеников по физике и ужасно разозлился, что какая-то крошечная девчонка легко обошла всех старшеклассников, и в том числе его собственного сына. И уж совсем невзлюбили ее после того, как на уроке литературы она написала в сочинении о модном романе Майкла Стерри «Педагог», что это гнусная проповедь в защиту палки, которую вытащили из диккенсовских времен и выставили как некую волшебную палочку в век кибернетики и космических полетов. Эмми негласно объявили чудовищем, монстр-вундеркиндом, в котором нет ничего святого и детского. Учителя подчеркнуто не замечали ее, а ученики прямо при ней выдумывали издевательские анекдоты о «нашей старушенции»... Но разве об этом расскажешь?

Вдруг вода около колонны закипела, вздулась узлова-

тым пузырем, в зеленоватом стекле которого поднимались из глубины белые ветвящиеся струи. Стаи тонких, точно иглы, рыбешек беспорядочно рассыпались по сторонам, и на бурлящую поверхность вынырнул синий подводный катер.

— Ур-р-ра, это отец! — обрадовался Денни и, вскочив, начал восторженно размахивать руками, приплясывая на одной ноге. — Отец, к нам в гости пришла Эмми!

— Вижу, вижу, — глухо сказал отец Денни — высокий смуглый человек с грубым морщинистым лицом. Он откинул в сторону прозрачный колпак кабины и с наслаждением вдыхал свежий, пропитанный солеными брызгами ветер. — Привет, Эмми! Молодец, что не забываешь своих друзей... А это еще что? Мы, оказывается, плакали? Денни, мальчик мой, я тебя не узнаю...

— Ну что вы, мистер Бредхоу, Денни совсем не виноват, — улыбаясь сквозь слезы, сказала Эмми. — Просто мне стало немного грустно, только и всего.

— Грустно? А ты говоришь — не виноват... Денни, ты стал скучным кавалером, а это большой грех в глазах женщин! Но я шучу, я стлично понимаю, что тебя опять обидели в школе, Эмми. Наверное, снова твое доброе сердечко не выдержало и ты за кого-нибудь заступилась, не правда ли?

Эмми удивленно уставилась на мистера Бредхоу.

— Да... Но откуда вы...

— Просто я не зря убелен сединами, девочка. И потом, добрые люди всегда горько переживают, когда их обижают, но это ничему их не учит... Ты слишком много знаешь для своих лет и слишком талантлива, но это бы еще ничего, если бы ты умела, как другие вундеркинды, презирать всех обычных людей, расталкивать соперников локтями и рваться к славе. Тогда тебя хотя бы понимали, но и ненавидели, конечно. Кто же у нас в стране любит людей, ушедших на стометровке жизни вперед! Их сначала травят и обливают грязью, а когда это уже не помогает, восхищаются, прославляют их, но все равно ненавидят... Хотел бы я знать, девочка, кто сделал тебя такой, какая ты есть! Но что бы там ни было, у тебя найдутся и верные друзья, правда, Денни? И мы не дадим тебя в обиду. А теперь — гоп-ля-ля! — держите. — И два оранжевых апельсина, описывая золотистую дугу, полетели в синеву неба.

Дети взвизгнули от неожиданности. Еще мгновение —

и теплые шероховатые плоды упали им прямо в руки.

— Вот что, Денни,— деловым тоном сказал мистер Бредхоу, когда восторги детей утихли.— Ты должен сегодня протянуть еще три нитки, как мы с тобой договаривались.

— Что-то случилось, отец?

— Да как тебе сказать...— нехотя ответил тот.— Только ничего не говори вечером матери. В общем, наша сеть заграждений оказалась поврежденной сразу в нескольких местах.

— Вот это да! Неужели акулы?

— Какие здесь акулы... Морские кордоны не подпускают их и на десять миль к Дому. Тут что-то другое. Хорошо еще, что макрель в это время питалась и не успела разбежаться, иначе плохи были бы наши дела, Денни. Видно, придется дежурить и по ночам...

В этот момент Эмми пронзительно вскрикнула. Метрах в двухстах от них вновь вздулся искристый пузырь, только гораздо больших размеров, и трехместный катер, даже не успев полностью показаться на поверхности, стремительно рванулся по направлению к колонне.

— Ложись! — крикнул Денни и буквально сшиб девочку с ног.

Эмми больно ударилась о камень и чуть не заплакала, но обиднее всего было то, что она опять ничего не понимала. Между тем Денни, тяжело сопя, вытащил из небольшой брезентовой сумки какой-то прибор и лихорадочно стал крутить верньеры.

Эмми все же набралась храбрости и осторожно высунула голову за край капители. Невдалеке от них покачивался на легких волнах широкий красный катер, и трое его пассажиров, мощного сложения мужчины, дружески приветствовали мистера Бредхоу.

— Привет,— сдержанно сказал отец Денни, засунув руки в карманы.— Осторожнее, ребята, еще немного, и вы залезете на мою территорию... Осторожнее, я вам говорю!

Катер послушно остановился у полосатого буйка. Черноволосый, с притворной ослепительной улыбкой мужчина рывком выпрыгнул из салона и так же, как мистер Бредхоу, уверенно встал на скользком носу катера.

— А мы к вам в гости! — радостно сообщил он.— Говорят, у вас сегодня произошла небольшая неприятность? Ай-яй-яй... Но разве стоило из-за каких-то пустяков бес-

покоить главного шефа полиции? Разве наш доблестный сержант Таннер не мог бы вам помочь или, скажем, мы с ребятами?

«Ребята» одобрительно заржали.

— Вас я не знаю,— холодно сказал отец Денни,— и знать не хочу. Но вот с моими магнитными капканами вы можете познакомиться хоть сейчас...

Бредхоу, наклонившись к пульту управления своего катера, щелкнул какими-то тумблерами, и тотчас же по всему периметру плантации вынырнули на поверхность желтые шары, оцетинившиеся колючими рогами. Чуть помедлив, они не спеша поплыли к незванным гостям.

— Эй-эй, мистер Бредхоу! — заметно поскуцнев, вскричал Черноволосый. — Мы же к вам пришли с миром, не так ли, ребята?

— Не знаю. Но прошу вас так же с миром и уйти. И учтите: больше у вас подобный фокус не пройдет. Я уже сделал по радио заявление главному шефу насчет некоего мистера Вермеера и его шайки, которая пытается монополизировать продажу рыбы на нижние этажи и давит частную инициативу свободных граждан Дома. Кстати, с главным шефом полиции мы учились некогда в одном классе, пока он, ясно, не пошел наверх. Есть еще вопросы?

— Есть,— зло процедил черноволосый и полез обратно в салон. — Вам никогда не приходилось видеть рыбу-пилу?

Из-под кормы его катера вдруг выдвинулся пилообразный металлический бивень. Положение было критическим, и казалось, мистер Бредхоу изрядно растерялся. Но в этот момент как пружина вскочил на ноги Денни и, наставив на «гостей» слегка жужжащее допотопное видео, срывающимся от волнения голосом закричал:

— А вам приходилось когда-нибудь сниматься для полицейского информатория, мистер пират? Учтите: передача идет напрямую и вас уже засек некий сержант Формантай!

На пиратском катере некоторое время царило молчание. Потом черноволосый нехотя сплонул за борт и, не сводя тяжелого взгляда с Денни, решительно захлопнул прозрачный колпак. Эмми показалось, что его съезжившиеся было спутники с облегчением переглянулись.

Через минуту океан опять был пустынен и чист, только на горизонте белой метелью носились над водой чайки. Отец Денни шумно вздохнул, вытер рукавом пот с лица и

уселся на лоснящуюся под лучами солнца поверхность катера.

— Ты молодец, сынок! — крикнул он взволнованным голосом. — Но ведь, насколько я помню, у этой модели нет канала связи с информаторием, не правда ли? — И он хитро подмигнул приободрившимся детям.

— И никакого другого тоже нет, отец, — расплывшись от удовольствия, отрапортовал Денни. — Это самый примитивный видеомагнитофон. Годится для съемки семейных торжеств при умеренном освещении.

Все дружно рассмеялись.

— Смех смехом, но нам все-таки нужно держаться настороже. Не думаю, что они объявят нам войну — мы для них слишком мелкая рыбешка, но все же придется, Денни, купить инфрасирену. Жаль, мы с матерью хотели расплатиться за холодильник, но ничего не поделаешь... — Мистер Бредхоу помолчал, потирая небритую щеку, потом внимательно посмотрел снизу вверх на Эмми: — Вот так-то, девочка...

Мистер Крайнов, «разведчик» одной из лучших в стране школ вундеркиндов, непринужденно сидел в особом кресле для гостей, напоминавшем перламутровую раковину, и с видом знатока потягивал кофе из крошечной полупрозрачной чашки. Ему было скучно. Везде, в каждом Доме, было одно и то же. И безвкусные стандартные кресла, и дурно сваренный кофе, и завлекающий взгляд молодящейся хозяйки, одетой со вкусом попугая. Нет, никакие деньги не заставят его переехать с материка в такую глухую провинцию!

— Удивительный кофе, — сказал он, прищуривая глаза. — Миссис Карлейн, вы просто волшебница! Такой нектар я пил дважды... У турецкого султана и, кажется, у одного бразильского набоба, сделавшего на кофе тридцать миллионов. Вы меня покорили, миссис Карлейн! О, я просто завидую вам, уважаемый мистер Карлейн!

И он замолчал с чувством выполненного долга. Родители Эмми так и расплылись от удовольствия и сразу же почувствовали себя непринужденнее.

— А что, у турецкого султана тоже есть дети-вундеркинды? — спросила Джейн, сияя.

— Нет. Но... Он бы хотел, чтобы *были*.

— Кстати, а почему у вас такая странная фамилия? — выложил Фрэнк давно подготовленный вопрос. — Вы, наверное, потомок какого-нибудь русского князя?

Мистер Крайнов поморщился. В подобных мелких деловых разговорах он готов был удовлетвориться простым титулом графа.

— Вы угадали, — проникновенно сказал он, прижимая руку к сердцу в знак благодарности. — Правда, вы понимаете, сейчас мой титул чисто номинален... — И, решив, что со светской частью можно покончить, он продолжал уже деловым тоном: — Так что вы можете предложить нашей фирме?

Фрэнк рассказывал долго и путано, пытаясь быть объективным, то и дело переходя на восторженный тон. Он показывал гостю множество бумаг с заключениями экзаменационных комиссий, красочные дипломы победителя школьных олимпиад, табели успеваемости.

Крайнов тщательно просматривал документы, делал кое-какие выписки и время от времени вставлял наводящие вопросы.

— Та-а-ак... — сказал он наконец удовлетворенно. — Благодарю вас, мистер Карлейн. А что можете добавить вы, миссис?

Монолог Джейн состоял сплошь из восклицаний и междометий, но концовка, явно заученная с чьей-то подсказки, была наполнена государственными заботами о подрастающем поколении.

— Благодарю вас, миссис, — благожелательно сказал Крайнов. Он уже сделал все необходимые для себя выводы о характере и умственном развитии супругов и мог открывать карты. — А теперь я вас немного удивлю, — почти грустным голосом сказал он. — Все это мы уже давно знаем: и об удивительных способностях девочки, и о ее жизни, и даже кое-что о ее мечтах. Откуда? О, это секрет фирмы! Хороши бы мы были, если бы только сидели и ждали, когда нас позовут. Естественно, некоторую информацию мы получаем из школ... Увы — больше ничего об этом я не могу вам рассказать. Зато я хочу поставить вас в известность о заключении наших экспертов. Они считают практически единодушно, что ваша дочь Эмми — девочка с выдающимися задатками, причем как в естественнонаучной, так и в гуманитарной областях. По нашей оценке —

плюс 16 и плюс 11 баллов соответственно по двадцатибалльной системе Мейсона. Безусловно, она *может* заниматься в одной из наших школ-интернатов. (Родители Эмми засияли.) Вы, наверное, немного знакомы с системой подготовки и воспитания талантов в нашей стране, уважаемые миссис и мистер Карлейн. Талант, а тем более гений — это двигатель общественного и технического прогресса, который пользуется большими привилегиями, но и способен на огромную отдачу. Еще лет тридцать назад у нас практически не было поставленных на научную основу школ для вундеркиндов. И знаете ли вы, сколько неокрепших дарований «сгорало», не выдержав груза своей исключительности? Одно время считалось, что это чуть ли не естественно, что лишь настоящие таланты проходят без потерь суровые испытания жизнью. На наш взгляд, это было крайне ошибочное мнение. Талант — это всегда талант, но одни, как Джек Лондон или Горький, крепили в суровой борьбе с жизнью, а другие способны творить только при благожелательной поддержке, при определенном избытке материальных благ и особом микроклимате. Конечно, необходимо и умело развивать у юных дарований чувствую ответственности за свой талант и более или менее готовить к встрече с реальной жизнью, которая не всегда походит на оранжерею. Вот из подобных намерений и была создана наша фирма... Кое-кто в парламенте уже рассматривает нас как одну из важных движущих сил нашего общества как в сфере экономики, так и идеологии. Действительно, число наших воспитанников достигло уже тридцати тысяч, а это сила!

Мистер Крайнов замолчал и пытливо посмотрел на супругов Карлейн. Фрэнк явно преисполнился чувством своей особой заслуги перед родиной, а эта дура Джейн обрадовалась, что спихнет наконец с рук строптивую дочку, и ждала только момента, дабы пролить соответствующие для прощания слезы. Идиоты!

— Но есть два обстоятельства, которые нас несколько смущают, — резко продолжил Крайнов. — Во-первых, это уникальная разносторонность Эмми. Обычно в физико-математическую школу мы берем детей с восьми лет, а в гуманитарную — только с двенадцати. Причем, развивая один дар девочки, мы, безусловно, загубим другой, ибо выпускаем *специалистов*, а не разносторонних дилетантов. Как быть в этом случае?

— В конце концов, это не так важно,— нерешительно сказала Джейн. Давно подготовленные слезы неожиданно наполнили ее глаза, но, подумав, она решила, что это даже к месту.— Литературу Эмми все равно будет любить, как любят все образованные люди. Но мне хотелось бы, чтобы у нее была менее беспокойная профессия. Не правда ли, Фрэнк?

— Здесь не все так просто,— покачал головой мистер Крайнов.— Личность-то девочки, как ни странно, уже сформировалась, пусть еще только в зародыше... Но еще более сложен второй вопрос. Видите ли... Как бы это вам сказать... Словом, у вашей дочки отмечена явно выраженная антисоциальность. Двенадцать баллов по нашей шкале.

Фрэнк и его жена от неожиданности даже вздрогнули. Потом Фрэнк тихо переспросил:

— Я вас не совсем понял... Что вы сказали, мистер Крайнов?

— У Эмми отмечена ярко выраженная антисоциальность,— жестко повторил «разведчик».— Конечно, вы скажете, что она еще дитя, что и зрелые люди порой меняются, но все это не так просто. Кто-то посадил в душу девочки семена, которые дадут плохие всходы. Да, плохие всходы, миссис и мистер Карлейн! Ей уже сейчас не нравится общество, в котором она живет, и люди, с которыми она общается. Не случайно она ищет друзей среди людей не своего круга, а в низших плебейских прослойках. Знаете ли вы, что она уже не раз путешествовала на нижние этажи Дома и даже заимела там друзей среди чернорабочих? А разве пустяки то, что она вызывающе ведет себя в школе, не считается с авторитетом педагогов, открыто выступает против системы воспитания, разработанной нашими лучшими учеными? Что вынужденные строгости школьной системы, включающие в себя определенные элементы... э-э... физического воздействия на непослушных учеников, она называет дикарской системой страха и насилия? Что в традиционном сочинении на тему «Кем ты хочешь стать?» она развивала, пусть и на детском, наивном уровне, идеи, которые, без сомнения, можно назвать антисоциальными? Это не мелочи, не детские шалости, ведь Эмми отнюдь не простая девочка: у нее уже есть характер и у нее есть огромные возможности... Только куда она их направит, миссис и мистер Карлейн? Так ли

просто переучить ее, семилетнюю крошку, которая уже знает больше, чем мы с вами?

Фрэнк и Джейн ошеломленно молчали. Потом Фрэнк вскричал:

— Это все твоя мать, Джейн, эта сумасшедшая старуха, для которой нет ничего святого! Конечно, именно она заморочила голову несчастной девочке!

— К сожалению, вы правы,— согласился мистер Крайнов.— У вашей матери, миссис Карлейн, весьма странный образ мыслей. Из-за этого она и вынуждена была оставить университет в свое время. Но дело не только в ней. Книги... Вы знаете, какие книги читает ваша дочь? В ее возрасте все читают комиксы и сказки, а что читает она?

Фрэнк втянул голову в плечи под жестким взглядом жены.

— Но в этих комиксах сплошной секс и насилие... Я не решался давать их девочке, когда она была еще крошкой, а потом... А потом она и сама не захотела.

— В этом и есть ваша основная ошибка,— кивнул «разведчик».— И еще в том, что Эмми наверняка очень мало смотрит программы видео для детей. А ведь наша великая культура, словно кровь, струится по каналам видео. Ваша же дочь, как нам известно, предпочитала читать классиков, особенно русских. Бог знает, что она там поняла, но совершенно ясно, что такое чтение не пошло ей на пользу. Ну кому, скажите, нужен сейчас Чехов или Лев Толстой? Кто собирается готовиться с их помощью к борьбе за место под солнцем в нашем сложном, но прекрасном мире? Еще прошу вас понять, что мы ничего не имеем против вашей дочери, она нам очень нравится своей одаренностью, но ей не семь лет, нет, далеко не семь! От вас, миссис и мистер Карлейн, теперь во многом зависит, каким будет будущее Эмми... Кто знает, может быть, года через два мы еще вернемся к этому разговору?..

*

Замок, сырой и мрачный, с развалинами сторожевых башен и скелетом, подвешенным около подвесного моста через ров, наводил тоску. Эмми лежала на животе, поджав губы, и ожидала, когда начнется бал и узкие, словно бойницы, окна замка озарятся трепетным блеском свечей, а быстро кружащиеся тени от невидимых танцующих пар

замелькают на площадных каменных плитах. О, как Дикки завыл вчера вечером, когда узнал, что Машина Сказок больше никогда не покажет ни отвратительных злобных колдуний, ни шабаша ведьм на Лысой горе, ни огнедышащих драконов, пожирающих, словно конфеты, юных красавиц! Конечно, сегодня он непременно донесет об этом матери... Ну и пусть!

Эмми с ожесточением стала соскребать с сырых стен замка «таинственный» плющ, от которого ей никак не удавалось избавиться,— он входил в стандартные процедуры, как и сочившиеся влагой развалины старой часовни и призрачный диск луны, то и дело закрываемый рваными тучами. Видите ли, без них замок не замок... Интересно, какой же это взрослый решил, что детям будет скучно играть без маленьких привидений и мертвецов, без колдунов, людоедов и другой нечисти! Так хочется свежего ветра и солнца и чтобы рядом были веселые и хорошие люди...

Не выдержав, Эмми заплакала, уткнувшись лицом в пушистые ворсинки ковра. Все кончено... Никогда она не сможет тайно кататься по этажам и ездить к Денни и его отцу, никогда, никогда ее не пустят в музей Человека, и она даже не сможет проститься с бедной Евой, когда та начнет слабеть от морозов и голода!.. Откуда-то родители узнали сразу обо всем, чем жила Эмми, и теперь **намеренно** не спускать с нее глаз. А какой тяжелый разговор **был** вчера в кабинете директора школы... Да, ей дадут **шанс** исправиться, переведут в другой класс или даже в другую школу, но она должна научиться хорошо себя вести, не выделяться, не прекословить учителям и не ссориться с другими детьми, иначе ее будущее будет незавидным. «Нужно уметь находить со всеми контакты и быть более гибкой, девочка,— увещевал ее мистер Кроннер.— Ты живешь в великой стране, среди прекрасных людей, цени же это! Все дети в мире завидуют тебе. Будь умницей, будь умницей...»

«Что я им сделала? За что они меня так не любят? И Дикки, и мама... И даже отец — запер меня на всю субботу в комнате и не взял вместе с Дикки в Луна-парк... Если бы сейчас хоть на минуту увидеть бабушку, уткнуться в ее теплые, пахнущие пирогами ладони, насколько было бы легче!»

Эмми еще раз вздохнула и стала тоскливо размышлять,

чем бы заняться. Можно было просидеть перед замком целый день и насмотреться на пышные рыцарские турниры, на отважного Ланселота, с легкостью побеждающего великанов, и на забавного вряля сэра Кея. А еще можно было пойти и повозиться с компьютером или поучиться у Информа... Но ничего этого ей не хотелось. Если бы у нее была хоть пушистая собачонка или белый задиристый котенок! Нет, у нее осталась только Машина Сказок, умеющая делать бездушных кукол, механически выполняющих заданную программу...

Тут Эмми пришла в голову неожиданная мысль, и она нерешительно подошла к Информу. А нельзя ли сделать кукол более самостоятельными, усложнить программу настолько, чтобы они немного походили на мыслящих существ? Все еще колеблясь, она набрала шифр вызова и, увидев на экране приветливое лицо худого юноши в старомодных очках, смущенно пробормотала:

— Уважаемый мистер, нельзя ли мне получить сведения... То есть я хочу узнать: как составлять программы для андроидов, ну хотя бы таких, как Питер Пэн в парке Диснейлэнд?

Родители вернулись домой только к вечеру, веселые и возбужденные, то и дело покатывающиеся от смеха при воспоминании о разных забавных эпизодах поездки в Луна-парк.

Эмми молча собрала разбросанные по полу десятки листов новой программы и ушла, не оборачиваясь, в свою комнату.

— Какова? — сразу же разозлилась Джейн. — Фрэнк, ты только посмотри на свою любимую дочь! Ноль внимания к нам, словно мы и не родители, а кухонные автоматы...

— Зато она, кажется, взялась за полезное дело, — возразил Фрэнк, у которого была не совсем спокойная совесть. — Мы слишком уж ударились в крайность, так сурово взяв девочку в оборот.

— Ничего не сурово. Тебе мало неприятного разговора в Бюро Социального Здоровья? Ах, если бы я знала, чем закончится визит этого хитреца Крайнова... Может быть, ты хочешь, чтобы нас сочли бездарными родителями и

спустили на минус пятнадцать? Дикки, немедленно перестань крутить ручки видео!

Дикки сразу же завопил дурным голосом, так что Джейн тут же пришлось просить прощения и утешать свое чадо. Фрэнк, решивший ни во что не вмешиваться, с достоинством удалился в свой кабинет. Вечером он попытался восстановить мир в доме, устроив роскошный фейерверк в видеоокне, так что даже Джейн от восторга захлопала в ладоши. Эмми из вежливости досмотрела все до конца, а потом пожелала родителям спокойной ночи и ушла спать раньше обычного.

Следующий день ничего не прояснил. Фрэнк демонстративно заперся в кабинете, увлекшись ремонтом переносного видео, а Джейн с Дикки отправились в гости и возвратились только поздно вечером, усталые и раздраженные. А в понедельник... Ну что хорошего можно ожидать от понедельника? Эмми пришла из школы с глазами, полными слез, и, даже не прикоснувшись к обеду, который подкатил к ней заботливый Бонни, сразу же взялась за программу.

Так прошла неделя, и наконец Джейн забеспокоилась.

— Завтра я поведу Эмми к врачу, — заявила она за ужином. — Фрэнк, позвони мистеру Кроннеру — мне с утра будет некогда — и предупреди, что девочка больна.

— Я не больна, — сказала Эмми, без удовольствия допивая виноградный сок. — Просто я работаю над очень интересной программой и не хочу отвлекаться ни на что постороннее.

— Мы с отцом — это не что-то постороннее! Если уж действительно правда, что ты взрослее, чем кажешься, то позволь с тобой поговорить серьезно... Дикки, иди к себе в комнату и занимайся математикой. И не спорь, малыш... Эмми, ты обещала, кажется, изменить свое поведение?

— Да, обещала... А что мне оставалось делать? Вы отняли у меня все, что я любила... и я не плачу-у-у...

— Не хнычь, — вмешался Фрэнк. — Лучше объясни: ты подружилась с кем-нибудь из девочек в вашем классе?

— Да, — тихо сказала Эмми, опустив голову.

— Почему же ты тогда не ходишь к подругам в гости?

— Я хотела... Но их родители не пустили меня и запретили девочкам дружить со мной.

— Это еще почему? Ты что-то сочиняешь, дочка!

— Нет, это правда,— грустно сказала Эмми.— Они откуда-то узнали, что меня взяли на учет в Бюро Социального Здоровья. Одна мама так и сказала: «Я не хочу, чтобы эта девчонка заражала моих детей болезнью непослушания».

— Но откуда они узнали? Ведь это же строго сохраняемая тайна! Джейн, это ты?

— Что ты, Фрэнк,— густо покраснела Джейн.— Как ты мог подумать... Это же моя дочь!

— Значит, постарался мистер Крайнов... Или, скорее, Кроннер... Ох, мерзавцы!

— Фрэнк! Веди себя прилично при детях!

— Это ты лучше вела бы себя приличнее. Разве не ты подняла шум насчет школы вундеркиндов? И не ты советовала мне поговорить с Кроннером? Нет, Эмми, так больше жить нельзя. На следующей неделе мы переведем тебя в другую школу, пусть даже на этаж ниже,— ничего страшного, переживем...

— Не поможет, папа,— спокойно сказала Эмми.— У Кроннера все директора школ знакомые.

— И за что он тебя так не любит? Ты чем-то его оскорбила? — возмутилась Джейн.

— Не знаю... Я, правда, выиграла математическую олимпиаду — помнишь, ту, в прошлом году? Мне старшие ребята потом говорили, что сын Кроннера не получил из-за этого дополнительных баллов... А ведь он кончал школу. Знаете, отец Денни мне как-то сказал: люди не любят, когда на дороге жизни их обгоняют на полкорпуса. Я тогда не поняла, что он хотел сказать, а теперь, кажется, дошло... Можно, я пойду к себе, а?

Когда Эмми ушла, Джейн сказала мужу с испугом:

— Фрэнк, и это семилетняя девочка!.. Мне просто страшно стало, когда она начала нас учить... А что же будет года через три? Нет, я скоро просто сойду с ума. Ну чем, ну чем я разгневала Бога? — И она разрыдалась, умоляюще смотря на мужа расширенными водянистыми глазами.

— Я, пожалуй, все-таки куплю ей собаку,— задумчиво сказал Фрэнк, растирая одеревеневшее лицо ладонями.— Правда, за нее берут бешеный налог... Но ничего не поделаешь, Джейн, надо же нам как-то нести свой крест!

На следующий вечер программа «Галахад» впервые заработала. Сначала было все как обычно — десятиминутный шорох и треск под кожухом Ящика Пандоры, веселый танец разноцветных огоньков на контрольном экране пульта и мерное журчание воды в охладителе. Но Эмми почему-то охватило какое-то волнующее предчувствие. Неужели вместо полуразвалившихся кусков биомассы она наконец увидит легендарного доброго и мужественного человечка, который может стать ее верным другом?..

Когда лиловое облако опало, девочка дрожащими руками подняла кожух и чуть не вскрикнула — прямо на полу она увидела всадника на красивой серой лошади.

Ростом Галахад был не более фута, его белокурые волосы чуть вздрагивали от дыхания девочки, синие горящие глаза с восхищением смотрели на нее. Эмми даже захлопала в ладоши от радости. Все получилось точно таким, как на картинках к последнему изданию романа Томаса Мэлори, — и ладная тонкая фигурка рыцаря, и блестящие латы, и белый плащ за спиной. А главное — лицо, милое, мужественное и волевое.

— Прекрасная дама, — звонко сказал Галахад, — не бойтесь меня. Мое имя Галахад, я сын славнейшего на свете рыцаря сэра Ланселота и прекрасной Элейны, дочери короля Пелеса. А как ваше имя? Прекрасным своим лицом вы похожи на дочь какого-нибудь великана или волшебника.

— Меня зовут Эмми, — тихо сказала девочка, сгорая от стыда за свое измятое, перепачканное в пыли платье. — Мой отец совсем не волшебник, и его зовут Фрэнк.

— Странное имя, я никогда не слыхал о таком короле... Но это не имеет значения. Да будет вам известно, прекрасная дама, что я отправился на поиски Святого Грааля, совершил немало подвигов и только что освободил прекрасных девиц из Девичьего замка, поразив в честном бою семерых добрых рыцарей, и готов служить вам, если в том есть надобность. Еще крепок мой меч, который я извлек по воле божьей из красного камня, а меч этот не могли стронуть с места даже такие славные рыцари, как сэр Гавейн и

сэр Персиваль, а мечом этим владел когда-то добрый рыцарь Балин Свирепый, убивший им своего брата. И еще у меня есть надежный щит, который я добыл в Белом аббатстве, а принадлежал он когда-то славному королю Эвелаку, а красный крест на нем начертал своей кровью рыцарь Иосиф Аримафейский... Почему вы плачете, прекрасная дама, может быть, вас заточил в плен какой-то злой колдун?

— Да, я в плену, — улыбаясь сквозь слезы, сказала Эмми. — Если бы вы знали, как я рада вам, славный Галахад!

С этого дня Эмми словно преобразилась, глаза ее снова засияли детской улыбкой, и она снова научилась весело прыгать на одной ноге по улицам, возвращаясь из школы домой. Ее уже не огорчало, что одноклассники по-прежнему сторонятся ее, а учителя стараются любыми способами поставить ей плохую отметку и очень раздражаются, когда Эмми отстаивает правильность своего ответа. Даже Музей Человека уже не так сильно манил ее своей сверкающей рекламой над входом. Не так страшны все неприятности, если знаешь, что дома тебя ожидает друг. Пусть и до смешного старомодный, но что поделаешь — Эмми моделировала его характер по старинным рыцарским романам Кретьена де Труа, Вильгельма де Эшенбаха и Томаса Мэлори.

По вечерам девочка послушно высиживала у экрана положенную порцию ковбойских глупостей, так что даже Джейн не могла ни к чему придаться, а потом запиралась в своей комнате и восстанавливала Галахада. Он уже привык к Эмми, считал ее волшебницей и немного побаивался, особенно после того как девочка по ошибке включила при нем видео.

Но все равно Галахад в глубине души считал себя ее защитником и пылким кавалером. Он часто забавлял свою прекрасную даму, демонстрируя свое искусство владения мечом и копьем, рассказывал самые завиральные истории о своих приключениях и при этом иногда невольно вспоминал о Святом Граале.

— Вам, наверное, очень наскучило мое общество, — печально сказала однажды Эмми. — Конечно, славные подвиги вас манят сильнее, чем нудная болтовня глупой девочки...

— Нет, что вы, прекрасная Эмми! — воскликнул Гала-

хад, чуть смущенный неожиданным упреком.— Я знаю теперь о всех ваших врагах, пылаю к ним ненавистью, и если бы вы только разрешили вступить с ними в честный бой... Клянусь Святым Граалем, всем этим гнусным великанам, и особенно злодею Кроннеру, пришлось бы плохо! Ведь еще мой отец Ланселот прославился тем, что, победив двух великанов в замке Тинтагиль, освободил шестьдесят дам и девиц... А я, сдается, тоже рыцарь не из последних!

— Нет, нет, ни за что на свете! Эти великаны не такие уж злые... А может быть, я сама во всем виновата... Я знаю: вам, отважному рыцарю, просто не сидится без дела. Хотите, я попытаюсь сотворить такое волшебство, что вы сможете продолжить поиски Святого Грааля? А иногда, по вечерам, я буду переносить вас в мой замок... Вы согласны, мой добрый Галахад?

— Я во всем повинуюсь вам, прекрасная Эмми,— сказал почтительно рыцарь, наклоняя в знак согласия голову.— Я счастлив, что у меня теперь есть дама сердца, ради которой я мог бы сражаться. Клянусь: я совершу столько подвигов, что сама королева Гвиневера будет завидовать вам!

Эмми провозилась еще два дня с программой, даже пропустила школу. Но зато теперь она могла, вернувшись после уроков домой, открыть кожух Ящика Пандоры и полюбоваться новыми чудесными приключениями своего друга. Насмотревшись досыта, она «вызывала» Галахада, стирая одним движением клавиши волшебные замки, воинственных рыцарей, благочестивых отшельников и прекрасных дам, а потом с удовольствием слушала рассказы рыцаря, сопровождавшиеся образной жестикуляцией и демонстрацией того или иного славного удара. Каким ароматом чудес благоухали рассказы Галахада о его битве с сэром Персивалем и со своим отцом Ланселотом, о приключениях в мертвом лесу и о победе над самым доблестным Гавейном в рыцарском турнире, и о плавании на корабле, где Галахад чудесным образом стал обладателем Меча-на-Перевязи. Эмми восторженно хлопала в ладоши и старалась в свою очередь рассказать простодушному рыцарю понятными для него словами о школе, о своих родителях.

Гроза разразилась неожиданно в воскресное утро. За завтраком Дикки вертелся как на иголках и хитро

поглядывал на родителей. Наконец отец сказал, не выдержав:

— А ну-ка выкладывай, Дикки, что ты знаешь, ведь все равно проболтаешься, рано или поздно!

— А я что знаю,— немедленно стал сыпать словами Дикки,— а я подслушал через стенку, что Эмми вечерами с кем-то разговаривает и даже смеется, а ведь ее каждый день в школе ругают, я-то знаю! А вчера она написала такое сочинение, что даже директор ее вызывал к себе, а она — хоть бы что, опять перед сном хохотала, вот!

— Это что за сочинение? — удивленно сказала Джейн.— Девочка, почему ты мне ничего не рассказывала?

— Я думала, ты знаешь,— сказала Эмми, опустив голову.— Ведь Дикки следит за мной по твоей просьбе, мама?

— Выбирай слова, наглая девчонка! Ты уже ни во что не ставишь не только брата, но и меня, твою мать! Фрэнк, ты опять молчишь, как будто тебя это не касается!

— Дикки, откуда ты все это знаешь? — раздраженно сказал отец, отодвигая недоеденный пудинг в сторону.— Мальчик, ты меня удивляешь в последнее время своей излишней осведомленностью. Да выключите же вы наконец это проклятое видео!..

Дикки нехотя поднялся и не спеша пошел к переливающейся разноцветными красками стене, щелкнул клавишей и вернулся за стол, не глядя отцу в лицо. Вид у него был обиженный, казалось, он вот-вот заревет.

— Не говори так с Дикки,— выручила его мать.— Понимаешь, это я сама попросила мальчика время от времени узнавать, как идут дела у Эмми. Ведь она такая скрытная, а у Дикки есть друзья в математической школе... Я не вижу здесь ничего дурного — не звонить же каждый день Кроннеру или учителям! Ты лучше спроси свою дочь, что же нового она поведала миру в своем сочинении?

— Отвечай, Эмми,— сурово сказал отец.— Если я не ошибаюсь, ты обещала не забывать о Бюро Социального Здоровья?

— Я все помню,— еле слышно прошептала Эмми.— Но я не могу писать того, чего не думаю, папа! Пусть такие

лгуны, как Дикки, пишут, что самое интересное в Доме — это бассейны, Луна-парки или автоматы с жевательной резинкой. А я написала про нижние этажи, о том, что там живут тысячи детей, которые редко видят солнце, даже искусственное, никогда не едят досыта и с десяти лет начинают работать...

— Она сошла с ума, — отчетливо сказала Джейн после минуты полной тишины. — Я сейчас же позвоню Кроннеру и буду умолять его не принимать эти глупые слова всерьез. Никогда я не слышала, что бывают семилетние... бунтари. Боже, за что ты нас так наказал! — И она, сжав ладонями виски, ушла в свою комнату.

Отец грустно посмотрел на побледневшую дочку.

— Ты крупно подвела нас с матерью, Эмми. Мы ведь поручились за тебя в Бюро Социального Здоровья. А теперь... Если это сочинение дойдет до них, то... Я даже и подумать боюсь, к чему это может привести.

— Фрэнк, все кончено! — со слезами крикнула Джейн, вбегая в столовую.

— Что с тобой, милая? О чем ты говоришь?

— И ты еще не понимаешь? Сочинение этой глупой девчонки Кроннер еще вчера передал по официальным каналам только для того, чтобы снять с себя всякую ответственность. Негодяй, он даже не предупредил нас! Что теперь будет, что теперь будет!..

Фрэнк медленно повернулся к дочери, и Эмми поразились, до чего чужим и неподвижным было его лицо.

— Ну, а теперь, Эмми, расскажи нам, с кем же ты разговариваешь по вечерам у себя в комнате...

Всю ночь Эмми не могла сомкнуть глаз. Все происшедшее казалось ей каким-то дурным сном, который неожиданно пришел на смену веселым карнавальным сновидениям.

Она никак не могла понять, почему родители так испугались... Неужели какое-то школьное сочинение, где все от слова правда, может чем-то повредить семье Карлейн? Невозможно поверить, что есть такие взрослые, которые всерьез читают детские сочинения и решают: мол,

этот мальчик нишет как полагается, хотя это и невероятная глупость, а вот эта девочка, ростом чуть побольше куклы, что-то критикует, что-то не принимает... А раз так, значит, у нее социально нездоровые родители и против них нужно принять меры... Какая-то чушь! Но до чего же страшным было лицо отца, когда он выбрасывал из ее комнаты блоки Машины Сказок! Хорошо еще, что она успела спрятать Галахада под кроватью, умоляя его затаиться и молчать, а не то ей бы не выдержать еще одного удара...

Эмми прислушалась. Кажется, Галахад спал, подложив под голову плащ, и во сне, наверное, видел все новые и новые приключения и сражения во имя прекрасной дамы Эмми... Слезы невольно полились на мятую подушку из, казалось, уже иссякших глаз. Нет, не будет больше никаких приключений, добрый рыцарь...

Когда девочка, всхлипывая, заснула, Галахад тихо вывел коня из-под полога кровати и, сев верхом, взял копьё наперевес. Ночь предстояла тревожная, и маленькое его сердце сжималось от боли за свою несчастную даму. Ну что же, завтра он будет биться, и пусть хоть сто великанов обрушат на него удары своих палиц — Галахад не отступит! Как он раньше не понимал, глупец, что прекрасная дама, которую рыцарь любит больше жизни и во имя которой он готов совершить много славных подвигов, и есть его желанный Святой Грааль! И он, Галахад, сын Ланселота, как ему и было предначертано судьбой, нашел своего Святого Грааля — свою любовь!

*

За завтраком на следующее утро царило напряженное молчание. Отец с матерью о чем-то тихо переговаривались, Дикки выглядел напуганным и бледным — видимо, и до него дошло, что взрослые волнуются не зря. На Эмми никто не обращал внимания, словно ее и не было за столом, и только вежливый робот Бонни дружески подмигнул ей зеленым огоньком, наливая в стакан золотистый виноградный сок.

Эмми почти ничего не ела и все время размышляла, как ей поступить с Галахадом. Дома его оставлять одного опасно...

Тут она вспомнила, что у нее есть большая красивая коробка из-под торта, где она обычно хранила разноцвет-

ные лоскутки для своих кукол. А что, если пораньше прийти в класс и поставить ее за книжный шкаф? Пожалуй, никто ничего не заметит. Только как уговорить отважного рыцаря тихо просидеть в коробке все шесть часов занятий?..

— Папа, что случилось? — наконец решилась спросить Эмми. — Вы разве не идете сегодня на работу?

Отец, не подымая глаз, покачал отрицательно головой, а Дикки даже присвистнул:

— Э-э, чего захотела... Мы сегодня такую бумагу получили по пневмопочте...

Эмми больно резануло это небрежно брошенное «мы», и она тихо сказала:

— Это из-за меня, папа?

— Еще не знаю, — холодно ответил отец. — Нас с матерью приглашают в Управление Домом... Насколько я знаю, это бывает или перед переселением на несколько этажей выше, или...

— Да что там гадать, — страдальчески простонала Джейн. — Куда переедем мы с Дикки, ясно даже и младенцу. Что скажут на работе — страшно подумать... Фрэнк, может быть, нам и работу придется менять? О боже...

— А что будет со мной, папа?

— Ну откуда я знаю! Тебя, наверное, переведут в какую-нибудь закрытую школу-интернат — временно, конечно...

Он раздраженно встал из-за стола и чуть не сбил с ног Бонни, торжественно несущего поднос с горячим чаем.

— В общем, ничего особенного с тобой не произойдет. А вот что будет с нами...

*

— Задача: решить систему обыкновенных дифференциальных уравнений с постоянными коэффициентами, — нараспев говорил Кроннер, высвечивая на демонстрационной доске затейливую вязь математических символов. — Ну, кто возьмется за это плевое дело, ребята? Смелее, я помогу, если что.

Все дети, как по команде, уткнулись в столы и сделали вид, что очень заняты. Одна Эмми по привычке

тянула вверх руку, но Кроннер не обращал на нее внимания.

— Ну, ну? — весело подбадривал он ребят. — За смелость я набавлю балл... Мэри Уинкл, прошу вас к доске. У вас что, ноги болят от ревматизма, девочка моя?

Класс удивленно захихикал. Не в обычаях директора было фамильярничать с учениками, не желавшими отвечать на его вопросы. Мальчишки в первом ряду посовещались и пришли к выводу, что старик, должно быть, купил абонемент на автотрек и теперь сможет гордо расхаживать в красно-голубой шапочке автогонщика. Девочки же, похихикав, решили, что мистер Кроннер собирается, наверное, жениться.

Пока бедная Мэри мучалась у доски, перебирая непослушными пальцами разноцветные кнопки, мистер Кроннер, уловив удивленный шум, решил пояснить.

— Мне очень жаль, дорогие ребята, вас огорчать, — сказал он, скорбно закатывая глаза, — но сегодня наш класс понесет тяжелую и невосполнимую потерю. Сядь на место, Мэри, я ожидал от тебя большего...

Класс замер, пораженный таким поворотом, а у Эмми сердце сильно забилося, и она невольно прижала ладони к груди.

— Я говорю обо всеми любимой мисс Эмми Карлейн, — со вкусом продолжал пытку директор. — Встань, Эмми, покажись нам в последний раз!

Эмми не помнила, как встала и вышла из-за стола, опустив пунцовое лицо.

— Вот так, хорошо, остановись здесь. Дети! Мне очень жаль, но я вынужден сообщить вам, что по решению Бюро Социального Здоровья нашу Эмми переводят в закрытую школу специального режима на минус тридцатом этаже. Надеюсь, вы понимаете, за что?

— Нет! — вдруг пискнул чей-то отчаянный голос. — Не понимаем!

— Кто это сказал? — вздрогнул Кроннер от неожиданности. — Я спрашиваю: кто это сказал?

— Я, — нерешительно встал из-за стола маленький мальчик со смешными оттопыренными ушами. — Мне непонятно это, господин директор.

— Правда, — поддержали его еще несколько голосов. — Ведь Эмми наша лучшая ученица!

— И она заступает за слабых,— сказал, приободрившись, мальчуган.— И она совсем ничего не боится!

Кто-то протяжно засвистел, негодуя. Эмми огляделась вокруг. Глаза ее были полны слез.

Класс разделился на две группы, но защитников у нее оказалось куда больше.

Как же она раньше не замечала, что у нее есть не только враги, но и друзья?..

— Так,— сказал мистер Кроннер, потеряв свою ослепительную улыбку.— Придется поговорить с твоими родителями, Тим. Я не ожидал, дети, что среди вас окажется так мало разумных и добрых учеников. Но ничего. Когда мисс Карлейн покинет нас, мы с преподавателями, надеюсь, снова восстановим дружбу и взаимопонимание в классе. Эмми Карлейн, ты можешь идти домой. Может, через много лет мы еще встретимся с тобой, и ты сама первая посмеешься над своими детскими глупыми выходками. Истинная свобода и права человека не в том, чтобы критиковать тех, кто много умнее и старше. Наш дорогой президент сказал вчера по видео...

Вдруг директор с воплем подскочил и завертелся на месте, держа за руку. Пораженная Эмми увидела, как — как-кап-кап! — рубиновые капельки крови застучали по пластику пола.

«Галахад!» — хотела закричать она, но спазм сжал ей горло.

Галахад между тем выехал верхом на лошади из-за спины директора и обнажил меч.

— Мерзкий великан! — крикнул он, привставая в стремени.— Довольно тебе притеснять добрых людей, заставляя плакать мою прекрасную Эмми. Галахад, сын славнейшего рыцаря на свете сэра Ланселота, отомстит тебе за твои злодеяния в честном бою! Вытаскивай свой меч, мерзкий колдун!

В классе стояла мертвая тишина. Потом Кроннер вырвал маленькое копьцо из ладони и швырнул его на пол.

— Кто принес сюда эту дрянную куклу?! А-а!..

Он схватил со стола тяжелую деревянную указку и вскинул ее над головой.

— Стойте, стойте!

Эмми бросилась к директору, но тот отшвырнул ее в сторону. Девочка упала и больно ударилась об пол, но все

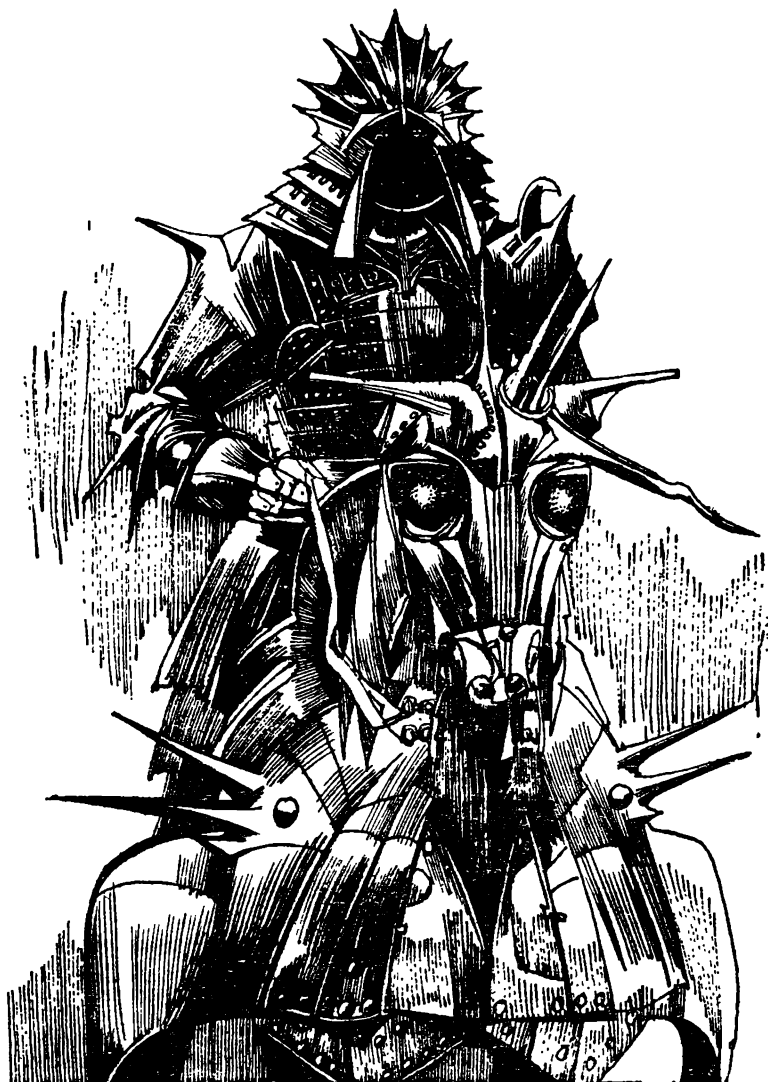
же нашла в себе силы приподнять голову. Сквозь голубой туман, заполнивший глаза, она увидела, как Галахад с воинственным кличем опустил забрало и бесстрашно двинулся на врага.

— Галахад! Милый мой!.. Спасите его, спасите!

Но было поздно.

Щит короля Эвелака, белый щит с красным крестом посередине, не выдержал удара мистера Кроннера.

ВОЙНА СКАЗОК

ГЛАВА 1

Тропинка к дому вела через поляну с высокой, уже пожухлой травой, набухшей от холодной росы. Утренний туман еще не рассеялся — только поднялся вверх, обнажив темные стволы старых лип, вытянувшихся в нестройную аллею вдоль дорожки. Тугой воздух был насыщен горьковатыми запахами увядания, напоминавшими о близившейся осени, но белесое пятно солнца, еле просвечивающее сквозь жемчужную завесу тумана, еще дарило тепло, и Эмми почти не мерзла, хотя ее сандалеты быстро набрякли влагой, а голые руки покрылись легкими мурашками.

Полицейский неодобрительно посмотрел на девочку и неуклюже стал выбираться из черного «Барса», захватив с заднего сиденья сумку с радиоключом.

— Ранняя осень будет в этом году, — сказал он, кутаясь в синий форменный плащ. — Сынишка вчера видел, как в поле ветер нес паутину — это в августе-то!..

— Если вы не возражаете, я бы хотела войти в дом, — с еле сдерживаемым раздражением произнесла Эмми.

Полицейский поджал губы. Черт знает что! На вид — совсем еще девчонка, лет двенадцать, не больше, но держится — словно член сената. И одета не так, как ныне принято у молодежи, — ни «музыкальной» юбки, складки которой при соприкосновении друг с другом издают мелодичные звуки, ни кофты-кокона, ни модных этим летом звездчатых серег с пульсирующим светом... Словно на работу в саду собралась — кофейные свободные брюки, коротенькая серебристая блуза, сумка из тростника через плечо. Такие сумки здесь, на материке, уже два года как потеряли спрос. Только волосы хороши — пышные, соломенного цвета, с нитями венерианских ракушек. Впрочем,

с такой милой мордашкой ей наряжаться особенно и ни к чему... Мордашка-то милая, а вот характер — очень уж сноровистый! Ничего, мы тоже набычиться можем...

Он некоторое время не отвечал, поигрывая браслетом радиоключа, и с равнодушным видом осматривался по сторонам, словно забыл, как оказался здесь, в этом лесу, в тридцати километрах от Ричмонда. Крупные мулатские черты его лица выражали полнейшее спокойствие.

— К чему спешить, мисс? — наконец сказал он с легкой издевкой в голосе. — И потом, мы, представители власти, не привыкли, чтобы нами распоряжались, да еще девчонки со скверной репутацией. Вот именно — скверной! Ваш социндекс, если не ошибаюсь, минус четыре?

Эмми закусил губу. Еще три года назад она бы не выдержала и наговорила этому тупоголовому брюнету все, что она думает о нем и заодно обо всех других так называемых «представителях власти». Но долгие годы, проведенные в закрытой школе-интернате для маленьких бунтарей, многому научили ее, и она промолчала.

— В принципе я вообще не хотел пускать тебя в этот дом, — задумчиво продолжал полицейский, с тайным удовольствием наблюдая, как темнеют от ярости девчоночьи глаза. — Дом законопреступницы, хоть и сдохшей — да, именно сдохшей! — не место для нормальных людей и даже для интернаток. Ну и что из того, что эта безумная старуха Ангелина Бакст была твоей бабушкой? Тем правильнее было бы для тебя держаться подальше от этих мест. Все равно ее имущество согласно закону перейдет в фонд Гейбла, зачем же себя травить понапрасну? Я не позволю тебе вынести из дома даже пуговицы, и все, что ты можешь здесь заработать, так это пять или шесть штрафных баллов. А то и десять, если я походатайствую. За неуважение к представителю власти при исполнении им служебных обязанностей — как тебе нравится такая формулировка? Скажем, ты мне надерзила, оскорбительно отозвалась в машине во время поездки о нашем Президенте, а здесь, в лесу, пыталась похитить у меня радиоключ с целью ограбления виллы. Как тебе это нравится?

Лицо девочки совершенно окаменело, губы посинели от напряжения, на лбу выступили бисерные капельки пота. Полицейский понял, что пережал, и сразу же сбавил тон:

— Ну, шучу, шучу... Понимаешь, у меня растет такая же стрелка, как и ты. Ухитрилась в прошлом году, мер-

завка, набрать в школе столько же минус-баллов, сколько и самые ответные сорванцы! Я едва не распрощался с сержантскими погонами... Вот я и думаю: что вам, молодежи, еще надо? Сыты, обуты и одеты по последней моде, открыты все дороги к тому, чтобы стать достойными членами общества...

— Так я могу пройти к дому? — тихо сказала Эмми, опуская голову, чтобы полицейский не разглядел ее глаза, в которых — она это хорошо чувствовала! — светилось холодное презрение.

Он что-то хотел возразить, потом крикнул, махнул рукой и набрал на ручке радиоключа специальный код. Внешне ничего не произошло — только там, вдалеке, у большой резной калитки, мягко звякнул замок, с которого была снята блокировка. Но Эмми знала, что все не так просто. Вилла окружена по периметру десятками телекамер, сигнальных сирен и даже хорошо замаскированных ловушек. Как и любая другая недвижимость законопреступника, она должна была, согласно кодексу Гейбла, два года стоять на полной консервации — на случай, если наследники смогли бы оспорить решение Верховного суда, а затем все ценное из дома изымалось, а сам он предавался огню. Завтра запыхает и этот с детства знакомый старомодный дом, напоминавший формой большую марсианскую трехстворчатую раковину. Это будет так скоро... И все же она успела. Успела!

Не оглядываясь, она пошла по узкой тропинке, впечатывая подошвы сандалет во влажный песок. За два года, прошедших после смерти бабушки, трава изрядно потеснила некогда идеально ровную дорожку, выбросила на нее десятки побегов, которые каким-то чудом прижились на специально обработанной полоске почвы. Пышные кусты жасмина, некогда посаженные с искусственным смещением циклов цветения — чтобы окрестности благоухали с ранней весны до начала октября, — теперь выродились, одичали и лишь кое-где светились снежными пятнами почти не пахнувших цветов. Еще несколько неспешных шагов — и ажурная металлическая калитка, густо заросшая хмелем, с протяжным скрипом распахнулась, приветливо приглашая Эмми во двор. Двор ее далекого детства...

Эмми не была почти пять лет в кабинете бабушки и потому не без тайного волнения подошла к овальной двери, густо заросшей синфлорами — за создание этих искусственных вьющихся растений Ангелина Бакст еще студенткой получила Большую премию Академии. Мясистые светло-зеленые ветви, давно не политые, жалко обвисли, спускаясь волнистым потоком на пол. Некоторые из них сумели дотянуться до синтетического ковра в гостиной и наполовину поглотили его, выбросив вверх сотни чихлых побегов. Стараясь не дышать глубоко — разлагающиеся листья синфлоров испускали терпкий запах жженой резины, — девочка потянула на себя ручку двери и на негнущихся ногах вошла в полутемную комнату. Здесь, в небольшом уютном кабинете, почти ничего не изменилось: высокие стены, плотно заставленные шкафами с сотнями книг; круглый стол на витой ножке, сделанный из прекрасного экземпляра листа марбии, который бабушка Ангелина некогда привезла из своей первой венерийской экспедиции; несколько матовых дисплеев, посаженных, как цветки кипрея, на один тонкий ствол — кронштейн. Между шкафами голубовато отсвечивал двухметровый стереоэкран видео — единственное новшество, которое бабушка разрешила установить в своем доме за последние десять лет жизни.

Девочка невольно поежилась — в комнате было душно, сыровато и немного жутко, будто она и не провела здесь, за столом из листа марбии, много-много счастливых дней. Трудно поверить, но именно здесь в трехлетнем возрасте, высовывая язык от старания, она вывела свои первые буквы...

Раздался резкий щелчок — и Эмми невольно вздрогнула. Экраны дисплеев, казавшиеся безнадежно мертвыми, внезапно ожили, расцветившись феерическим каскадом шестиугольных пятен. Овальный воронкообразный раструб, поблескивая темным стеклом, стремительно заворачивался на конце кронштейна, словно ощупывая комнату своим зрачком, и наконец остановился, впериw прямо в лицо девочки холодный подозрительный взгляд. Небольшая ЭВМ, установленная прямо на полу рядом с кронштейном и дисплеями, немедленно загудела, шурша магнитными лентами, замигала десятками желтых и зеленых

огоньков — и неожиданно засветился большой экран видео. Пораженная Эмми увидела на нем знакомый кабинет и стол из листа марби, у которого, закутавшись в шотландский плед, сидела в кресле-качалке... бабушка Ангелина! Она выглядела очень бледной и утомленной, с синими кругами под набрякшими веками — такой она никогда в жизни не была. В жизни?

— Я рада тебя видеть, девочка, — ласково произнесла бабушка, приветливо помахав рукой. — Вот ты и вернулась в свой старый опустевший дом...

— Здравствуй, — пробормотала Эмми, задыхаясь от бурных ударов сердца. — Здравствуй, бабушка...

— А ты прекрасно выглядишь, милая, — улыбнулась миссис Бакст. — И как ты выросла! Сколько же тебе сейчас лет, хотела бы я знать. Впрочем, это нетрудно установить...

Эмми едва не вскрикнула и невольно отшатнулась, прижавшись к прохладной полировке книжного шкафа, когда бабушка неожиданно наклонилась вперед, щуря свои голубые глаза и внимательно разглядывая ее с ног до головы.

— Ну конечно, тебе уже двенадцать лет, — после некоторого размышления произнесла она странным, чуть дрожащим голосом. — Какая же ты высокая и худенькая — неужто в интернате так плохо кормят детей? И брюки ты напрасно носишь при такой фигурке — подожди еще года два, три... А вот кофточка очень мила... Но не холодно ли в безрукавке в такой сырой август?

— Бабушка... — пролепетала Эмми, тяжело опускаясь на кресло-качалку — то самое, в котором сидела бабушка Ангелина за экраном. Сидела?

Эмми всхлипнула.

— Но как же?.. Как же?.. Значит, ты... ты не умерла?

Изображение на экране чуть дернулось. Миссис Бакст с грустным и виноватым видом покачала головой:

— Прости меня, Эмми, прости... Я причинила тебе лишние страдания... Но ты знаешь мою страсть к театральным эффектам и розыгрышам! И даже сейчас, спустя... два года после своей смерти, я не могу избавиться от этой слабости. Но почему, собственно, слабости? Меня лишили возможности при жизни поговорить с моей любимой внучкой, но почему же не попробовать сделать это после ухода в мир иной? Не плачь, милая! Увы — чуда не произошло, и

я не воскресла... И все же я *по-своему* вижу и слышу тебя... Как?

Эмми немедленно прекратила всхлипывания — бабушка, как всегда, умело и неожиданно поставила перед ней очередную логическую задачу. Сколько раз уже так было!..

Она попыталась собраться с мыслями, инстинктивно понимая, что бабушка Ангелина просто пытается вывести ее из состояния шока — логические загадки, тем более окутанные туманом тайны, были ее слабостью с самого детства. Так... Ну конечно, последние годы бабушка много времени уделяла стохалингвистике.

— Это... ЭВМ? — наконец выдавила из себя Эмми. — Это она говорит со мной?

Миссис Бакст одобритительно кивнула головой.

— Молодец, девчонка, догадалась! Хотя и не до конца. «Видит» и «слышит» тебя, конечно, лишь моя персональная ЭВМ — мне это, увы, уже не под силу. Но большую часть фраз буду произносить я сама — и это было очень просто сделать! Видишь ли, Эмми, последние месяцы жизни, когда я поняла, что обречена... Впрочем, не буду об этом. Словом, все оставшиеся силы я потратила на подготовку этой встречи — ведь я уверена, что перед сожжением виллы они дадут тебе проститься с ней. Таковы правила кодекса Гейбла! Меня после судебного процесса лишили всего, даже возможности переговорить с тобой по видеотелефону... или даже просто послать письмо. А мне так хотелось этого! И вот я решила спрогнозировать сотни возможных вариантов нашего с тобой разговора — так, чтобы ЭВМ, в зависимости от сказанного тобой, могла легко подыскать наиболее подходящие видеофайлы и тем самым создать иллюзию обычной беседы. Лишь немного я поручила сказать самой ЭВМ — она научилась довольно сносно имитировать мой голос. Например, при всем желании я не могла угадать, сколько тебе сейчас лет и как ты одета... Это определила ЭВМ по специально составленной мной программе и сама синтезировала подходящие фразы. Все это звучит довольно глупо, да, Эмми? Наверное, я уже впадаю в детство... Но мне так хотелось, чтобы когда-нибудь в моем кабинете прозвучал не мой монолог, а наш разговор. Ты ведь простишь глупую старую бабку, дорогая моя Эмми?

Девочка печально кивнула, догадываясь, что телеуста-

новка ЭВМ внимательно следит за ее реакцией. И действительно, изображение на экране вновь чуть дернулось. Вычислительная машина выбрала новый подходящий видеофайл — и бабушка просияла.

— Спасибо,— растроганно сказала она, поправляя слегка растрепавшиеся седые волосы.— Я знала, что ты поймешь старую чудачку... Даже после кончины мне хотелось бы остаться самым оригинальным программистом материка! А теперь постарайся забыть, что наше с тобой общение... э-э... несколько искусственно, и расскажи, как у тебя идут дела,— для меня это очень важно! Как-никак, это я во многом виновата, что на такую кроху свалилось столько невзгод за последние годы. Подумать только — пять лет в закрытом интернате для соцминусов! И как это твой отец мог допустить такое... Кстати, как у родных дела?

Вопрос бабушки прозвучал так естественно, что Эмми подробно рассказала о том, что случилось пять лет назад, в то страшное лето, когда отец подарил ей Машину Сказок. Перед ее внутренним взором огромной сахарной пирамидой возник Дом — необъятный небоскреб, почти на километр возвышающийся над гладью океана невдалеке от материка. Кто знает, как бы повернулись события, если бы она, Эмми, тогда еще семилетняя девчонка, признанный всеми вундеркинд, не решила восстать против бесчеловечности, царящей на бесчисленных этажах Дома? Ее возмущал всеобщий контроль за всеми поступками каждого человека, жестокая система соцбаллов, когда положение личности на социальной шкале определялось Большой Вычислительной Машиной... Воспитанная бабушкой совсем в ином духе, она чувствовала себя в Доме совершенно одинокой, и особенно в школе, где ее постоянно травили и одноклассники, и даже учителя. Машина Сказок помогла ей создать маленького бесстрашного рыцаря, характер которого был так похож на благородных воинов легендарного короля Артура. Сэр Галахад, сын славнейшего рыцаря Ланселота, стал ее тайным товарищем — единственным, кому она могла поверить свои мысли и мечты. И когда по доносу директора школы мистера Кроннера ее, Эмми, решили отправить в исправительный специнтернат для «социально опасных детей», маленький рыцарь обнажил свой меч и встал на защиту своей прекрасной дамы. Галахад погиб в неравной схватке, а ее на следующий день

с согласия насмерть перепуганных родителей, озабоченных только своей судьбой, перевели на минус тридцать этажей, в закрытую школу-колонию особого режима...

Миссис Бакст внимательно слушала взволнованный рассказ внучки, сочувственно кивала, время от времени задавая вопросы, так что вскоре у Эмми создалась полная иллюзия разговора.

— Понимаешь, бабушка,— с горячностью говорила она, облокотившись на столик,— настал день, когда у меня отняли все. И моего друга Денни — помнишь, я писала тебе о нем, это мальчик из рабочей семьи? И мои любимые книги, и Машину Сказок. Я потеряла и Галахада... Быть может, я бы сумела восстановить бедного рыцаря, но отец выбросил Машину Сказок в мусоропровод. Он очень испугался — видите ли, из-за меня социндекс всей семьи понизился и ей стала грозить перспектива переезда на более низкий этаж. Сама знаешь, какие порядки царят в таких Домах, как наш... Ну почему у нас так опасаются всякого инакомыслия, бабушка? Даже если носитель его — семилетняя девочка, начитавшаяся классической литературы прошлых веков...

Миссис Бакст грустно улыбнулась и закачалась на кресле, задумавшись.

— Я знала, что ты мне задашь этот вопрос,— тихо произнесла она.— Тебе ведь больше некому его задать? Как бы тебе объяснить... Видишь ли, наше общество только кажется простым и открытым. Эту догму нам вдалбливают с самого детства, как и сотни других больших и маленьких догм, которые не подлежат ни сомнению, ни обсуждению — их просто впитывают с молоком матери. После всего этого нетрудно называть себя свободным обществом — ведь ростков инакомыслия практически не существует!.. Раньше, до Большого Раздела Мира, все же существовала некоторая свобода мнений. Но когда в двадцать четвертом году наконец был подписан Большой Мирный договор и вслед за ядерным уничтожено и почти все обычное вооружение, все и началось. Мир вздохнул облегченно — угроза уничтожения больше не висела над планетой. Но не всем это понравилось, Эмми, далеко не всем. И не то чтобы были люди, которые мечтали о танковых побоищах,— нет, все не так просто. Еще в период обсуждения Большого Мирного договора наши газеты пестрели предупреждениями — мол, нельзя прекращать гонку во-

оружия, это грозит ростом безработицы и, как следствие, еще большим распространением наркомании, сектантства. Молодежь, лишенная перспектив, может окончательно уйти от общества своих отцов... Так и произошло! И тогда объединенное правительство стран Запада вынуждено было искоренить последние ростки свободы — той свободы, которой мы так гордились в эпоху атомной угрозы! Все партии, за исключением правящих, были уничтожены, загнаны в глубокое подполье, началась дикая травля инакомыслящих... И в первую очередь взялись за «распустившуюся» молодежь: школы превратились в казармы, интернаты — в тюрьмы... Впрочем, это, к сожалению, ты знаешь лучше меня... У нас мало времени, родная моя внучка, я думаю, что полицейские впустили тебя в дом часа на два, не больше?

— Всего лишь на час,— криво улыбнулась Эмми.

— Ах, даже так... Тогда надо поскорее переходить к главному. Быть может, я плохая бабушка и напрасно баламучу детскую душу. Я уже причинила своей любимой внучке немало неприятностей, и, прежде чем мы продолжим разговор, я хотела бы знать: готова ли ты пойти по моим горящим следам? Возможно, это звучит очень напыщенно, но со своими колоссальными способностями ты сможешь сделать немало добра людям — и очень много зла самой себе. В двенадцать лет ты вряд ли сможешь сознавать всю опасность шага, на который я тебя толкаю. Интернат для соцминусов станет лишь началом твоих мытарств, но ты станешь по-настоящему счастливым человеком, Эмми! Жить, борясь за свои убеждения, чувствуя рядом хоть и не многих, но верных друзей, и мечтать о том, чтобы люди на земле стали братьями,— разве это не счастье? Я прожила долгую жизнь, полную лишений и тревог, но ни за что не променяла бы ее на сытое спокойное существование обывателей, жадно ловящих каждое слово очередного Президента... Выбирай сама, девочка, но помни: от того, что ты решишь сейчас, зависит многое в твоей дальнейшей судьбе.

Эмми долго молчала. Перед ее глазами невольно встали картины безрадостной жизни в интернате: темные, сырые коридоры; тускло освещенные классные комнаты, лишенные зелени и обитые серыми металлическими листами; глухие шаги воспитателей, одетых в военизированную форму. И Глаз, недремлющий Глаз, со скрипом пово-

рачивающий свой стеклянный зрачок. Он отслеживал каждый ее шаг, каждое движение, каждое слово...

Позади — пять лет сурового, почти тюремного режима, созданного в интернате с целью подавить в «социально опасных» ребятах самостоятельность мышления. Стандарт и еще раз стандарт — это было главным принципом «воспитания»... Стандарт в одежде, в сочинениях на любую тему, в том числе и на вольную... Малейшие отклонения сурово наказывались карцером. Ох, о карцере лучше не вспоминать! Если бы бабушка знала, как тяжело ей там пришлось... Словно по душе прошелся тяжелый асфальтовый каток! За пять лет — ни одной книги в руках, кроме опостылевших учебников, ни одного душевного разговора с друзьями, да их и не было, друзей... О каких дружеских отношениях могла идти речь, если за каждым из ребят днем и ночью следил свой неусыпный Глаз!

Первый год был для нее кошмаром — она бунтовала в ответ на малейшую попытку унижить или оскорбить ее. Тогда воспитатели применили свой испытанный метод усмирения непокорных и натравили на нее одноклассников. Мол, Эмми Карлейн своим неуправляемым поведением, дерзкими высказываниями и безрассудными поступками снижает социндекс всего класса, и расплачиваться за это будут все — например, лишним годом обучения в интернате. На следующий же день ей устроили «темную», а затем еще и еще... И ей пришлось сломить свое упрямство — чтобы выжить! Пришлось научиться лгать, прятать свои мысли, с равнодушным видом проходить мимо нуждающегося в помощи, не отвечать улыбкой на улыбку, писать до приторности «правильные сочинения» о «прекрасном новом мире, в котором ей повезло родиться и жить...».

Два года она обростала новой кожей, да так успешно, что даже придирчивый Глаз стал выставлять ей — единственной в классе! — высшие баллы по поведению. К воспитателям она тоже сумела подобрать ключик, каждого сумела расположить к себе. Она не позволяла себе ни одной неординарной мысли, ни одного резкого слова. Послушность и заурядность — вот что внешне стало главным ее принципом! В результате за месяц до выпускных экзаменов она была признана лучшей ученицей интерната. В качестве поощрения ей, единственной из воспитанников, предоставлен летний недельный отпуск. Дальше предстоит

трехмесячная практика в какой-нибудь дыре, и, если все будет нормально, у нее появится шанс поступить в средней руки колледж. Если все будет нормально...

— Не-е-ет,— с трудом выдавила из себя Эмми, опуская голову, чтобы не встречаться глазами с бабушкой.— Вернее, я не знаю. Я так устала... Жить ради идеи, даже самой замечательной, я не готова. Пока не готова. Может быть, когда-нибудь позже...

Изображение на экране вновь чуть дрогнуло. Бабушка грустно и понимающе кивнула, не отводя от внучки любящих глаз.

— Я понимаю тебя, девочка, очень хорошо понимаю... Признаюсь, мне не раз приходили в голову такие же мысли: к чему все эти страдания и мытарства? Каждые девять из десяти наших сограждан твердо уверены, что мы — агенты какого-нибудь вражеского государства. А потомки... Прости, все это лишь старческое брюзжание. Я постоянно забываю, что моей внучке всего двенадцать лет и что ты только-только начинаешь жить. Время покажет, на чьей стороне ты окажешься, и вряд ли это будет сторона господина Президента...

— Я подумую...— еле слышно прошептала Эмми, опуская глаза от стыда.— Пока ничего не могу обещать тебе, бабушка. Сейчас я хочу одного — спокойной жизни! Чтобы спать на обычной мягкой кровати, над которой бы не висел ледяной зрачок Глаза... Ходить по воскресеньям в парк, общаться с другими ребятами, делать то, что захочу...

Она замолчала. Глубокое волнение охватило ее, но разве все передашь в нескольких словах?

Миссис Бакст долго молчала — неподвижная, холодная, с поникшими плечами. Прошла минута, две... Эмми заволновалась: она вспомнила о том, какую роль играет в их странном разговоре компьютер. Кто знает, быть может, он вышел из строя? Или бабушка не захочет с ней больше общаться и так и будет сидеть в кресле живым для нее, Эмми, укором? Осталось всего десять минут. А завтра утром дом запылает, унеся в небытие тайну бабушкиных слов...

— Хорошо,— наконец произнесла миссис Бакст, улыбнувшись,— пусть будет по-твоему. Спокойная жизнь, семья, дети, хорошие отношения с властями — об этом должна мечтать каждая нормальная женщина. Почти каждая... Я искренне желаю тебе счастья, Эмми, и, если бы не

твои феноменальные способности, я бы не стала морочить тебе голову! И все же перед тем, как ты навсегда уйдешь из этого дома, а меня поглотит пламя, я хотела бы рассказать тебе об одной вещи... Ты что-нибудь слышала о Проекте, по которому на побережье собираются создать огромную Страну Сказок?

Эмми недоуменно покачала головой:

— У нас в интернате не бывает газет. А видео... Много ли можно узнать по видео?

— Видео здесь ни при чем, девочка. О Проекте предпочитают пока не распространяться... Но работы идут полным ходом, и в них вложены миллиардные средства — гораздо большие, чем в создание колонии на Марсе! Что-то за этим кроется страшное, Эмми, но что — нам с друзьями не удалось толком разузнать. У меня есть одно предложение, Эмми... После интерната тебе предстоит трехмесячная практика. Что бы ты сказала, если бы тебе предложили участвовать в Проекте как молодому, но талантливому программисту? Мои друзья смогут устроить для тебя вызов... А дальше смотри сама. Полное завершение работ по Проекту рассчитано на полтора-два десятка лет. Если в штате специалистов появится перспективная девушка, то все выиграют. И они... и мы — я имею в виду моих друзей. Сейчас, я уверена, они достаточно хорошо контролируют ситуацию, но что будет через год, пять, десять? От тебя, Эмми, пока ничего не требуется. Наоборот, води себя, как ты выражаешься, «нормально». Ну, что скажешь?

— Я согласна, — озадаченно произнесла Эмми. — Хотя не очень понимаю, чем могу помочь твоим друзьям...

Бабушка немедленно просияла.

— Отлично! Я знала, что ты не откажешь. А теперь подожди несколько минут — компьютер должен передать кое-какую информацию моим друзьям в городе. Две-три минуты, не больше...

Изображение на экране замерло. Погасли дисплеи, зато огоньки на пульте ЭВМ начали какой-то новый танец. Эмми подумала: интересно, а что сейчас происходит там внутри, за серебристым кожухом? Составление и кодировка информационного пакета? Или, быть может, даже шифровка? Почему бы и нет? Судя по всему, ее «разговор» с бабушкой был важен не только для них двоих... Девочка почувствовала гордость — значит, она кому-то нужна! И кто-то рассчитывает на ее способности!

Неожиданно все вокруг погасло — экран, дисплей, ЭВМ и даже лампа на столике. В комнате воцарились глубокие сумерки. И тут же за плотно зашторенными окнами раздались нетерпеливые автомобильные гудки.

Все ясно! Час, отведенный на прощание с домом детства, прошел. Повлажневшими глазами Эмми обвела полутемную комнату. «Вот и все,— тихо шептала она,— вот и все... Прощай, бабушка Ангелина, на этот раз навсегда! Прости, я огорчила тебя сегодня... Но иначе я не могла. Прости...»

Когда гудки автомобильного клаксона стали злыми и настойчивыми, Эмми не оглядываясь, быстрым шагом вышла из кабинета. От резкого толчка кусты синфлоров сорвались с гладкой поверхности двери и рухнули, распластав на полу густые синие ветви.

ГЛАВА 2

Тетива была спущена, черная стрела шнуром протянулась от стрелка до могучего дуба, стоящего на самом краю скалистого обрыва, и со звоном вонзилась в бугристую кору, точно в глаз нарисованного мелом дракона.

— Ну, что скажешь, Саманта? — гордо сказал высокий худощавый мальчик, опуская тяжелый самодельный лук. — Кто из нас выиграл?

Девочка, одетая так же, как и он, в грубые кожаные штаны и куртку, живописно украшенную бахромой и фигурными медными бляшками, подошла к дереву и с уважением потрогала гладкое древко стрелы, еще чуть дрожащее от удара.

— Ты выиграл, Робин, — сказала она, не оборачиваясь.

Мальчик торжествующе поднял лук над головой, а затем приложил правую ладонь ко рту. Раздался громкий победный вой — вой одинокого матерого волка, одолевшего противника.

Девочка вздрогнула, но не обернулась — ей не хотелось встретиться взглядом с карими глазами Робина, вообразившего себя отважным разбойником из Шервудского леса. «Робин Гуд согнул в дугу железный прут, а железа в том пруте — как горчицы в молоке...» Как там дальше в детской считалочке?..

Набравшись духу, она сделала несколько шагов вперед, скользя сапогами по мелким колючим камешкам. Еще

один неуверенный шаг — и она встала на самом краю выступа, нависающего на стометровой высоте над бурлящим горным потоком. Рядом была только сеть обнаженных сухих корней дуба, за них можно ухватиться, если...

Крепкая рука легла на ее плечо.

— Не надо, Саманта,— тихо произнес Робин.

Они еще несколько минут постояли на краю обрыва, не в силах оторваться от завораживающего зрелища: внизу бушевал искрящийся поток, над которым висела белесая пелена пены и брызг, а на противоположной стороне возвышалась стена иорных гор, густо заросших буковыми и ясеневыми лесами — тоже иорными. Еще выше был только молочный купол неба с бледным желтком прохладного октябрьского солнца, к счастью настоящего. Впрочем...

Робин, проследив за взглядом девочки, усмехнулся:

— Не беспокойся, это обычное солнце. *Пока* обычное...

— А что, разве в Проекте есть...

— Не знаю,— раздраженно отрезал он.— Меня это не касается. И тебя тоже! Наше дело маленькое — наладка сенсорных систем «уродцев». Нажал кнопку включения тестовой задачи — и через десять минут выключил. Потом опять нажал... И так далее, все три месяца практики. А все остальное — гори оно огнем...

Саманта резко дернула плечом, сбрасывая руку Робина, и окатила его, как холодным душем, взглядом серых глаз. Густые соломенного цвета волосы, выбивающиеся из-под бархатного берета с белым пером, возмущенно всплеснулись.

— Нам пора идти,— сухо сказала она.— А то опять получим нахлобучку от Пекаря... И тетя Нейла поставит тебя в угол. Ты ведь не хочешь огорчить тетю Нейлу, хороший мальчик Робин?

— А зачем мне обязательно ее огорчать? — опустив глаза, сказал он.

— Конечно, незачем,— согласилась девочка.— Робин — да не Гуд, пошли на Станцию, нас ждут...

Они еще раз взглянули на скалистые вершины иорных гор — за последнюю неделю горы заметно выросли! — и пошли в сторону Тракта. Саманта, как всегда прямая и решительная, уверенно шла впереди, забросив за спину лук, из которого она сегодня так позорно стреляла. Бесстрашный Робин брел сзади, бормоча под нос: «Пекарь...

Что мне ваш Пекарь! Нейла... Нашла тетю!.. Даже ниже меня на два дюйма!»

Спустившись по крутой тропинке с утеса, на котором одиноко стоял разлапистый дуб, друзья вошли в густую рощу молодых лип — тоже иорных. Они успели заметно подрасти, пока Робин в течение двух часов пытался научить Саманту приемам китайской борьбы, владению деревянным мечом и стрельбе из лука. Нельзя сказать, чтобы совсем безуспешно, но Робину в его вунд-школе встречались девчонки и потолковее... Например, крестообразный удар: мечом в лицо и одновременно кинжалом в грудь — это же так просто!

Он настолько увлекся мысленной схваткой с коварным противником, что Саманте пришлось самой разыскивать еле заметные следы кабаньей тропы, ведущей через рощу к Тракту. Когда Робин опомнился, они уже стояли на опушке Вековечного леса, в какой-то сотне метров от южной оконечности дороги.

— Молодец девчонка! — сказал он, не скрывая восхищения. — Я-то думал, ты опять заплутаешься в дебрях и заведешь меня куда-нибудь в Глухомань...

— А ты поменьше бы спал на ходу, — осадил его Саманта, но уже не так сердито — похвала обрадовала ее. Не часто Робин удостоивает ее такой чести и правильно делает...

Опушка леса заросла молодыми иорными ясенями с серебристыми гладкими стволами и могучими кронами, образующими несколько этажей, на которых, согласно летописи Толкина¹, любили жить эльфы. «Почему на Станции нет ни одного эльфа? — подумала Саманта. — Кого только не выращивает Пекарь и его помощники в Родильне: гномов, троллей, орков, а эльфов — ни одного. Быть может, их создают на других станциях? Надо будет спросить сегодня наставника — но тихо, когда рядом не будет мисс Нейлы или кого-нибудь из воспитателей. Тоже мне воспитатели — с хлыстами в руках...

Пройдя неширокую полосу ясеней, практиканты углубились в чащу тонкоствольных тополей — уже настоящих, выросших, как сорная трава, за восемь лет действия Проекта. Земля под ногами потеряла прежнюю упругость,

¹ Толкин Дж. Р. Р. Хоббит. — Л.: Дет. лит., 1976.

Толкин Дж. Р. Р. Хранители. — М.: Дет. лит., 1982.

набрякла холодной, с ржавым налетом водой. Робин пошел впереди, уверенно перепрыгивая с кочки на кочку и подавая руку Саманте в самых трудных местах. Еще несколько метров они продирались сквозь глухую крапиву, высоко поднимая руки, чтобы уберечь лицо от жалящих листьев, а затем еле заметная тропинка резко пошла вверх, выходя на Тракт.

Робин одним прыжком одолел крутой подъем, остановился на мгновение и со сдавленным криком прыгнул назад, сбив с ног ничего не подозревавшую Саманту. Они упали в жесткую придорожную траву и затихли.

— Враги? — еле слышно прошептала девочка.

— Хилари из банды мисс Эмингс, — так же тихо ответил мальчик. — Ведет «уродцев» на полигон...

Саманта уже и сама поняла, кто идет по Тракту, — вблизи отчетливо раздавались цокот копыт и слоноводобный топот. Набравшись духу, девочка привстала на колени и осторожно раздвинула ветви кустарника. Из-за поворота на широкую грунтовую дорогу, именуемую громко Внешним Трактом, выехал всадник на могучей черной лошади. Одежда его тоже была черной — широкий развевающийся плащ, под которым тускло поблескивали вороненые доспехи. Ребристый шлем глубоко утопал в плаще, нависая над мгlistой пустотой, в которой светились два холодных красноватых огонька. За Черным Всадником гуськом потянулись шесть троллей — последней усовершенствованной модели. Огромные, почти трехметровой высоты, с тупыми носорожьими мордами, они кротко перебирали своими колоннообразными ногами, поднимая тучи пыли. Плотный сбитый коротышка с добродушным красным лицом следовал в нескольких шагах позади на юрком электрокаре и тяжело дышал. Время от времени он раздражался проклятиями.

Биороботы шумно проследовали мимо Саманты, не заметив ее возбужденного лица среди густого кустарника — лишь Черный Всадник, казалось, чуть скосил глаза-огоньки. Через две минуты Тракт вновь опустел, только пыль, поднятая ногами троллей, продолжала висеть желтым бурлящим облаком.

— Кто это был? — небрежно спросил Робин. Он лежал на спине, заложив руки за голову, и со скучающим выражением на лице лениво грыз сухую травинку.

— Кажется, Уильям, — с сомнением ответила Саманта,

поднимая с земли брошенный колчан со стрелами.— Во всяком случае, мне показалось, что он подмигнул мне одним глазом...

— Тогда точно это был старина Уильям,— безапелляционно заявил Робин, упругим движением вскочив на ноги — Саманта даже охнула от восхищения.— Другие назгулы если бы почуяли нас... Пришлось бы нам давать тягу — только пятки бы засверкали!

— С ними был Хилари с электрохлыстом в руках,— напомнила девочка, поднимаясь вслед за товарищем на Тракт.— Если бы кто-нибудь из «уродцев» сделал хоть шаг в сторону...

— То я бы с ним разделался по-свойски! — расхохотался Робин.

Сорвав со лба обруч, опоясывающий длинные, до плеч, волосы, он высоко подбросил его в воздух и тут же, сбросив лук с плеча, послал вослед ему стрелу. Обруч, вращаясь, поднялся метров на пятнадцать, и в момент, когда он развернулся к земле своей плоскостью, стрела прошла точно в его центре. Робин заулюлюкал и вновь издал победный клич.

Саманта, смеясь, потрепала его по жестким густым волосам.

— Робин Гуд согнул железный прут,— с иронией сказала она.— Пошли скорее, а то Пекарь надерет нам уши!

Станция — шесть белых разнокалиберных зданий — располагалась в нескольких километрах от Внешнего Тракта на вершинах двух тесно примыкающих друг к другу лесистых холмов, разделенных глубоким оврагом. На Медвежьем холме стояло пять корпусов — Родильня, Операторная, Киберцентр, Склад, а также жилое помещение со столовой. Святая святых Станции — Лаборатория возвышалась на самой скалистой макушке соседнего Лисьего холма. Над оврагом был протянут неширокий мост из стеклопластика, настолько прозрачного, что у идущего по нему невольно возникало ощущение, что он парит в воздухе. Связь с Центром и другими Станциями, а их вокруг Территории располагалось двенадцать, осуществлялась с помощью грузовых и пассажирских вертолетов и флайеров, для которых был выстроен небольшой аэродром у подножия Медвежьего холма. Раз в неделю по средам на Станцию доставлялись продукты, почта и необходимые материалы для Родильного цеха, и так же раз в неделю, но

уже по пятницам, большой грузовой флайер увозил партии подготовленных биороботов. Куда и зачем — об этом среди персонала Станции, насчитывающего около тридцати человек, говорить было не принято. А если и находились желающие порассуждать за ужином в кругу приятелей о дальнейшей судьбе «уродцев», то на следующий день говоруна вызывала к себе в Лабораторию начальница Станции мисс Нейла Эмингс. После такого визита у провинившегося портилось настроение на неделю-две. Так текли месяцы за месяцем — пока в начале сентября на Станции не появились три практиканта из лучших школ материка для вундеркиндов.

*

Узкое коричневое шоссе, расчерченное белыми полосами, резко пошло наверх и плавно свернуло направо. Из-за густых елей показался цилиндрический корпус Склада, около которого рядом стояли несколько широких приземистых автофургонов. И тут же у подножия древней сосны, на скамейке под покатым навесом, их ждал Пекарь.

— Гуляете, дети мои? — вкрадчиво прогудел он низким басом и, набычившись, свирепо посмотрел на практикантов снизу вверх, сверкая маленькими карими глазками из-под густых нависших бровей.

Саманте он показался похожим на огромного гризли, растревоженного в своей берлоге. Вот сейчас он подымется во весь свой двухметровый рост и мощной волосатой рукой сгребет и подомнет их под себя...

Вопреки ожиданиям биохимика, молодые люди переглянулись и закатились от смеха.

— Что такое? — обиженно спросил Пекарь, оглядывая свой варварский наряд — серый балахон из грубой мешковины, закрытый спереди черным мясницким передником. — Разве я выгляжу недостаточно грозно? Тролли, страшные лесные тролли, и те дрожат, когда я захожу в цех. А двое обнаглевших сосунков, сбежавших с утренних занятий, не желают пасть ниц при виде своего разгневанного руководителя!

— Простите, наставник, — еле сдерживая смех, произнес Робин. — Вы же сами просили, чтобы из этого хилого ребенка, — он кивнул в сторону Саманты, — я сделал что-то стоящее. Не знаю уж, чему учат у них на юге, но дев-

чонка не владеет даже примитивной гимнастикой йогов! Бегаешь она ничего себе, а в остальном — полнейшая размазня... Ой, Саманта, оставь в покое мои волосы — больно!

— Я тебе покажу размазню, — хмуро пообещала девочка, нехотя выпуская из рук жесткие черные пряди. — Говорила же я вам — я долго болела в детстве, а в вундшколе у меня были дела поважнее...

Пекарь пытливо, без улыбки, всмотрелся ей в глаза. Саманта смутилась и покраснела.

— Ну что ж, поважнее так поважнее, — после некоторой паузы пророкотал биохимик. — Хотя первый день работы над драконом — дело тоже не пустяковое...

— Над драконом? — в один голос воскликнули пораженные практиканты.

— Элдис уже в Родильне — с самого утра занимается подбором биокомпонентов, — усмехаясь в пышные усы, сказал Пекарь. Кряхтя, он поднялся со скамейки и глыбой навис над молодыми людьми. — Толк выйдет из парня, не то что из вас, разгильдяев... Даже не верится, что в своих школах вы были в числе лучших! (Саманте вновь показалось, что Пекарь бросил на нее подозрительный взгляд.) Ладно, дело покажет, кто чего стоит... А теперь марш в столовую! Затем парень пусть направит свои индейские мокасины в сторону Операторной — сегодня надо помочь ребятам в составлении программы общего вида дракона. А ты, Саманта... Сходи-ка, девочка, в библиотеку, полистай книжки — нам с тобой надо будет на днях поколдовать над мозгом этой твари... Вечером, как всегда, настройте отчет о проделанной работе. Хотя бы пару страниц в дневнике — договорились?

— Разве мы подводили вас, наставник? — обиженно вскинулся Робин.

— Помню, помню, — отмахнулся от него огромной рукой Пекарь, посмеиваясь в усы и с удовольствием скользя взглядом по стройной, мускулистой фигуре мальчишки. — Кстати, Робин, вечером я, так и быть, поучу тебя метать нож... И особо — приемам обороны от троих соперников. Слишком уж ты прямолинеен, брат, в схватке — хитрости и сметки маловато... А сейчас — за дело!

Зардевшись от удовольствия, Робин приложил было ладонь ко рту, но, поймав укоризненный взгляд настав-

ника, смешался и бегом помчался в сторону столовой. Саманта, стараясь не выдавать волнения, неторопливо пошла за ним, беспечно размахивая луком и что-то тихо напевая.

Пекарь, заложив руки за спину, задумчиво смотрел ей вслед.

Библиотека располагалась на втором этаже сборочного цеха, входящего в состав Родильни. Обширное помещение цеха было плотно заставлено матовыми кубами синтез-стендов трехметровой высоты. Они были соединены сотнями разноцветных кабелей с мощной ЭВМ, специализированной на создании биороботов и поэтому прозванной Мамашей. Девочка долго петляла среди стендов, задышавшись от густого воздуха, насыщенного запахами разогретого металла, озона и сырого мяса. Не без труда она наконец выбралась в дальний угол зала, к белой лестнице с высокими поручнями. Со вздохом облегчения Саманта стала подниматься по рифленным ступенькам, но тут сзади послышался душераздирающий вопль.

Один из матовых кубов, мимо которого девочка только что беспечно проходила, оказался распахнутым. Из дверного проема валил сизый дым, расцвеченный пульсирующим красным светом.

— Джим, что ты стоишь, помогай! — раздался изнутри синтез-стенда отчаянный голос. — Видишь, эта дубина не хочет выходить!

— Сам ты дубина, — пророкотал в ответ густой, могучий голос. — Чего это я туда пойду? Там холодно...

— Он еще спорит! Джим, угости этого парня «хлыстом»!

— Зачем же «хлыстом»? — глубокомысленно прогудел новорожденный «уродец». — Вот ежели ныне была бы эпоха Древнего Египта, времен, скажем, Хефрена, то...

— Рассуждает! — с восхищением вскрикнул кто-то. (Саманта узнала голос младшего наладчика киберузлов Джима Стайрона.) — Слушай, Тед, а откуда тролль может знать о Древнем Египте? Ему вроде бы не положено...

— ...Или, например, период термидорианской реакции во Франции конца восемнадцатого века, — продолжал бормотать тролль. (Саманта смутно различала в дымном

облаке его дубообразную фигуру.) — Тогда с оппозицией обращались запросто: раз — и нету... Ныне же, когда на дворе стоит четвертое десятилетие двадцать первого века и мир и благоденствие воцарилось над многострадальными народами... Ой-ой-ой! Я же говорил — не надо «хлыстом»! Давайте-ка лучше порассуждаем логично. Кто потерпит в споре позорное поражение, тот и выйдет на лютый мороз...

— Все ясно,— грустно сказал пожилой мужчина, выходя из стенда и снимая с крупной головы дыхательную маску.

Присмотревшись, девочка узнала Теда Норвила — одного из ведущих биохимиков Родильни. Тед достал из верхнего кармана халата сигарету и нервно закурил, как будто ему не хватало клубов дыма, окутывающих его плотную фигуру.

— Кто программировал вчера вечером этого тролля? Джим, ты слышишь меня, мой мальчик?

— ...Или, скажем, эпоха дворцовых переворотов в России,— задумчиво продолжал тролль. Время от времени он высовывал из бурлящего облака мощные конечности и тут же с обиженным стоном убирал их внутрь «куба».

— Джим, не слышу ответа...

Парнишка-наладчик нехотя вышел наружу. Он был всего лет на пять старше Саманты. В сгорбленной позе его худенькой фигуры выражалось искреннее раскаяние.

— Понимаете, мистер Норвил, я вчера готовился к экзамену по всемирной истории и случайно уронил учебник в информприемник «Мамаши»...

— ...А как расправлялись с бедными индейскими племенами жестокие испанские колонизаторы! — со слезой в голосе проревел тролль.

— Запри это чучело...— со вздохом сказал Тед, безнадежно махнув рукой в сторону стенда.— После обеда будем разбираться, ведь это явный брак...

— Кто брак — это я брак? — еще больше обиделся тролль.— Какая жестокость — так обращаться с юношей, который только начинает свою многострадальную жизнь, овеванную бурями и штормами, ураганами и цунами, торнадо и...

Дверцы стенда захлопнулись, и стенания тролля стихли. Оба наладчика, весело переговариваясь, ушли. И тут же за спиной Саманты раздался бодрый голос:

— Жаль все-таки этого громилу — чувствую, пойдет

он сегодня на переплавку за здорово живешь... Может, выпустим его, Эмми?

Девочка вздрогнула и резко повернулась, еле удержав равновесие. Колени ее предательски подогнулись, руки задрожали. Но рядом никого не было!

— Кто... кто это сказал? — срывающимся голосом спросила она.

Раздался тихий смехок. Она опустила глаза и увидела небольшого толстого человечка с румяными щеками и волосатыми ногами, одетого в клетчатую ковбойку и короткие полосатые брюки. Человечек не сводил с нее вишневых глаз, в которых искрились веселые огоньки.

— Кто... кто вы такой? — еле слышно пробормотала Саманта.

— Неужели не видно? — обиженно протянул коротышка, забавно вытянув губы дудочкой. — А еще выдает себя за знатока сказок...

— Вы... хоббит? — с изумлением выдохнула девочка. — Но как же?.. Ведь хоббиты Проектом не предусмотрены... И как вы узнали?..

Маленький человечек вскочил и, быстро перебирая коротенькими ножками, помчался вверх — словно вихрь пронесся. Девочка в испуге обернулась. Ей показалось, что среди матовых кубов тихо скользнула гибкая тень. Собрав волю в комок, она не спеша, с достоинством пошла вверх, но ее не оставляло чувство, что из мглы опустевшего зала за ней следят чьи-то колющие, недобрые глаза.

В уютной овальной комнате, заставленной до потолка сборниками сказок всех времен и народов, царил тишина. Узкое стрельчатое окно выходило в сторону Лисьего холма, где среди невысоких сосен белел купол Лаборатории. Девочка огляделась в растерянности по сторонам — хоббита и следа не было! Но здесь и спрятаться негде...

— Не нашла, — хихикнул кто-то рядом. — И что у вас, людей, за глаза — вроде и смотрите, а ничего-ничегошеньки-то вы не видите...

Хоббит неожиданно вынырнул из-за маленького столика, заваленного книгами в роскошных переплетах. Усмехаясь, он остановился посреди комнаты, заложив руки за спину и чуть склонив голову набок.

— Отвечаю на твои вопросы, милая Эмми,— наконец важно произнес он.— Итак, вопрос первый: настоящий я хоббит или нет? Считаю, что это вопрос бестактный и очень даже глупый. Вопрос второй: откуда я знаю, что твое настоящее имя вовсе не Саманта? Это другое дело, это, что называется, взять рога за быка...

— Наоборот,— улыбнувшись, поправила хоббита девочка.

— А-а-а... Простите, я хотел сказать — взять быка за бока,— невозмутимо поправился маленький человечек, поглаживая свои густые курчавые бакенбарды.— Или что-то в этом роде... Ну вот, сбила... О чем это я хотел рассказать?

— О том, как вы узнали...

— Понял — и прошу тебя помолчать, иначе, клянусь святым Бильбо, я опять собьюсь!.. Э-э... Так вот, мы, хоббиты, хорошо знали миссис Ангелину Бакст, а заодно и тебя.

— Но откуда же?..

— Откуда? Смешной вопрос и очень даже глупый — откуда. Ясное дело — из норки! Помнишь, в бабушкином саду, среди корней старого вяза, была огромная-преогромная нора...

— Конечно, помню! — обрадовалась девочка.— Как-то в детстве я попыталась туда забраться, только голова и пролезла...

— Точно, пролезла! — передразнил ее хоббит, укоризненно поджимая толстые губы.— И едва не придавила своей огромной головищей вашего покорного слугу, который сидел на камне и мирно грыз орехи... Кстати,— хоббит наклонил голову и шаркнул правой ногой,— я, кажется, забыл представиться... И все потому, что ты постоянно меня сбиваешь... Вот и сейчас сбила — о чем это я хотел сказать?

— Вы хотели представиться,— смеясь, напомнила забавному человечку Эмми — Саманта.

— Разве? Разве я еще не назвал свое имя? Какой позор... Я никогда не допускал большего промаха — клянусь доблестным Фродо! Меня зовут Сэмбо. Готов служить тебе, прекрасная громила...

Саманта, она же Эмми, в досаде топнула ногой:

— Не называйте меня громилой, прошу вас, милый Сэмбо. Я помню из сказок Джона Толкина, что так вы

зовете нас, людей. И все равно это не очень воспитанно: говорить девочке, что она — громила.

— Ах, подумаешь, какие вы чувствительные! — надул толстые розовые щеки Сэмбо. — Ну да ладно, сейчас не время для обид. Как говорится: потехе время — делу час...

Девочка хотела вновь поправить самоуверенного хоббита, но удержалась — вдруг он опять обидится?

— Вот именно — делу час. Я никогда ничего не путаю, прошу запомнить! И этот час дела настал...

Сэмбо замер на полуслове. Его круглые уши отчетливо зашевелились под шапкой жестких кудрявых волос, ноздри раздулись.

— Что такое? — прошептала девочка, испуганно оглядываясь по сторонам. Ей вспомнилась неясная тень, мелькнувшая среди синтез-стендов... Но разве это была не кошка?

— Тссс! — поднял предостерегающе палец Сэмбо. — Я сейчас...

И он мигом исчез, словно и не стоял только что посреди комнаты.

Минуты через три он вновь вырос словно из-под земли — на этот раз у окна. Вскарабкавшись на подоконник, хоббит осторожно выглянул из окошка, всмотрелся — и даже крикнул от досады.

— Ушел! Это же надо — ушел! Растяпа я, растяпа!

— Кто ушел? — озадаченно спросила девочка, с подозрением оглядываясь на темный провал двери.

— Кому надо, тот и ушел, — грубо буркнул Сэмбо, неуклюже слезая на пол. — Будем надеяться, что он нас не подслушивал. А теперь продолжаю. О чем?

— О норке.

— Да, о норке. Мои предки жили под Ясенывым холмом за много веков до того, как там появились первые люди — я уже не говорю о твоей бабушке. Но с громилами у нас общих дел нет. Смотришь только, чтобы они не раздавили тебя ненароком лошадьми и всякими повозками!.. Разговариваем с ними только в самых крайних случаях. Только единственный раз наше племя пустило к себе человека, да и то не здесь, а далеко, за океаном...

— Я знаю, — кивнула Саманта, светящимися от любопытства глазами следя за толстяком. — Это был англичанин по имени Джон Толкин, живший в прошлом веке... Его сказочные повести о вас, хоббитах, знает весь мир!

Хоббит поморщился, будто съел ложку горчицы.

— Надо же, как обрадовала, — свирепо сказал он, смешно подергивая коротким носом. — Из-за этого мне теперь и расплачиваться! Я не Бильбо и не Фродо и о всяческих жутких приключениях люблю слушать, сидя в мягком уютном кресле за вечерним чаем... А какое нынче может быть чаепитие, коли такие дела вокруг творятся? Читали бы вы, громилы, рассказы вашего Толкина — уж не знаю, что он о нас там наврал! — читали бы и в наши дела не совались. Мало того, что землю везде присвоили — негде и норки нормальной выкопать. Так нет, еще решили всю нечисть, о которой мы, нынешние хоббиты, только из легенд и слышали, вновь выпустить на свет! Знаешь ли ты, что последний тролль погиб под обвалом скалы еще пять веков назад? Про орков не слышать лет двести, не меньше... Гномы — о, великий Гэндальф! — на земле вновь появились угрюмые, завистливые гномы! На прошлой неделе я своими глазами видел парочку этих корыстолюбцев, копавших яму у подножия Меловой горы — ну той, из новых... как-то они по-дурацки называются...

— Иорные горы, — объяснила девочка. Она уселась на мягком стуле рядом с окном, взяла в руки толстую книгу с красочной обложкой — это были «Хранители», первый том эпопеи Джона Толкина «Властелин колец», — и украдкой сравнивала рисунок на обложке с живым хоббитом. Сходство, конечно, было, но... — Иор — это сокращение от слов: искусственно организованный рельеф, — объяснила она Сэмбо.

Тот встал рядом и растерянно смотрел на изображение всех девяти Хранителей Кольца Всевластья. Среди них был хоббит Фродо, главный Хранитель, и мудрый волшебник Гэндальф с развевающейся белой бородой.

— Здесь на побережье теперь почти все иорное — и холмы, и реки, и леса... И все это выросло за какие-то восемь лет! Ты что-нибудь слышал о Проекте?

— Знать ничего не хочу ни о каких Проектах, — пробурчал хоббит, вырывая у девочки толстый том. — Ну предположим, кое-что слышал... Все равно Расскажи, только быстро: сейчас обед кончится и внизу снова соберется громил — видимо-невидимо...

— Проект — это план создания здесь на побережье нового Диснейленда... Тьфу — ты же ничего не знаешь о

Диснейленде!.. Понимаешь, это страна, в которой можно встретиться со сказочными персонажами, поиграть в увлекательные игры. Скажем, погнаться за волком вместе с непобедимым мышонком Майти Маусом или встретиться с Великим и Ужасным волшебником из страны Оз... Сначала такой Диснейленд находился только в Лос-Анжелесе, а позже подобные игровые городки появились в разных странах. Прежде в них многое было примитивным — роли сказочных героев играли механические куклы, которые всего-то и умели, что раскрывать рот да размахивать руками. Но сейчас, когда люди научились делать биороботов... Ты знаешь, что такое биоробот, Сэмбо? Оболочка его — кожа, волосы, мускулы — синтезируется, печется из специальных составов. Надо только задать в ЭВМ, которую у нас на Станции называют «Мамашей», специальную программу. Можно потом получить все что хочешь — тролля, орка или даже дракона...

— Никого я не хочу,— заявил Сэмбо, взгромоздясь на стол и болтая в воздухе толстыми мохнатыми ножками.— Ни троллей, ни тем более орков! Ишь ты, что вздумали печь — нечисть всякую! Нет чтобы выпекать побольше сдобных булочек к чаю... А кто такая эта ВЭЭМ? Или МЭЭ... ВЭЭ...

— ЭВМ — это электронно-вычислительная машина,— безнадежным голосом произнесла Саманта.— Тебе этого все равно не понять...

— Кажется, не глупее некоторых,— обиделся хоббит.— Ты смогла бы пробраться из Огайо, где находятся наши исконные места, сюда, на побережье? Да так, чтобы никто из громил этого не заметил? Ладно, рассказывай дальше. Я-то, конечно, про все эти... Э-э... ВЭЭМы давно знаю, хочу только тебя проверить.

Девочка рассмеялась.

— Не обижайся, Сэмбо, ты очень умный хоббит. Итак, после выпечки заготовки будущих биороботов помещают в те самые белые синтез-стенды, которые ты видел внизу в цехе. Там в заготовки вставляют металлический скелет и небольшой искусственный мозг. И биоробот почти готов! Остается только научить его кое-чему — этим занимаются люди, которые называются программисты...

Хоббит с таким интересом слушал Саманту, что даже перестал мотать ногами в воздухе. Спыхавшись, он вновь принял независимый, равнодушный вид.

— Это-то я давно знаю! Подумаешь, какой секрет... Только вот слова ты все какие-то странные произносишь. Я их, конечно, уже слышал — мы, хоббиты, давно ваши человеческие языки выучили, но все равно до меня как-то не все доходит...

Девочка вздохнула. Ну как хоббиту объяснить, например, что такое программа?

— Ты говори, говори,— поторопил ее Сэмбо, беспokoйно оглядываясь по сторонам.— Я домой, в норку, хочу. Меня еле уговорили сюда, на вашу территорию, пробраться, чтобы я разобрался, что к чему.

— Дальше я и сама пока не очень понимаю,— призналась Саманта.— Биороботы — тролли и орки — они как бы немного живые... Когда работа над ними заканчивается, их увозят куда-то в закрытых грузовиках и отпускают на волю. Куда — об этом знает только начальница Станции. Говорят, «уродцы» начинают самостоятельную жизнь — создают себе жилища, делают оружие. И через полгода, когда по плану должна начаться Игра, они начнут действовать...

— Как это — действовать?

— Этого я тоже толком не знаю... Я многого здесь не знаю и не понимаю. Например, зачем друзья бабушки устроили меня сюда, на Станцию, да еще и под чужим именем? Сейчас я Саманта Монти, звезда калифорнийской школы для вундеркиндов... Если бы ты знал, Сэмбо, как мне стыдно всех обманывать! И что я могу здесь сделать? Месяц практики уже прошел, пройдет еще два — и мне придется уезжать, так ни в чем и не разобравшись...

— Я о том же думаю,— грустно поддержал ее Сэмбо.— Неохота к своим с пустыми руками возвращаться... Но у меня есть одна идея! Дело-то очень простое, я бы с ним и сам справился, да только слов ваших мудреных не знаю — могу и опростоволоситься... Ну да ладно, слушай внимательно...

Девочка, сгорая от любопытства, низко наклонила голову к хоббиту, которого просто распирало от гордости. Выдержав важную паузу, он что-то зашептал, энергично размахивая руками. И никто из них не заметил, как тень в проеме дверей стала чуть гуще, будто бы там, на лестничной площадке, чья-то фигура заслонила свет тусклой лампы.

Меч, со свистом рассекая воздух, серебряным кругом промелькнул точно в том месте, где только что стоял Пекарь. Мгновением позже туда же обрушились две здоровенные сучковатые дубины — неповоротливые тролли запоздали и едва не выбили меч из рук Черного Всадника.

Уилл бросил в сторону своих партнеров по бою разъяренный взгляд. Огоньки его глаз, светящиеся в бурой мгле под шлемом, стали такими пунцовыми, что тролли невольно отшатнулись, едва не сбив друг друга с ног.

— Так нечестно, — заявил Уилл. Одним движением могучей, окованной железом руки он повернул своего черного коня в сторону Пекаря — тот стоял у старой сосны, посмеиваясь и опираясь мускулистыми волосатыми руками на длинную палку. — Я говорю вам, сэр, так нечестно! Еще никогда мы, назгулы, не пользовались чьей-либо помощью, кроме собственного меча! Эти олухи мне только мешают, и поэтому я заявляю решительный протест...

Не договорив, он дернул поводья и бросил своего страшного коня в сторону Пекаря. Саманта охнула и прижалась лицом к плечу Робина. Сейчас копыта сомнут отважного биохимика...

Но вместо предсмертного вопля она услышала громкий звон. Многочисленные зрители откровенно захохотали — кое-кто даже заулюлюкал, выражая свой восторг.

Осторожно открыв глаза, Саманта увидела, что черный конь сиротливо стоит у сосны, озадаченно помахивая головой, закрытой чешуйчатым покрывалом из металлических пластин с двумя узкими прорезями для глаз. Уилл, раздраженно ворча и постанывая, ползал среди сухих корней дерева в поисках слетевшего шлема. Без него он казался безголовым — только два пунцовых огонька глаз светились над местом, где у человека находилась бы шея.

Как и все назгулы, Уилл неважно видел при свете дня. Минут пять он, подбадриваемый зрителями (а на поляне в лесу собралась почти половина сотрудников Станции), безуспешно рыскал в траве — и наконец наткнулся на шлем. Мигом надвинув его на мглистое облачко над плечами, назгул поднялся, опираясь на длинный меч, и рванулся к лошади. А тем временем Пекарь, ловко орудуя длинной палкой, успешно отбивал наскоки двух огромных троллей, беспорядочно размахивающих дубинами так, что

ветер свистел. Пекарю было явно скучно, он откровенно зевал, вызывая этим восторг и аплодисменты, и, стоя на месте, одним движением отводил в сторону могучие удары.

— Ну, так и я бы смог, — завистливо прошептал Робин, следя блестящими от возбуждения глазами за боем. Его смуглое, как у индейца, лицо дышало подлинным упоением от необычного зрелища. Саманта невольно поймала себя на том, что любит этим четким медальным профилем с высоким покатым лбом, тонким, чуть горбинкой носом и полуоткрытыми сочными губами. Длинные прямые волосы спускались Робину на плечи и делали его чем-то похожим на юных средневековых рыцарей, которыми она восхищалась в детстве, перелистывая старинные фолианты.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Саманта чуть повернула голову в сторону и увидела, что Элдис, сидящий невдалеке на высоком пне, не сводит с них насмешливых и неприязненных глаз. Несмотря на прохладный осенний день, он, как всегда, был одет в легкий супермодный наряд. На сей раз его худая нескладная фигура была затянута в трико из серебристого с черными разводами шелка, а на плечах молочным светом сияла гэла — короткая накидка в форме спиральной галактики. Гэла, сотканная из дорогих нитей паутины венерианских крапчатых жуков, обладала способностью собирать рассеянную энергию солнечных лучей, отдавая ее при понижении температуры в виде тепла — так что Элдис мог позволить себе демонстрировать свой супернаряд и при десятиградусной температуре. И все же смотреть на него сейчас, под низкими серыми облаками и при порывистом ветре, было как-то неуютно.

Робин по-своему истолковал обмен взглядами между своими товарищами. Ревниво встряхнув темной гривой волос, он вышел вперед, засучивая рукава грубой кожаной куртки.

— Эй, Пекарь, дайте и другим размяться! Я уже закончил, глядя, как вы развлекаетесь...

Кто-то из зрителей обидно засмеялся. Биохимик, повернув к мальчику добродушное красное лицо, покрытое крупными каплями пота, неожиданно прыгнул вперед на добрых три метра, ускользая от размашистых ударов троллей.

— Ну что ж, малыш, разомнись, а мы посмотрим! Робин и мигнуть не успел, как у него в руках очутилась

тяжелая дубовая палка, любовно отполированная руками Пекаря. И сразу же он очутился среди двух огней — вконец разъяренные тролли шли на него плечом к плечу, заноса дубины для сокрушительного удара, а сбоку скалой надвигался Черный Всадник, успевший оседлать своего звероподобного коня. Мальчик расставил ноги пошире для устойчивости, легко перебросил палку из руки в руку... и с ужасом почувствовал, что не знает, как встретить противников. То, что казалось минуту назад простым в исполнении Пекаря, — прыжок в сторону от разящего клинка, удар одним концом палки в живот первого тролля, а другим по голове второго, — казалось сейчас совершенно невозможным...

Робину показалось, что его ноги приросли к земле, в горле же стало горько и сухо. С трудом он заставил себя сделать два шага вперед, чтобы встретить троллей, пока сзади не напал Уилл. Откуда-то слева на него со скоростью курьерского поезда понеслась огромная сучковатая дубина, грозя разmozжить голову. Быстрым движением кисти Робин встретил дубину концом своей палки, стараясь отвести удар вверх — и еле устоял на ногах. Ему почудилось, что он голыми руками пытается остановить мчащийся грузовик, но все же мощная палица просвистела у него над самой головой. Острая радость пронзила мальчика — ага, все-таки могу! — и только чей-то отчаянный визг за спиной помог ему вспомнить о втором тролле. Стремительно повернувшись, он едва успел развернуть палку так, чтобы хоть немного самортизировать удар палицы. Дубовое древко сухо треснуло, но выдержало, а сам Робин полетел на землю и несколько раз перевернулся через голову. Придя в себя, он с трудом разлепил забитые пылью глаза и увидел прямо перед собой слоноподобные ноги расвирепевшего тролля. С зычным криком тот размахнулся, чтобы прикончить дерзкого мальчишку.

У Робина оставался единственный шанс — подождать, пока палица нависнет над ним, а затем резко перекатиться в сторону. Он напрягся, ожидая, и вдруг почувствовал острейшую боль в правой руке — боль, от которой у него перехватило дыхание. Нет, похоже, увернуться не удастся! На мгновение он скосил глаза в сторону — несколько фигур из толпы неслись к нему со всех ног. Впереди был, кажется, Пекарь с развевающейся всклокоченной бородой. Нет, не успеют, не успеют...

Раздался сильный треск, чей-то громкий обиженный вопль — и грохот, как будто рядом упало высокое дерево. Робин приоткрыл глаза и с радостью увидел, что тролль катится по земле, получив от кого-то могучую затрещину. Неужели от Пекаря?

Внезапно догадавшись, он повернул голову направо и увидел нависающую над ним черную скалу, источавшую ледяной холод. Уилл?!

Черный Всадник тем временем вложил длинный меч в ножны и, что-то тихо бормоча, отъехал в сторону, чтобы дать возможность людям оказать Робину первую помощь. В этот момент среди низких октябрьских туч проглянуло солнце, все на миг засияло, и только мощная фигура назгула, казалось, еще больше подернулась сизой мглой.

Робина тем временем окружила галдящая, полная возмущения толпа. Пока Гилберт, высокий худой врач, накладывал ему повязку и делал уколы биовосстановителя, Пекарю крепко досталось. Он стоял, понутив буйно заросшую голову, и смущенно мял огромными ладонями грубый серый балахон с таким виноватым видом, что Саманте стало жаль наставника. Неожиданно гомон стих и в центр круга вошла изящная молодая женщина в строгом синем комбинезоне. Коротко стриженные волосы придавали ей несколько мальчишеский вид, но огромные серые глаза, глубоко посаженные под высоким, чуть выпуклым лбом, смотрели на биохимика сурово и осуждающе.

На минуту над поляной повисла тишина — начальница Станции мисс Нейла Эмингс пользовалась среди своих сотрудников непререкаемым авторитетом.

— Патрик, зайдите ко мне в Лабораторию через десять минут, — ровным, не терпящим возражений голосом сказала она Пекарю, не замечая растерянно смотрящего на нее снизу вверх Робина. — Из Центра получена срочная видеограмма — придется вечером собрать экстренное совещание... А с этим, — мисс Эмингс небрежно кивнула в сторону дезактивированных троллей, туго застывших с дубинами в руках у старой сосны, — с этим мы разберемся чуть позже. Прошу всех сотрудников, занятых в вечерней смене, пройти на свои рабочие места. Сегодня предстоит сложная и ответственная работа. У меня все.

Инъекции биовосстановителя сделали свое дело, и минут через пять правая рука Робина перестала болеть, но настроение его от этого не улучшилось. Он по-прежнему

сидел на траве, понутив голову, чтобы не встречаться взглядом с многочисленными зрителями, наблюдавшими его позорное поражение. Правильно говорит про него Саманта: «Робин Гуд согнул железный прут...»

— Ну, вставай, вставай, бесстрашный викинг, — услышал он тонкий насмешливый голос Элдиса. — Все давно уже разошлись... Еще простудишься на студеной земле, верно, Саманта?

Девочка, сидевшая неподалеку на сером от старости бревне, в гневе показала Элдису кулак. Она с сочувствием наблюдала за другом, но не знала, как ему помочь.

Небо между тем рассеялось. Лишь редкие облака скользили в вышине, окрашенные по бокам теплыми розовыми лучами солнца, уже склонявшегося к вершинам гор. От зубчатых густых елей, обступающих поляну со всех сторон, поползли сырые тени, пронизанные языками слоистого тумана. Сгустившийся воздух был насыщен горьковатыми запахами опавших листьев и папоротника.

Одним прыжком Робин поднялся на ноги и, чтобы размяться и согреть озябшее тело, покатился по поляне колесом — только серебристые подковки на сапогах засверкали. Молниеносно остановившись, он стал отрабатывать на месте боевые удары каратэ и китайской борьбы — верную атаку ногами, стремительные уходы в сторону от воображаемых противников, колющие удары плотно сжатыми ладонями. Саманта восторженно захлопала в ладоши, а Элдис презрительно поджал бледные губы и нажал пальцами на активные точки гэлы, увеличивая нагрев, — к вечеру заметно похолодало.

— Голову надо тренировать, а не ноги, — укоризненно произнес он, безуспешно пытаясь сделать «уголок», упершись руками в бревно. — Кому сейчас нужна эта дикость — стрелы, приемы каратэ, рубка мечами? Ну ладно, Пекарь — он человек дремучий, одно слово — биохимик, о точных науках и не подозревает... Но ты-то, Робин, был в своей школе одним из лучших в математических олимпиадах!

Элдис особенно едко произнес «одним из лучших», намекая, что сам он во всех подобных соревнованиях выходил победителем.

Саманта, сощутив глаза, немедленно перешла в наступление:

— Нечего задаваться — подумаешь, какой Галуа на-

шелся! Заметь, Робин, этот задохлик таскает под мышкой сборник киберпрограмм «Мамаша» — лишь бы кто-нибудь из старших похвалил его за усердие...

— Никакой я не задохлик! — вскочил на ноги Элдис, бледнея от ярости. — А насчет программ — не тебе, красавица, об этом говорить! Тебя-то Пекарь в последнее время к «Мамаше» даже не подпускает. Вечно он норовит сплавить тебя куда-нибудь в библиотеку, чтобы деточка почитала на ночь сказочки о дракончиках и ведьмах...

Он не успел договорить — Робин в несколько прыжков пересек поляну и одним рывком поднял его вниз головой, держа за тонкие серебристые ноги, как большого жука.

— Как ты думаешь, Саманта, доброшу я этого головастика во-о-он до тех кустов? — хладнокровно спросил он.

— Оставь его в покое! — кипя от обиды, закричала Саманта. Она подняла с травы большую голубую книгу с текстами программ. — Говоришь, сказочки почитываю? А ну-ка, давай посмотрим, кто кого!

Через минуту условия поединка были оговорены. Элдис и Саманта называли друг другу номера каких-либо программ и в течение десяти минут должны были вспоминать их тексты — разумеется, не заглядывая в книгу. А в это время Робин обязался подготовить массивы исходных данных и одновременно передать листочки с цифрами соперникам. Побеждал тот, кто быстрее решит свою программу. Правильность вычислений договорились проверить сегодня же вечером на «Мамаше».

— Номер пятнадцать! — звонко сказал Элдис, ухмыляясь во весь рот, — программа координации движения биороботов была самой сложной в этом сборнике. Даже «Мамаша» тратила на один расчет не менее минуты...

— Номер восемь, — подумав, ответила Саманта. Программа, которую она выбрала для противника, касалась распознавания образов в зрительном центре искусственного мозга «уродцев».

Элдис нахмурился — в этой программе было множество логических операций, которые ему не так хорошо запомнились, как арифметические... Ну да ладно! Пора показать этой наглой девчонке, кто есть кто!

Через десять минут вспотевший от усилий Робин передал соперникам листки со столбцами придуманных им исходных цифр и нажал кнопку секундомера на часах. Он

уже раскаивался, что дал Элдису втянуть Саманту в эту неравную схватку. Всем известно, что в школе, где она учится, больше внимания уделяется биологическим наукам, нежели прикладной математике...

— Готово! — дрожащим голосом произнесла минуты через три девочка, молниеносно заполняя листок бумаги столбцами цифр. Ее лоб покрылся мелкими капельками пота, в ушах шумела кровь, руки тряслись от пережитого волнения, но сердце победно ликовало! В интернате ей удавалось заниматься математикой лишь урывками, уходя в парк подальше от бдительного Глаза. И все-таки она сумела решить в уме сложнейшую задачу!

— Что, готово? — удивился Робин, разглядывая тонкую вязь цифр, заполнивших почти треть странички. — Неужто решила?..

Элдис, выпучивший от напряжения свои рыбы глаза, только минуты через две стал в бешеном темпе водить ручкой по клетчатой бумаге. Едва написав последнюю цифру, он тут же подскочил к Робину, выхватил у него из рук решение Саманты и впился в него пронзительным взглядом, что-то шепча себе под нос.

— Ты что? — опешил Робин. — погоди до вечера, в девять часов я выйду на «Мамашу» и просчитаю обе задачи...

— Обойдемся без «Мамаши»! — прошипел Элдис, закусывая губы. — Я сам сейчас проверю...

Все киберпрограммы он знал наизусть — и особенно хорошо программу номер пятнадцать. И все же прошло не менее десяти минут, прежде чем он, проведя мысленный расчет дважды, заскрежетал зубами и отбросил бумажку в сторону.

— Черт побери, все правильно! Но этого не может быть!

Вглядываясь в трясущегося от унижения Элдиса, девочка только сейчас поняла, какую совершила в пылу борьбы ошибку. Конечно, Эмми Карлейн, имевшая индекс способностей по математике «шестнадцать», то есть «великолепно», могла позволить себе побить лучшего ученика чикагской школы вундеркиндов, имевшего всего лишь индекс «одиннадцать». Но Саманте Монти, судя по документам, довольно посредственной ученице по точным наукам, такие чудеса были явно не под силу.

Поймав взгляд Робина, полный безграничного удивления, девочка попыталась хоть как-то выйти из положения.

— А что здесь такого? — простодушно произнесла она, делая плавные гимнастические упражнения, чтобы немного согреться.— В математике я мало что смыслю, но счетные способности у меня неплохие...

— Неплохие? — взвизгнул Элдис, вплотную подходя к ней.— Кого ты хочешь надуть, малышка? Ни один простой счетчик такую сложную программу не осилит. Слишком много надо знать, чтобы в ней разобраться. А ты решила задачу в уме за три минуты! Нет, что-то здесь не то...

Погрозив вконец растерявшейся Саманте худым кулаком, Элдис большими прыжками унесся в сторону Станции, невнятно выкрикивая какие-то злые слова. Вскоре его тонкая серебристая фигурка исчезла за мшистыми стволами гитантских елей.

— Неосторожно,— прозвучал рядом чей-то сочный укоризненный голосок.— Ох, как неосторожно!

Робин буквально подпрыгнул, инстинктивно выставив руки вперед для обороны, но поляна по-прежнему была пуста, только мгlistый туман еще ближе простер свои белесые языки над жухлой, потемневшей от предвечерней росы травой.

— Куда ты смотришь? — недовольно произнес тот же голос.— Прав был ваш Пекарь: тебя, Робин, еще учить и учить...

— Здравствуй, Сэмбо! — радостно сказала Саманта, замахав рукой маленькому человечку, уютно расположившемуся на небольшом березовом пне в трех шагах от них.— Прости, но я не успела рассказать Робину о нашем с тобой разговоре...

— Может, это и к лучшему,— философски сказал хоббит, потирая друг о друга озябшие голые пятки, розовыми пяточками выглядывающие из-под полосатых штанов.— Больше будешь знать — спокойней станешь спать...

— По-моему, наоборот,— Робин с изумлением глядел то на довольного хоббита, то на смущенную Саманту.

— Это по-твоему,— снисходительно усмехнулся Сэмбо.— А по-моему — все точно! Ну что, братцы, пошли?

— погоди, Сэмбо, но мы должны рассказать Робину о нашем замысле,— улыбнувшись, напомнила девочка самоуверенному человечку.

— Это еще зачем? — проворчал хоббит, однако вновь уселся на пенек, смешно задрав вверх толстые ноги.— Ах, да... Я почему не стал ему рассказывать? Потому что это

тайна. Это раз. И еще потому, что с тобой, Эмми, он и так пойдет, куда ты захочешь. Это два.

— Эмми? Почему Эмми? — удивился Робин.

— А почему бы не Эмми?.. Ладно, я пошутил. Пошутить, что ли, нельзя? Мы с Эмми... то есть я хотел сказать, с Самантой, старые знакомые — вот и решили сделать одну штуку, пока эта худая щепка Нейла ушла на совещание из Лаборатории. Хочешь помочь нам, Робин? Признаюсь, с тобой нам будет как-то спокойней, хотя сегодня ты и осрамился в драке с этими дураками троллями...

— Сэмбо! — укоризненно воскликнула девочка.

— А что я такого сказал? Ничего особенного, я, по моему, не сказал! Если вы оба считаете, что высказывать вслух свое мнение разрешено лишь вам, громилам...

— Ладно, Саманта, не придирайся, — устало прервал его Робин. — Что уж теперь... А насчет Лаборатории я не понял — вы что, намереваетесь туда тайком забраться? Зачем?

Девочка задумалась, бросая нерешительные взгляды в сторону Сэмбо, но тот сидел на пне нахохлившись и всем своим видом демонстрировал глубокую обиду.

— Хорошо, я попытаюсь рассказать... — наконец решилась она. — Как ты думаешь, Робин, зачем мы создаем на Станции злобных «уродцев» типа тех двух троллей, которые тебя чуть не убили?

— А-а... Это я уже от тебя слышал! Какая разница — зачем? Скажем, для того, чтобы оживить героев древних сказок, а затем возить сюда экскурсии с детишками, как в заповедник с дикими зверями. Интересно ведь увидеть тролля или дракона не в видео, а из окон автобуса! Что же здесь плохого?

— Вот ведь чепуху несет! — не выдержал хоббит, сердито поглядывая на юношу. — Автобус ему подавай с детьми! А ты подумал, что на нашей замечательной Территории и дорог-то нет, кроме Тракта?

— Да... — озадаченно почесал в затылке Робин, — это я как-то и не сообразил. Но при чем здесь Лаборатория?

— А при том. Ты сам-то в ней когда-нибудь был? Не был, и Саманта не была. Да что вы — из взрослых громил туда ходят всего четыре человека, и даже они... — хоббит выдержал эффектную паузу, — даже они каждый день предъявляют охраннику пропуска! Я из леса все отлично

видел. Понятное дело, что там тайно что-то делают... или кого-то...

— Пропуска? — пораженно пробормотал Робин. — Вот это фокус — нет на Станции больше нигде ни пропусков, ни охранников... Но что за зверя там могут сотворить? Кстати, — он озадаченно хлопнул себя ладонью по лбу, — а вы-то сами кто такой?

— Много вопросов задает, — ворчливо сказал хоббит, недовольно поджимая губы. — Говорливый очень... Может, не будем его с собой брать?

— Нет, будем, — решительно возразила Саманта. Она поживалась от холода: на поляне воцарилась мгла и промозглый туман окутал все вокруг серой пеленой. — Если мы хотим, чтобы Робин нам помог, мы должны ему все рассказать!.. Видишь ли, есть люди — и это хорошие и честные люди, я тебя уверяю! — которые считают, что Проект — это не просто создание нового Диснейленда детишкам на развлечение. Готовится что-то неожиданное и страшное! Ты и сам, наверное, заметил — ни в газетах, ни в видео о Проекте ничего не говорится. Это что, случайность? О нашей колонии на Марсе мы знаем куда больше, чем о том, что творится там. — Девочка кивнула в сторону Туманных гор, темной громадой врезающихся в небо, на котором стали проглядывать первые дрожащие капельки звезд.

— Ого! — восхищенно воскликнул Робин. — Значит, вы с Сэмбо — шпионы? То есть — тьфу, простите — разведчики?

— Вот именно, — буркнул нахохлившийся хоббит, — разведчики... Ты же любишь играть в разведчиков! Сколько раз я видел, как ты прятался с палкой наперевес вместо ружья в густых папоротниках — воевал с воронами, наверное...

— Сэмбо, Сэмбо, — вздохнула Саманта, — зачем ты так... Робин отважный парень и он во многом может нам помочь! И еще об одном я хочу сказать: мои друзья узнали, что на одном из закрытых заседаний сената Президент обмолвился, что Проект — это надежда нашего Западного мира на будущее.

Робин долго стоял, опершись на лук, и размышлял.

— Вот в чем дело... — тихо произнес он. — Это серьезно. Мой отец когда-то участвовал в марше Мира — меня тогда еще на свете не было. И после этого оказался безра-

ботным... Знаешь, Саманта, незадолго до его смерти я как-то вечером спросил — не жалеет ли он, что тогда, тридцать лет назад, прошел по всему побережью вместе с другими демонстрантами? Мол, все равно ничего в нашей политике не изменилось. А ты попал вместе с остальными в черные списки и вся твоя карьера пошла наперекосяк! Знаешь, что отец мне ответил? «Сынок,— сказал он, потрепав меня по волосам,— всегда поступай так, как велит твоя совесть, а не так, как требует твой желудок или карман. Я не оставил тебе никакого наследства, кроме одного — нашей великой страны. Твое поколение должно уничтожить остатки взаимной ненависти и недоверия». Вот что мне говорил отец! Когда я уехал в вунд-школу, я часто там вспоминал слова отца, но что я мог сделать один?

— Теперь ты уже не один! — с воодушевлением воскликнула Саманта и протянула Робину обе руки.

— Ну вот, сейчас обниматься начнут! — сердито закричал хоббит, соскакивая с пня.— Время дело делать, пока ваша Нейла сидит на совещании, а они тут радуются! Знал бы я, что у нас так дело пойдет, ни за что бы к вам, громилам, не обращался — взял бы с собой двух-трех смышленных хоббитов, Бодора и Пота например... Нам пора идти, поняли?

Робин с трудом выпустил из рук прохладные ладони девочки — сердце его бешено колотилось. Еще никогда Саманта *так* не смотрела на него... Нет, нет, наверняка ему просто показалось — туман его обманул...

Через минуту поляна опустела. Крупные звезды одна за другой стали высыпать на бархатном синем небе, дрожа и перемигиваясь. Из-за сплошной стены могучих елей с шумом вылетела сова и сделала два круга над местом, где недавно беседовали люди и маленький хоббит. И только она могла увидеть, как из зарослей низкого кустарника выскользнула фигура, осторожными зигзагообразными шагами дошла до пня, на котором недавно сидел Сэмбо, и замерла в задумчивом молчании.

Мост к Лаборатории надежно охранялся — ребята не раз раньше видели синий отблеск стекол телекамер, спрятанных в ветвях соседних елей, и поэтому хоббит повел их другой дорогой. В тусклом свете звезд они углубились в

густую чащу, с трудом различая впереди юркую фигурку бодро шагающего хоббита. Идти было трудно, могучие стволы деревьев плотно обступали еле заметную тропинку, выбрасывая навстречу идущим острые сухие ветви и обсыпая сверху колючим мусором. В темноте ребята то и дело спотыкались, и Саманта не раз упала бы в заросли папоротника, если ее вовремя не поддерживали бы крепкие руки Робина, замыкающего небольшую колонну. Попетляв среди еловых зарослей, тропинка начала резко спускаться в овраг и через десять минут вывела путников к ручейку, тихо журчащему среди густой осоки. Чаща отступила, и ребята наконец увидели небо, посеребренное светом только что взошедшей над горами луны.

— Теперь осторожней,— прошептал хоббит, подняв для значительности вверх указательный палец.— Дальше крадитесь, как мышки... Кто-то охраняет подъем к Лаборатории — у меня по спине аж мурашки всякий раз пробегают, когда я хожу в этих местах. А то, понимаешь, ломаются как лошади...

Ребята не стали обижаться. Хоббит говорил правду: ходить в ночном лесу они не умели. Стараясь ступать мягко, бесшумно — как Сэмбо,— они миновали сырое дно оврага, усеянное острыми камнями и травянистыми кочками, и начали крутой подъем. И сразу у обоих появилось ощущение, что за ними следят чьи-то недобрые глаза...

Вскоре ели отступили в сторону. Стало чуть светлее, и путники вошли в заросли орешника, сквозь который проглядывало большое серое здание Лаборатории. Дежурные огни мирно освещали его овальный фасад с высокой башней наверху. Небольшие узкие окна, напоминавшие бойницы древнего замка, были темны и угрюмы.

— Дальше идти нельзя,— чуть слышно произнес Сэмбо, настороженно оглядываясь по сторонам.— Один я, может, и проскочу незаметно, но вы — куда там! Пойдем через водосточную трубу.

Он сделал несколько шагов в сторону и показал рукой на темное круглое пятно, еле заметное в зарослях папоротника. Это была крышка одного из колодцев водостока.

Робин встал на колени, достал нож и не без труда приподнял покрытую налетом ржавчины холодную крышку.

— Фонарь надо было взять,— с тоской прошептал он, заглядывая в раскрывшийся перед ним провал, из которого поднимался тяжелый, застойный запах.

Хоббит вместо ответа хмыкнул и вынул из кармана курточкой стеклянный кубик, который тут же зажегся мягким голубым светом. Робин увидел перила узкой металлической лестницы, круто уходящей вниз.

— Иди первым ты,— прошептал Сэмбо, опасливо поглядывая на лестницу.— Понимаешь, там, внизу,— вода, а я не очень хорошо плаваю.

Мальчик тем временем, присев на землю, уже поставил ногу на ступеньку. Еще секунда — и он скрылся в глубокой темноте. За ним начал спускаться хоббит.

— Ну, а ты что медлишь? — недовольно прошипел он Саманте.— Не бойся, с твоим ростом здесь не утонешь...

Собравшись с духом, Саманта последовала за хоббитом. Ноги заскользили по тонким металлическим ступенькам, и ей пришлось крепко вцепиться в холодные перила, чтобы не сорваться. Где-то там, внизу, раздался гулкий всплеск. Глухой, неузнаваемый голос Робина прогудел:

— Не трусь, спускайся — здесь неглубоко...

Воды в подземном туннеле действительно было немного. Медленный поток не достиг девочке и коленей — и только хоббит отреагировал на свое невольное купание невнятным ворчанием. Но запах, густой, едкий запах биологических компонентов, который она не раз ощущала, подходя к Родильне, был невыносим. Видимо, Сэмбо был прав, и там, в Лаборатории, делают не что-то, а кого-то... Но почему никто из сотрудников Станции ни разу об этом даже не обмолвился? Пекарь и тот старался выбрать другую тему для разговора, как только кто-нибудь из практикантов упоминал о Лаборатории. Ничего, скоро все прояснится...

Минут пять они медленно шли согнувшись почти в полной темноте по низкому бетонному туннелю, чуть освещенному голубым светом фонаря. Все старались дышать неглубоко, а Саманта даже зажала нос руками. Хоббит неожиданно начал гулко чихать, вызвав неудовольствие идущего впереди Робина. Наконец они уперлись в решетку, через которую бурным потоком низвергалась вода с органическими отходами, и увидели над головой свод точно такого же вертикального колодца, как и в лесу.

— Лезь вперед,— прошептал хоббит и, не выдержав, громко чихнул.— Поднимешь крышку ровно настолько, чтобы я пролез, а потом ждите моего стука. Надо еще разобраться, куда мы попали.

Хоббит отсутствовал, как показалось Саманте, целую вечность. Она буквально висела на скользких перилах в метре над потоком воды и, зажмурившись, считала про себя: «...Двести тридцать, двести тридцать один, двести тридцать два...» Голова кружилась, тошнота то и дело подымалась к горлу... Ну что же Сэмбо медлит? Уже нет сил вдыхать едкие испарения... Скорей бы выйти на свежий воздух! Робин, стоявший на лестнице под самым люком, тоже дышал тяжело, напряженно вслушиваясь — он боялся пропустить момент возвращения хоббита.

Наконец по крышке люка кто-то отчетливо ударил три раза — это был условный сигнал. Упершись коленкой в стенку колодца, Робин рывком сдвинул крышку в сторону и выбрался в темноту. Ему хотелось тут же лечь на жесткий каменный пол и дышать, дышать полной грудью, но он нашел в себе силы нагнуться и протянуть руку Саманте. Вскоре ребята лежали, беспомощно распростершись на полу. Жадно вдыхая свежий воздух, они мутными глазами обводили большую темную комнату, чуть освещенную через окна огнями дежурных ламп. Где-то в вышине зазвенели часы — они слышали тихие проклятия Сэмбо, стоявшего в двух шагах от них.

— Ну, что разлеглись! — сердито шептал хоббит, пытаясь поднять Робина за руку. — У нас времени всего полчаса — пока в Лаборатории никого нет...

— Ошибаешься, вы здесь не одни! — вдруг прокатился под высоким потолком чей-то мрачный и оглушительный голос.

Ребята, не помня себя от страха, вскочили на ноги, озираясь по сторонам. Хоббита рядом уже не было — как всегда, он успел испариться без следа при приближении опасности.

Некоторое время в комнате висела напряженная тишина. Затем у окна чуть дернулась занавеска, и высокая фигура в плаще шагнула ребятам навстречу. Робин тут же встал впереди девочки, сдернул с плеча лук и, молниеносно выхватив из колчана стрелу, натянул тетиву. Незнакомец в ответ поднял руку, тонкая голубая молния ударила в металлический наконечник. Стрела мгновенно вспыхнула. Робин понял, что остался безоружным.

Неровным, срывающимся от волнения голосом он спросил:

— Кто вы?

Незнакомец вместо ответа плавным движением вытянул вперед правую руку. В его раскрытой ладони загорелся большой золотой шар, слепящий яркими искрами. Комнату наполнил призрачный колеблющийся свет — и ребята наконец смогли разглядеть человека в плаще. Это был высокий, почти двухметрового роста, старик, чуть сгорбленный, с большой узкой головой, украшенной густыми черными бровями и длинной белой бородой. Крупные черты лица, длинный нос, широко расставленные глаза, грустные и мудрые...

— Гэндальф! — воскликнула Саманта в восторге, смешанном с испугом. — Но этого не может быть...

Старик неожиданно улыбнулся и незаметным нажатием пальцев слегка пригасил пламя золотого шара.

— Да, я — Гэндальф, девочка, — глубоким, чуть роко-чущим голосом произнес он. — Почему это тебя так удивляет?

— Действительно, почему? — пробормотал ошалело Робин, отбрасывая в сторону полусгоревшую стрелу. — Раз на Станции есть тролли, орки и даже драконы, почему бы здесь не быть великому волшебнику Гэндальфу?

Саманта, подчиняясь внутреннему порыву, сделала шаг вперед к старику и протянула к нему руку — ей казалось, что все это сон. Здесь, в Лаборатории, она готова была встретить любого, самого фантастического «уродца», но не...

«Уродца»? Внезапная догадка обожгла ее, и прежде чем Гэндальф успел убрать руку, девочка коснулась ее пальцами. И немедленно разочарованно вскрикнула. Она сразу узнала прохладную, чуть грубоватую на ощупь кожу биоробота.

— Вы... не настоящий? — еле слышно произнесла она и невольно рассмеялась, чувствуя огромное облегчение. — Это всего лишь один из здешних «уродцев»!

— Ты так считаешь? — с иронией сказал Гэндальф. — Эй, хоббит, вылезай из-за занавески, все равно я тебя отлично вижу.

— Нет, не видишь, — ворчливо ответил со стороны окна Сэмбо. — Я умею преотлично прятаться. Разве ты не заметил, что внизу, под краем занавесок, нет моих ног? Как же я могу там стоять?

— А ты не стоишь, а просто сидишь на подоконнике,— улыбнулся маг.— Будешь выходить? Нет?

Гэндальф вынул откуда-то из складок обширного темного плаща длинный деревянный посох и поводит его концом в сторону окна. Вновь ударила голубая молния, верхняя часть занавески вспыхнула и с шумом рухнула на пол. И сразу же ребята увидели хоббита. Он сидел на узком подоконнике и растерянно глядел на них.

— Ну как, похож я на тех «уродцев», которых штампует в Родильне ваш друг Пекарь? — обратился маг к ошеломленной Саманте.

— Нет, конечно нет! — воскликнул Робин, не отводя от волшебника восхищенных глаз.— «Уродцы» — это тупые, примитивные роботы, действующие строго по заданной программе, а вы...

Старик, поджав в сомнении губы, покачал головой, изучающе разглядывая ребят.

— Не так все просто, мой мальчик... Да — тупые, да — ограниченные, но насчет заданной программы... Боюсь, вы и понятия не имеете о заложенных в них возможностях! А теперь отвечайте на мои вопросы. Кто вы и что вам здесь надо?

Вопрос Гэндальфа прозвучал сурово и холодно — и вновь Саманта почувствовала, как по ее телу прокатилась дрожь волнения. Что делать? Можно ли доверять этому странному биороботу... или человеку?

Она смущенно опустила глаза, а хоббит демонстративно отвернулся и сделал вид, что заметил что-то любопытное за окном. Робин понял, что отдуваться придется ему и, кашлянув, нетвердым голосом произнес:

— Э-э... мы... нам было интересно попасть в Лабораторию, вот и все... Не пускают же сюда никого. И мы решили: значит, есть здесь какая-то тайна...

Гэндальф нахмурился — и Робин невольно поежился под его суровым пронизывающим взглядом, в котором заблестела сталь.

— Врать, парень, ты совсем не умеешь... Пройти поздно вечером через водосток, рискуя задохнуться в ядовитых испарениях,— и только ради чистого любопытства? Да еще хоббит с вами — я уже лет тридцать не видел ни одного живого хоббита... Эй, малыш, куда ты опять спрятался?

Только сейчас Саманта заметила, что подоконник пуст.

Сэмбо, как видно, воспользовался моментом и опять куда-то улизнул.

— Выходи из-под шкафа,— сурово произнес Гэндальф и в гневе топнул ногой в высоком черном сапоге с серебряными пряжками.— Я же предупреждал тебя — от меня так просто не скроешься!

Здорово перепуганный Сэмбо немедленно возник, словно из-под земли, в дальнем, самом темном углу комнаты.

— Я здесь при чем? — пробурчал он, набычившись.— Ребята уговаривали меня провести их подземным ходом. Я по своей душевной доброте согла...

Фиолетовая молния, вырвавшаяся из конца посоха, описала вокруг оторопевшего хоббита пылающий круг на полу.

— Э-э! — завопил перепуганный Сэмбо.— Я же пошутил! И пошутить, понимаете, нельзя... Дело в том, что мы, хоббиты, очень обеспокоились. Здесь на побережье, в наших исконных местах, люди все перевернули вверх дном: вместо болот поставили горы, вместо долин — непроходимые леса. А потом еще и всякая нечисть вроде троллей и орков завелась! Что нам, спокойно смотреть на эти безобразия? И решили мы на сходке Мудрых Хоббитов,— тут Сэмбо важно надул губы,— послать на разведку самого ловкого и хитрого мужчину, то есть меня. Здесь, на Станции, я рыскал целую неделю и все видел, но не так уж много понял... Наконец повезло — вижу знакомое лицо рядом с этим громилой Пекарем...

— Сэмбо! — предостерегающе воскликнула девочка.

— Э-э... вижу, стоит... Саманта — я еще ребенком ее хорошо знал. Походил за ней, походил, да и открылся. А почему бы и не открыться? Вместе мы пораскинули мозгами и решили, что в этом... как его... Проекте не совсем все чисто. Куда же нам было идти за разгадкой, как не сюда, в Лабораторию?

Саманта бросила на хоббита благодарный взгляд. Конечно, Сэмбо прав: нельзя раскрываться полностью перед странным существом, может, даже не человеком...

— Хм-м-м,— хмыкнул Гэндальф, недоверчиво разглядывая маленькую фигурку хоббита, который упрямо не желал выходить из темного угла.— Что-то не очень я тебе доверяю, малыш,— уж слишком хитрая у тебя физиономия... Итак, вас интересует Проект...

И старик надолго застыл на месте, в глубокой задумчивости опираясь на свой посох.

Наконец он глухо произнес:

— Боюсь, что разочарую вас. Я ведь тоже очень интересуюсь Проектом, но знаю ненамного больше вашего...

— Как? — дружно воскликнули разочарованные ребята.

— Увы... Если бы я действительно был Гэндальфом, то передо мной не было бы ни закрытых дверей, ни глубоких тайн...

— Вы... вы не Гэндальф? — На глазах Саманты выступили слезы обиды. — Но кто же вы?

Старик вздохнул и отвел глаза в сторону.

— Когда-нибудь я расскажу вам мою историю, — горько произнес он. — Это история очень счастливого человека, которому однажды очень, очень не повезло...

— Вы — киборг? — прошептал побелевшими губами Робин.

— Да, мальчик, ты прав. Я — киборг. Одна треть человека и две трети биоробота. Так уж сложилась судьба, что у меня не было другого выхода. Год назад я попал в автокатастрофу. По счастью, мозг остался цел, но все остальное... Выбор был простой: либо коротать оставшуюся жизнь в специальной капсуле с биоактивным раствором, либо принять предложение руководителей Проекта. Так я стал Гэндальфом.

Саманта, преодолев непонятный ей самой страх, подошла к старику и, встав на цыпочки, поцеловала его в жесткую колючую щеку. Гэндальф, в глазах которого блеснули слезы, погладил ее по пышным соломенным волосам.

— Спасибо. Вот уж не думал, что когда-нибудь меня вновь будут целовать женщины — хотя бы просто из жалости. А сейчас вам пора уходить! Мисс Эмингс сказала, что вернется с совещания к одиннадцати, то есть через пятнадцать минут. Вовсе ни к чему, чтобы она вас здесь встретила.

Хоббит даже присел от испуга.

— Да что же тогда мы здесь стоим? Эй, Робин, давай открывай крышку! Поговорили — и на сегодня хватит. Завтра мы еще придем к тебе, Гэндальф, ладно?

— Хорошо, — улыбнулся маг, — только лучше встретиться не здесь, а где-нибудь в лесу. Мисс Эмингс иногда

выпускает меня на час-другой прогуляться — конечно, так, чтобы меня никто не увидел.

— Выпускает? — спросила пораженная Саманта, пока Робин с хоббитом возились у люка. — Но какое право она имеет держать вас взаперти?

— Видишь ли, девочка... Таково было условие нашего контракта. И кроме того, я, наверное, знаю о Проекте немало такого, о чем никому постороннему и краем уха слышать не положено. Да, не удивляйся, я не оговорился — я *наверное что-то знаю!* Не забывай, что у киборга не только тело искусственное, но и частично мозг. Пока мое программирование не завершено, вряд ли мисс Эмингс станет раскрывать передо мной все карты. Да и потом, я уверен, она не станет откровенничать. Ясно лишь одно: в Проекте я буду играть одну из важнейших ролей. И узнаю все до конца, только начав действовать, пойму правила Игры, только вступив в нее! А это не очень меня устраивает. Хотелось бы надеяться, что и тогда, когда в работу включится искусственная часть моего мозга, я останусь великим волшебником Гэндальфом, противопоставившим силам зла свою мощь, мудрость и доброту. А если нет?

— Разговорились! — недовольно отозвался из другого конца комнаты хоббит. — Нашли где, понимаешь, разговаривать... Вы с Робинсом как хотите, а с меня на сегодня приключений хватит! — И Сэмбо нырнул в темное жерло колодца.

— Саманта, он прав, нам пора! — тревожно крикнул мальчик, опускаясь на пол и осторожно нащупывая ногой ступеньку металлической лестницы. — Гэндальф, завтра встретимся в двенадцать ночи в лесу у ручья, что течет по дну оврага.

— Зачем же так поздно? — внезапно зазвенел где-то рядом резкий женский голос. — Можно поговорить и сегодня. Элдис, мальчик, включи, пожалуйста, свет!

Зал осветился неприятным, режущим глаза желтым светом. Саманта, охнув, обернулась к двери и увидела разгневанную мисс Эмингс, энергичным шагом идущую к ним. Но ее опередила юркая фигурка Элдиса: подскочив к распахнутому люку, он оттолкнул в сторону огорошенного Робина и, улегшись на пол, засунул голову в темноту.

— Здесь кто-то еще был, — зло прошептал он, вставая

на ноги и отряхивая свое обтягивающее черно-серебристое трико.— Я же видел — здесь был кто-то четвертый!

Робин недоуменно пожал плечами. Виновато понутив голову, он пошел навстречу начальнице Станции, которая, не скрывая презрения, разглядывала хмурого Гэндальфа и пунцовую от стыда девочку.

— Давайте побеседуем,— коротко сказала она наконец.— Молодые люди, марш за мной в кабинет! А с вами...— в голосе мисс Эмингс зазвучали металлические нотки,— с вами, Гэндальф, у нас будет отдельный разговор. Надеюсь, вы еще помните условия нашего контракта?

— Но кто же здесь еще был? — прошептал Элдис, следуя за расстроенными ребятами.— Здесь же определенно кто-то еще был.

Гэндальф посмотрел ему вслед — и на его старом, изборозженном глубокими морщинами лице проскользнула легкая усмешка.

Утро следующего дня выдалось тихим и солнечным. Наконец-то ушла надоевшая за последние недели серая вата облаков, небо высветлилось до глубокой голубизны, которая редко случается поздней осенью. Легкий ночной морозец затянул лужи первым узорчатым льдом, траву посеребрил иней, а воздух стал хрустально чистым, чуть горящим запахами увядающей зелени. Как хорошо было в такую погоду сходить в лес, скажем в рощу молодых эльфийских ясеней, или полюбоваться снежными вершинами Туманных гор...

Саманта едва сумела оторваться от прекрасного вида, раскрывавшегося из широкого окна ее комнаты. Все, не будет уже никаких походов...

— Что ты задумалась? — недовольно пробурчал Робин, с трудом затягивая тугую молнию на большой яркой-красной сумке.— Сказано тебе — сразу после обеда за нами придет автобус, а мы только начали собираться... Стоп, а где твои книги?

— Посмотри на полке в коридоре,— апатично ответила Саманта, подходя к зеркалу. Да, бледный у нее вид после вчерашней бурной ночи. Может, снять сегодня надоевший коричневый комбинезон и надеть шерстяное

осеннее платье? А-а, неохота... Какая разница, в чем уезжать. Проводы все равно будут не праздничными...

Чувствуя, как глаза начинают щипать слезы обиды, девочка взяла щетку и стала яростно расчесывать свои пышные, рассыпающиеся по плечам волосы.

— Пожалуйста, поосторожней! — сказал Робин, складывая на кровать пачку справочников, которыми практикантов снабдили в Центре перед отправкой на Станцию. — Так ты все волосы выдерешь! Подумаешь, лопнула наша практика... В вунд-школах нас, конечно, по головке не погладят, но и не выгонят же! Ребята, вырвавшись на волю, и не такие штучки откалывают. Мне рассказывали, что в прошлом году двое наших парней...

— Помолчи! — раздраженно прервала его Саманта.

Робин поджал губы и стал запихивать книжку в сумку, бросая искоса сочувственные взгляды на девочку. Да-а, ей разговорами не поможешь. У него самого мурашки по коже пробегают, когда он вспоминает вчерашний допрос с пристрастием у Нейлы! Оказывается, этот подлец Элдис все время следил за ними — хотел выслужиться и заработать лишний балл за практику. Хорошо еще, что он Сэмбо не разглядел. С Гэндальфом дело похуже. Еле удалось убедить начальницу Станции, что маг им ничего о себе не рассказывал — только пугал молниями. Похоже, поверила... Хотя кто знает! Эх, жаль, что так получилось. Вместе с Гэндальфом можно было запросто разобраться в тайнах Проекта...

Гулкий топот за окном отвлек его от неприятных мыслей. Оказалось, что к большому зеленому фургону вели отряд из почти двух десятков орков — высоких, кряжистых, обросших бурой шерстью с головы до ног. Скучная одежда из искусственных шкур не скрывала мощные налитые мускулы и сквозь густые патлы, нависающие низко на лоб, светились небольшие, глубоко посаженные глаза. Двое сопровождающих — Робин узнал одного из них, неунывающего Хилари, — хлеща налево-направо хлыстами, торопливо загоняли орков в раскрытые двери фургона.

Саманта, на секунду оторвавшись от зеркала, тихо сказала:

— Вот и нас скоро так... Видно, потянули мы с тобой за очень опасную ниточку. Верно говорил Сэмбо — никуда мы не годимся! Ничего толком не узнали, только дело испортили... Говорят, Нейла сегодня утром провела опера-

тивку по усилению режима охраны на Станции. Теперь сюда никто и носа не сунет! Через полгода Проект заработает — и будет уже поздно.

— «Проект, Проект»! — заворчал Робин, отбрасывая в сторону туго набитую сумку и принимаясь за рюкзак. — Только и слышу об этом Проекте... Меня сейчас другое волнует: как бы до отъезда отвесить Элдису «блинчиков» на его горбоносую физиономию. Посмотрим, поможет ли этому пройдохе его любимый принцип: «каждый сам за себя».

Дверь в комнате протяжно хлопнула, и могучий бас сердито пророкотал:

— Кого это ты решил отколотить, малыш? Если самого себя за глупость да самоуправство, то позови меня — мигом помогу!

Пекарь боком, словно медведь, втиснулся в комнату и бросил неодобрительный взгляд на бедлам, царящий вокруг.

— Так и думал, что они еще не собрались! Машина уходит через полчаса, а эти остолопы на орков любят... Саманта, девочка, сейчас не время наводить красоту — лучше-ка приберись в этой свалке. Сама знаешь, комендант такую комнату у тебя не примет. Робин был сейчас у тебя — это надо же, за какой-то месяц довести до такого ванную! Ну да ладно, краны я сам почию, когда вернусь из Центра.

— Из Центра? — воскликнула Саманта, раздраженно вырвав у мальчика рюкзак, куда тот неумело пытался сложить ее немногочисленные платья. — Разве вы едете с нами в Центр, наставник?

Пекарь хмыкнул и осторожно присел на кровать — та сразу же болезненно взвизгнула под его солидным весом.

— Не только еду, но и вас, хулиганов, повезу. Рейсового автобуса сегодня не будет. А нашей милой Нейле просто не терпится от вас обоих избавиться. Видно, здорово вы ей насолители вчера ночью...

Биохимик, не dokonчив фразу, впери́л в Саманту пытливые острые глазки — и та, невольно покраснев, отвернулась.

— Отлично! — нарочито бодро произнес Робин. — Поедем с ветерком. Вы на чем нас повезете — на «Барсе» или на «Круизе»?

— «Барса» он захотел! — проворчал Пекарь, с жалостью поглядывая на ребят. — Невелики персоны — хватит вам и вездехода. Зато если будете себя хорошо вести и не подожжете по дороге машину, подброшу вас немного в сторону от Тракта к подножию Туманных гор. Уж очень там хороши озера и заливные луга!

Он замолчал, расстроено поглаживая небритую щеку. Происшедшее выбило его из колеи. Конечно, Саманта — настоящая сорвиголова, да и Робин, если его завести, покуролесить всегда готов. Но забраться ночью в Лабораторию!.. Уму непостижимо, зачем они это сделали. И он, старый дурак, хорош — нужно было их днем как следует занимать делом, тогда всякая дурь к вечеру сама собой бы выветривалась... И все же Нейла поступила очень жестоко! Сам-то он и выговор и солидный штраф переживает — плевать, не впервой. Но если в вунд-школы вдогонку за ребятами полетят отзывы о практике, подписанные рукой начальницы Станции... Придется напроситься завтра к Нейле на внеочередной прием — ребятшек надо защитить! В случае чего, можно будет пригрозить уходом. Сейчас, в самый разгар работы, замену ему будет найти нелегко.

После обеда ребята простились с теми немногими сотрудниками Станции, с которыми успели подружиться за прошедший месяц, сдали комнаты неулыбчивому коменданту и с сумками в руках вышли на небольшую площадь перед бетонным кубом Киберцентра. Вокруг было пустынно. На Станции не принято слоняться между корпусами в разгар рабочего дня, и все же практиканты почувствовали невольную обиду. Ясное дело, сотрудники опасались вызвать недовольство своей суровой начальницы, но по крайней мере молодежь из Операторной могла бы помахать им руками на прощание...

Из-за раскидистого кедра, мягко шелестя широкими шинами, выкатил приземистый зеленый «Круиз», подымая облачко пыли. Лихо остановившись в двух шагах от ребят, Пекарь распахнул металлическую дверцу:

— Что приуныли? Прощайтесь со Станцией — и айда на заднее сиденье!

В это время из-за небольшой рощицы молодых кленов раздался протяжный раскатистый вопль. Саманта вздрогнула и одним прыжком забралась в мягкое кресло. Робин, неудобно согнувшись, распахивал сумки и рюкзаки по сво-

бодным местам багажного отделения, расположенного здесь же, в кабине.

— Дракон? — деловито спросил он.

— А кто же еще! — усмехнулся Пекарь и положил волосатую руку на рычаг управления. — Чует мое сердце — с ним мы еще наемся. Уселись?

Как только вездеход, развернувшись, рванул с места, из-за здания Киберцентра выскочил Элдис, приплясывая и показывая уезжающим «длинный нос».

— Остановились бы вы, наставник, хоть на пять минут, — с тоской произнес Робин, провожая сощуренными глазами тонкую гибкую фигуру. — Видите — попрощаться с человеком надо...

— Чего захотел, — хладнокровно ответил Пекарь, выворачивая машину на шоссе, ведущее к спуску с холма. — Хватит с вас двоих и тех замечательных характеристик, которые сейчас строчит наша дорогая начальница мисс Эмингс. И вообще, не отвлекайте водителя посторонними разговорами...

Минут пятнадцать они ехали молча. Робин, очень отходчивый и неунывающий по характеру, уже и думать забыл о неудавшейся расправе с доносчиком и вовсю вертел головой, с любопытством осматривая мелькающие мимо пейзажи. Так уж получилось, что практиканты приехали сюда, на Станцию, поздно ночью, и дорога оставила у них самое смутное впечатление. Пешком же далеко не уйдешь, да это и не разрешалось.

Саманта в отличие от спутника лишь искоса поглядывала по сторонам — ее съедали невеселые мысли. И только когда вездеход свернул на Внешний Тракт, она невольно прилипла к стеклу кабины — уж очень величавыми были леса по обеим сторонам дороги. Ближе к горам местность стала плавно подниматься, среди могучих хвойных гигантов все чаще показывались серобокие мшистые валуны, живописно заросшие раскидистым папоротником. Изредка в придорожной траве мелькали красные шапки мухоморов. На песчаных откосах среди свисающих вниз корней деревьев росли большими семействами какие-то желтые колоколообразные грибы. Ни животных, ни птиц не было видно — шум вездехода отпугивал все живое. Внезапно из-за поворота на Тракт вышли две темные фигуры и остановились прямо на пути машины. Пекарь, выругавшись, нажал на тормоза.

— Гэндальф! — пробормотал ошеломленный Робин, ткнув Саманту локтем в бок. — Может, у меня галлюцинации?

Пекарь шумно задышал и повернул к ребятам побагровевшее недовольное лицо.

— Это еще что за штучки? — прогудел он сипло. — Если вы сговорились с этим колдуном...

Но ребята, распахнув дверцу, уже бежали навстречу Гэндальфу, который с улыбкой смотрел на их возбужденные лица, опираясь, как всегда, на посох. Рядом с ним стоял, гордо заложив руки за спину, Сэмбо.

После многочисленных невнятных приветствий Гэндальф спрятал улыбку и тихо произнес:

— Вот вы и уезжаете... Уезжаете, растравив мне душу своими вопросами, но так и не попытавшись найти на них ответы. Не рано ли сдались?

— А что мы можем сделать? — расстроено произнес Робин.

— Как сказать... Если вы помните, в летописи Толкина отряд Хранителей — четыре хоббита, эльф, гном, два человека и я, Гэндальф, — смогли решить задачу потруднее. Несмотря на все препятствия, мы донесли кольцо Всевластия до земель Мордора и сбросили его в пылающую бездну Ородруина, разрушив тем самым замок Черного Властелина Саурона! Неужели мы вчетвером не справимся с куда более простой вещью и не узнаем, в какие игры здесь собираются играть?.. Еще до вашего появления я твердо решил тайно уйти из Лаборатории и, перейдя горный хребет, пройти всю Территорию из конца в конец. Я догадываюсь, какая роль мне предназначена в дальнейшем — до конца жизни быть проводником! Но кого вести, куда и зачем — об этом я узнаю только там, на Территории. Программа, заложенная в мой мозг, должна заработать. Хочу посмотреть, что из этого выйдет... Одно только беспокоило меня: где найти спутников? Ведь без них моя программа может и не сработать! И вот вчера ночью я познакомился с одним из членов своего будущего отряда. — И Гэндальф раскланялся с важным хоббитом. — Но вдвоем нам будет все же трудно...

— Вы приглашаете нас с собой! — восторженно завопил Робин. — Ура, вот это будет приключение!

Гэндальф с сомнением посмотрел на Робина, и тот сразу же приутих.

— Не думаю, что это будет такое уж веселое путешествие,— холодно произнес он.— Скорее наоборот — нас ждут серьезные испытания. Конечно, вряд ли там, на Территории, вашей жизни будет что-либо угрожать. Создатели Проекта наверняка позаботились о безопасности посетителей этих мест, но все же... И кроме того, пойдя со мной, вы вступите в нешуточный конфликт со многими людьми, куда более влиятельными и жестокими, чем Нейла Эмингс. Так что советую вам хорошенько подумать.

— О чем это ты предлагаешь им подумать, старый колдун? — прогудел над плечами ребят могучий бас.

Оглянувшись, они увидели нависающую над ними медвежью фигуру Пекаря, который недоброжелательно смотрел на Гэндальфа.

— О многом,— спокойно ответил Гэндальф.— Для начала — о своем месте в этом мире... Похоже, ребята хорошо начинают! Им уже не безразличны вещи, о которых многие не желают всерьез задуматься, в том числе и ты, Патрик.

— Каждый должен делать свое дело, и делать хорошо,— нравоучительно изрек биохимик, смерив волшебника презрительным взглядом.— Все остальное — философия для бездельников.

Гэндальф нахмурился.

— Мне некогда вести с тобой споры, да и бесполезное это занятие. В твоем возрасте человека не переделать. Честно говоря, еще год назад я был таким же... деятелем. Преуспевание — вот был мой бог! Помнится, сам господин Президент считал полезным провести часок-другой в беседе с таким здравомыслящим человеком, как я. А ведь я мог многое сделать для таких ребят, как Саманта и Робин, потому что был известным писателем, чьими книгами зачитывались миллионы! Но так уж устроен наш мир, что деньги платят вовсе не за призывы к разумному, доброму и вечному. И я выпекал в год по две-три книжонки, наполненные всяческим мистическим бредом — вампирами, убийцами-людоедами, драконами и заколдованными замками. Выпекал да еще радовался, что так ловко могу придумывать самые увлекательные истории в стране! Теперь, похоже, придется расхлебывать...

— То-то я думал — и кого это Нейла прячет в кукле волшебника Гэндальфа! — раздосадованно воскликнул Пекарь.— А это, оказывается...

Старик предостерегающе поднял руку, прерывая биохимика на слове.

— Не стоит пока называть мое имя,— тихо сказал он.— Там, за Туманными горами, слишком много бродит нечисти, созданной, наверное, и моим воображением, и воплощенной в биороботы на какой-нибудь из Станций. Слава Богу, старик Толкин умер сто лет назад и не дожил до времени, когда из его гениальной книги стали варить ядовитое зелье. Впрочем, такова судьба всех гениев...

— Ну так иди, чудак, расхлебывай! — сердито закричал Пекарь.— Но зачем ребятам-то портить жизнь! Представляешь, что произойдет, если я сегодня не довезу их до Центра? Меня, конечно, за такие штучки смешают с землей, да не обо мне речь...

Саманта нежно погладила расстроенного биохимика по небритой щеке.

— Простите, наставник, но мы с Робинот пойдём вместе с Гэндальфом. Сейчас мы не можем всего рассказать, но поверьте: мы знаем, на что идем. И дело здесь не в Гэндальфе, а в нас самих...

Пекарь, вконец расстроенный, махнул рукой и быстро пошел к вездеходу. Распахнув дверь кабины, он яростно стал выбрасывать из нее сумки ребят прямо на придорожную траву.

— Делайте что хотите — хоть залезайте в жерло Ородруина! — заорал он.— Я вам в этом не помощник! Все, что я могу для вас сделать,— сказать в Центре, что вы сбежали от меня во время стоянки в лесу. Мол, ребята решили, что практика и так пошла прахом, и надумали махнуть... Робин, куда мне направить погоню, в какую часть света? Быть может, на Северный полюс? Впрочем, какая разница, что-нибудь сам придумаю... Выпороть бы вас обоих не мешало, и крепко!

— Может, ты подбросишь нас до хребта? — мягко спросил Гэндальф, пряча улыбку в густой бороде.— Завтра, самое позднее к полудню, нас начнут искать на вертолетах. Не хотелось бы к этому времени оставаться по эту сторону гор...

— Еще чего! — возмутился Пекарь.— Нашли извозчика! Я и так, если хотите знать, могу из-за вас крепко погореть — ищи потом работу... Ну да ладно, залезайте, что с вами поделать? Э-эх, чему быть, того не миновать... Учти, колдун, если там, на Территории, с ребятами что-

нибудь случится, я найду тебя хоть в самой Морийской пропасти!

Через несколько минут вездеход, взревев, съехал с Тракта в густой ельник и, подминая под колеса молодняк, взял курс на сияющие в холодных лучах октябрьского солнца вершины Туманных гор.

ГЛАВА 5

Саманта еще не бывала в горах, и вид хребта с заснеженными вершинами вызвал у нее восхищение. Пока Робин с хоббитом занялись устройством бивака на берегу озера с пронзительно-синей водой, а Гэндальф с Пекарем увлеклись беседой, она решила пройтись до подножия гор, чтобы оттуда, с одного из громадных валунов, полюбоваться окружающим пейзажем. Обогнув рощу незнакомых ей зонтичных деревьев, Саманта вышла на полосу слегка заболоченной почвы. Впереди расстиралась стометровая полоса бурой травы с ярко-зелеными кочками, заросшими иглистой осокой. Дальше, за грядой округлых холмов, покрытых редкими кривыми березками, отчетливо был виден бок одного из каменных исполинов. Девочка беззаботно зашагала по пружинящей траве. Тут же у нее под ногами захлюпала рыжая вода.

Не пройдя и двадцати метров, Саманта поняла, какую совершила ошибку. Безобидный на вид луг оказался коварной, заболоченной ловушкой, подставляющей под ноги то овальные ямы, до краев наполненные водой, то сети ветвистых корней каких-то странных, похожих на кактусы растений. Девочка старалась идти не спеша, рассчитывая каждое движение, и тем не менее трижды шлепалась, поскользнувшись на мягких, как масло, кочках. С трудом обнаружив сухой клочок почвы, Саманта присела на столбовидный белый камень. «Да это самое настоящее болото!» — тревожно подумала девочка. И тут ее внимание привлекли заросли высоких кустарников, темным покрывалом стелющихся метрах в тридцати от нее.

Сначала ей показалось, что ветви кустарников заколыхались от порыва ветра. Приглядевшись, она с испугом обнаружила среди редкой листвы большое коричневое пятно. Камень?.. Пятно неожиданно зашевелилось и, покачиваясь, стало выбираться из месива густых зеленых рас-

тений. Саманта хотела закричать, но горло ее сдавил острый спазм страха.

Подобного существа девочка никогда не видела. Телом оно напоминало древнего птеродактиля, а шишковатая, с мощным железным клювом голова и узловатые лапы с острыми когтями делали его похожим на небольшого фантастического дракона.

«Ну конечно, это всего лишь один из «уродцев», — с тайным облегчением подумала Саманта, разглядывая ящера. — Странно, у нас на Станции таких не создают. А может быть, мы уже вступили в Игру? Что ты медлишь, чучело? Видишь, я тебя не боюсь, мне просто любопытно, какой ход ты сделаешь...»

Ящер неуклюже сделал несколько шагов вперед, смешно переваливаясь на коротких лапах, и вдруг рывком поднялся в воздух. Мгновение — и его когти вцепились Саманте в куртку, слегка поцарапав ей кожу на спине. Девочка почувствовала, что земля поплыла у нее из-под ног. Мощно махая двухметровыми перепончатыми крыльями, «уродец» понес ее в сторону хребта.

— Откуда у вас такая уверенность, Патрик, что Игра может начаться для нас в любой момент? — раздраженно спросил Гэндальф, подбрасывая в костер сухие ветви. — Я понимаю: когда мы пересечем перевал и спустимся в долину, там можно ожидать все что угодно. Но здесь, в пяти километрах от Станции...

Пекарь сделал несколько осторожных глотков — чай, только что вскипяченный в котелке над костром, был горяч и приятно пах дымком.

— Ну, мне пора, — заявил он, поднимаясь с небольшого валуна и отряхивая брюки от налипших на них иголок репейника. — Иначе в Центре мне не избежать головомойки, я и так задержался в пути на лишние полчаса. А что касается Игры... Пойми, Гэндальф, я мало знаю обо всем этом: рядовым биохимикам секретную информацию не предоставляют, сам понимаешь. И все же помяните мое слово — Территория уже три года наполняется «уродцами» со всех двенадцати Станций, и не пройдет и дня, как вы с ними встретитесь. Хорошо, если это будут орки или тролли, с ними Робин знаком. А если нет? Стоит же

произойти первой встрече, как Компьютер, хитро замаскированный где-то на Территории, начнет Игру, правила которой известны только ему самому. Что он вам предложит, какие препятствия поставит на пути — не берусь предсказывать. Тем более что вы и сами толком не представляете себе, что хотите узнать...

— В этом вы не правы, наставник, — весело сказал Робин, дуя на ароматно дымящийся чай в чашке. — Мы же вам объяснили — хотим разобраться, что за игры здесь будут разыгрываться, и прочувствовать это на своей шкуре. Здесь явно есть какая-то тайна... Кстати, Сэмбо, а где Саманта? Что-то она загулялась.

Хоббит пожал плечами, вгрызаясь в большой кусок хлеба, густо намазанный клубничным джемом. Интуиция подсказывала ему, что такого сытного и безмятежного обеда у костра у него не будет еще долгое время. Ему вовсе не улыбалась перспектива отложить еду в сторону и идти по следам Саманты. Подумаешь, ну решила девочка пособирать голубику — ее вокруг полным-полно! Чего тревожиться-то! До гор еще далеко, а здесь такая благодать...

Пекарь, вздохнув, потрепал по голове улыбающегося во весь рот Робина, чинно раскланялся с важным Сэмбо и обменялся крепким рукопожатием с Гэндальфом.

— Видит бог, я хотел пойти с вами, — грустно сказал он, оглядываясь на темно-зеленый, с разводами кузов вездехода. — На «Круизе» мы бы... Впрочем, перевала на нем все равно не одолеешь, да и нас мигом обнаружили бы с вертолетов... Что ж, буду вас, как могу, страховать на Станции. И вот еще что, Гэндальф... Карты Территории я, конечно, не видел, но однажды в штабе Центра один из тамошних чиновников столкнулся со мной в гардеробе и уронил папку с документами. Память у меня — что твой фотоаппарат! Так вот, одним глазом мне удалось разглядеть краешек какого-то плана — и я почти уверен, что узнал нашу Станцию, Тракт, горный хребет... Быть может, мне показалось, но... Но похоже, что, перейдя горы, вы войдете на Территорию не с точки старта, а, скорее, ближе к финишу. И вряд ли это будет веселый финиш — на плане эта местность была закрашена в темный цвет. Ну, поеду...

Когда вездеход, лихо развернувшись почти на месте, рванул в сторону Тракта, Гэндальф внезапно вскочил и, приложив ладонь ко лбу, замер. Глаза мага тревожно блеснули.

Робин, отбросив кружку с чаем, немедленно последовал его примеру. Увы, он ничего не увидел. Горы быстро затягивались клубящимся туманом, и вскоре снежные шапки скрылись под ним. Никаких «уродцев» или хотя бы обычных зверей мальчик не заметил. Только вдалеке, над глубокой расщелиной в сером горном массиве, в воздухе промелькнуло какое-то темное пятно — похоже, пролетела большая птица.

— Пожалуй, Пекарь был прав, — неузнаваемо глухим голосом сказал Гэндальф, медленно опуская руку. — Игра уже началась, и первый шаг сделали не мы, а противник... Собирайтесь, нам надо до заката найти путь через хребет.

— Как — собирайтесь? — поразился Робин. — А Саманта? Надо же сначала ее разыскать!

Гэндальф так взглянул на парня, что тот прикусил губу и вместе с притихшим хоббитом быстро стал укладывать припасы в рюкзаки.

«Как же я мог сделать такую глупость — отпустить Саманту на прогулку одну! — думал Робин, дрожащими руками пряча в карман рюкзака складной топорик. — Это же не парк и даже не Вековечный лес — это Территория... Олух, какой же я олух! Никогда себе этого не прощу...»

Маг уверенно повел маленький отряд ему одному известными тропами. Через полчаса путники взойшли на вершину одного из холмов и по отчаянной просьбе Сэмбо сделали небольшую стоянку. Пока хоббит, проклиная себя в душе за то, что ввязался в это рискованное путешествие, выжимал промокшие носки и вытряхивал из сапог остатки темной болотной воды, Робин решил спросить:

— Это был «уродец», Гэндальф? Куда он унес Саманту?

— Да, это был «уродец» — летающий ящер. Видишь внизу заросли кустарника? Там эта тварь и пряталась, пока мы попивали чаек... Ближе боялась подобраться — я бы ее почуял. Не могу себе простить — так заболтался, что увидел ее только в воздухе! Этот летающий ящер — его зовут здесь кроллом — очень коварное существо. Кролл обладает удивительно тонким слухом и к тому же может воспроизвести любой подслушанный им разговор. Словом, идеальный шпион и соглядатай... Да вот ума у него немного! Поэтому бароны используют кроллов там, на Территории, в основном как собак-ищеек...

Хоббит, прислушиваясь к словам Гэндальфа одним ухом, недоуменно пробормотал:

— Кролл? Никогда не слышал о такой твари... Мало этим громилам, что троллей да орков выпустили на свет, так они еще и всякую летающую нечисть придумали! Я понимаю — дракон, все-таки благородных древних кровей, а то кролл какой-то...

Робин пытливо заглянул в глаза волшебнику и осторожно спросил:

— Раз вы знаете, как здесь называют эту летающую собаку, то, значит, вы слышали об этих местах куда больше, чем говорили раньше?

Гэндальф еле заметно улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Увы, вынужден тебя разочаровать, мальчик... Я уже говорил как-то тебе, что одна треть моего мозга — искусственная и на Станции мисс Эмингс лично занималась ее программированием. Конечно же, Гэндальф, главное действующее лицо в Проекте, должен знать все об участниках Игры и ее правилах. Но я, киборг, не стал еще настоящим волшебником — я превращусь в него, только участвуя в Игре. Понимаешь — только участвуя! Еще час назад я и понятия не имел о кроллах. А когда увидел в небе эту тварь — сразу многое вспомнил! И не только про нее, но и про баронов и про их приграничные замки... Вот так, понемногу, я со временем вспомню все, что заложено в программу моего «второго» мозга, но не все сразу. Иначе, сам понимаешь, Игра потеряла бы всякий смысл...

Робин кивнул и после паузы задумчиво произнес, не отрывая глаз от громады гор, нависающих над их головами:

— Выходит, Саманта может оказаться в замке одного из баронов?

— Боюсь, не столько в замке, сколько в темнице... И скорее всего, ее окружает малоприятная компания — местные бароны терпеть не могут, когда в их владения вторгаются непрощенные гости, будь то «уродцы» или просто незнакомые люди... Эй, Сэмбо, ты здесь надолго расположился, малыш?

Хоббит заворчал и протянул старику мокрые носки.

— Пока они не высохнут, я и шага вперед не сделаю, — безапелляционно заявил он. — Ты сам говорил, что жизни Саманты на Территории ничто не угрожает, но

если я пойду в горы в сырых носках... И зачем только я послушался тебя и надел сапоги — босиком путешествовать куда приятнее!

Робин мигом подскочил к Сэмбо и, не обращая внимания на его недовольные вопли, одним рывком поставил его на ноги.

— Носки у него сырые! Саманта сейчас сидит в каком-нибудь каменном мешке среди всяких тварей, а он... И зачем мы только с тобой связались — сидел бы у себя в теплой норке да чай попивал!

Сэмбо немедленно обиделся, но Гэндальф защитил его:

— Напрасно ты недооцениваешь хоббитов, Робин. Этот маленький народец только на первый взгляд кажется ленивым и трусоватым. Попомни мое слово: Сэмбо в трудную минуту нас не подведет! А носки... Что ж, это дело поправимое!

Маг, слегка усмехнувшись, поднял посох. Раздался сухой треск, и в носки ударила оранжевая молния. От неожиданности хоббит пискнул и упал на землю, отбросив в сторону злополучные носки и закрыв голову руками.

— А вы говорите — не подведет,— презрительно сказал Робин, поднимая с земли абсолютно сухие носки.— Эй, Сэмбо, не лежи на холодной земле, простудишься!

Дорога к предгорьям оказалась легче, чем ожидал Робин. Он шел вслед за надувшимся хоббитом и не отрывал глаз от высокой поджарой фигуры Гэндальфа, уверенно выбиравшего путь среди нагромождений валунов. «Хотел бы я знать, о чем он думает... Даже представить себе трудно: жить, зная, что в тебя встроены второй мозг, в котором работает какая-то неизвестная тебе программа. Запрограммированный человек! Хотя вряд ли ему было веселее лежать в саркофаге с питательной смесью...»

Через полчаса блуждания среди мшистых валунов путники вышли к глубокой расщелине в скальном массиве. По дну расщелины стремительно неся кипящий белый поток воды, а там, в вышине, глухо звучал рокот водопада, скрытого клубами густого тумана.

— Насколько я вспоминаю, где-то в этих местах находится тропа через перевал,— с сомнением произнес Гэндальф и остановился на самом краю обрыва.— Обычно перевал почти не закрыт снегом, и нам хватило бы и дня на переход в долину... Но в таком тумане легко сбиться с пути.

— Лично я с удовольствием подожду хорошей погоды! — обрадовался хоббит и беззаботно уселся на гранитный обломок. — Куда спешить-то? Разожжем костер, вскипятим чаек...

— Прячьтесь! — внезапно приказал Гэндальф. — Прячьтесь за валунами!

Хоббит молниеносно исчез. Через мгновение среди соседних глыб растворилась и фигура мага в сером плаще. Робин замешкался, в растерянности оглядываясь по сторонам. Ему было неясно, где Гэндальф углядел приближающуюся опасность — местность вокруг оставалась такой же безжизненной, как и минуту назад. И, только услышав в воздухе отчетливое жужжание винта, он одним рывком прыгнул к ближайшему валуну и закатился под широкий каменный навес.

Вертолет прошел невысоко над землей на бреющем полете. Он медленно двигался вдоль предгорий. Когда шум винта стал стихать, мальчик осторожно выглянул из своего каменного убежища. И тут он с ужасом вспомнил, что забыл на месте недавней стоянки свой рюкзак, лук и колчан со стрелами! Хоббит с Гэндальфом оказались куда предусмотрительнее — их вещей нигде не было видно.

Внезапно гул в воздухе стал вновь нарастать — вертолет, круто развернувшись, поплыл в сторону валунов, за которыми прятались путники.

Робин расширенными от страха глазами смотрел, как снизившаяся метров до пятнадцати железная птица не спеша приближалась к нему. Ему даже показалось, что за блестящим лобовым стеклом кабины видны насмешливые глаза летчика. Сейчас, вот сейчас он заметит рюкзак, и тогда...

Его спас туман. Белые слоистые языки неожиданно потекли из-за пирамидальной груды мелких камней, расположенной метрах в десяти в стороне от Робина. Все вокруг быстро затянула молочная дымка, так что мальчик с трудом мог разглядеть контур вертолета, зависшего прямо над ним на месте. Потоки воздуха, вызванные работой винта, так взбаламутили туман, что Робин вскоре уже не видел даже своих рук. Прошла одна томительная минута, другая — и гул вертолета, словно бы нехотя, стал удаляться в сторону гор.

Лишь через полчаса молочное месиво, заполнившее все вокруг, стало понемногу рассеиваться. Только тогда пут-

ники не без труда нашли друг друга в лабиринтах валунов. Гэндальф, не говоря ни слова, повел товарищей вверх по крутому склону сквозь редкий колючий кустарник. Еще через полчаса они вышли на вершину плоской, как стол, скалы, нависающей над бурлящим горным потоком.

Робин не знал, куда прятать глаза от стыда. Если бы Гэндальф не закрыл туманом валуны, их поход закончился бы в самом начале: с вертолета прекрасно разглядели бы и беспечно оставленные им вещи, и его самого. Надо же, всю жизнь он мечтал о настоящих приключениях, готовил себя к суровым испытаниям — и в течение одного-единственного дня совершил уже две непростительные ошибки!

— Пожалуй, к перевалу нам сегодня нет смысла идти,— сказал Гэндальф, искоса сочувственно поглядывая на грустное лицо мальчика.— Как ты считаешь, Сэмбо, что делать?

Хоббит хмыкнул.

— Еще не было горы, под которой где-нибудь не нашелся бы подземный ход,— рассудительно произнес он, усаживаясь на свой доверху нагруженный рюкзак.— А в каждый подземный ход ведет какая-нибудь норка... Что я, по-вашему, норку найти не смогу?

— Ты прав,— улыбнувшись, ответил Гэндальф.— Как только ты сказал: «подземный ход», я сразу начал что-то смутно вспоминать... А ну-ка, Сэмбо, малыш, поищи за той рощицей — видишь, сколько на каменном склоне пещер?

— Еще бы не видеть! — Хоббит с неодобрением посмотрел в сторону, указанную стариком.— Только учти — я не гном и разбираюсь лучше в земляных норках, чем в горных пещерах... Ну да ладно, пойду посмотрю...

Пока Сэмбо неторопливо осматривал пещеры, ныряя то в один, то в другой темный ход, Робин тихо спросил, чтобы рассеять давившее на него молчание:

— Скажите, Гэндальф, а как вы проделали эту штуку с туманом? Я понимаю: маг и не такое должен уметь... Но ведь вы же не настоящий Гэндальф!

Старик усмехнулся и с иронией взглянул на мальчика:

— Откуда ты знаешь, что я не волшебник? Ну хорошо, этот фокус я тебе покажу — но, чур, больше никогда подобных вопросов не задавать. А теперь смотри внимательно!

Он поднял руку, и пораженный Робин увидел, как из широкого рукава плаща прыснула тонкой струей какая-то резко пахнущая аэрозоль. И сразу чистый воздух вокруг замутился, заметно посвежел и стал густеть, наливаясь молочным туманом.

— Вот и все, и никакого волшебства,— коротко сказал Гэндальф, пряча руку в карман плаща.— Ты забыл, мальчик, что мое тело устроено совсем иначе, чем твое... Жизнедеятельность моего организма поддерживается за счет компактных атомных батарей, и поэтому внутри тела есть немало свободного места. Вот там-то конструкторы и расположили массу хитроумных устройств. Баллон с конденсирующей влагу аэрозолью далеко не самое эффективное из них! Признаюсь, о своих возможностях я не многое знаю — иначе для меня, как я уже говорил, разрушился бы весь смысл Игры. Конечно, я не всесильный маг и чародей, но кое-что могу... Смотри, кажется, Сэмбо что-то нашел!

Через несколько минут Робин, согнувшись в три погребели, почти на коленях вползал в узкий темный лаз, ведущий в глубину каменного склона. Почему хоббит выбрал именно этот ход, для него оставалось загадкой — ведь рядом располагалось несколько куда более солидных пещер! Если туннель под горой действительно существовал, то к нему должен был вести вовсе не каменный мешок, больше напоминавший звериную нору...

От спертого воздуха у него вскоре начала кружиться голова, на руках появились многочисленные ссадины от соприкосновения с острыми как бритва каменными выступами. Но больше всего мальчика угнетала непроглядная темнота, царящая вокруг, и мысль, что над ним нависает тысячетонная толща гранита. Казалось, стоило неосторожным движением нарушить шаткое равновесие горных пород — и безжалостный камнепад в несколько мгновений погребет маленький отряд...

Но хоббит, видимо, прекрасно ориентировался в кромешной тьме. Вскоре стены пещеры стали плавно подниматься, воздух чуть посвежел, и наконец Робин смог вновь выпрямиться во весь рост. Повинуясь тихому возгласу Гэндальфа, шедшего впереди, мальчик со вздохом облегчения остановился, помассировал онемевшую спину... и вдруг понял, что находится в огромном подземном зале. Впереди вспыхнул свет — маг поднял свой посох, который засветился ярким голубым светом.

— Здесь начинается туннель! — раздался твердый голос Гэндальфа. — Я вспоминаю этот зал — некогда здесь был дворец Окрина, царя южных гномов... Отсюда до выхода в долину всего пять часов ходьбы, но нужно быть осторожным. Гномы в свое время тщательно подготовили туннель на случай, если сюда нагрянут непрошенные гости... Сэмбо, дальше я пойду впереди — ведь ты не хочешь провалиться в какой-нибудь бездонный колодец?

Хоббит невольно затрясся, представив себе, как он летит в пропасть вниз головой, и мигом встал за спину мага. Больше всего на свете ему хотелось вернуться назад. В конце концов, на последней стоянке среди валунов было совсем неплохо... Окружающая темнота не пугала его — ведь хоббиты большую часть жизни проводят в своих теплых и уютных норках, но огромная пещера, полная таинственных древних запахов и неизведанных опасностей, угнетала его.

Робин тоже подавляло подземелье, и он время от времени как бы невзначай касался рукой прохладного древка лука, висящего у него на груди. Вооруженным он чувствовал себя куда увереннее — хотя как здесь стрелять, в такой темноте?

Чтобы хоть немного рассеять неприятное ощущение беспомощности, Робин нарочито бодрым голосом спросил:

— О каком царе гномов вы говорите, Гэндальф? Разве вы забыли, что эти горы созданы специальными машинами всего несколько лет назад?

Гэндальф обернулся, и на его бледном лице мальчик разглядел странную усмешку.

— Боюсь разочаровать тебя, Робин, но этой пещере много тысяч лет... А теперь следуйте за мной — и не вздумайте отстать от меня больше чем на пять шагов!

Маг поднял над собой посох — и сноп голубого света, словно луч мощного фонаря, осветил противоположную стену пещеры. Мальчик увидел пять одинаковых овальных темных пятен — это были, по-видимому, коридоры, ведущие в туннель. А над ними... Нет, этого не может быть!

В дрожащем луче света на неровной поверхности стены стали выступать золотистые контуры каких-то знаков. Все отчетливее, отчетливее — и наконец даже у Робина пропали последние сомнения: это были высеченные на камне слова!

— Дельрийские письма, — еле слышно пробормотал

Гэндальф, скользая взглядом по золотистым буквам.— Когда-то я знал этот давно омертвевший язык... Кажется, так: «Вернись назад, случайный путник, ибо тебя ожидает больше, чем смерть!»

— Больше, чем смерть? — охнул хоббит, невольно присаживаясь на корточки от испуга.— Как это — больше, чем смерть?

— «Но тому, кто отважно идет к цели — желаю отдачи и удачи!» — продолжал Гэндальф.— Ну что ж, похоже, что тот, кто сделал в древности эту надпись, знал, о чем говорил. Сегодня удача нам понадобится как никогда!.. Сэмбо, как ты считаешь: какой из этих пяти коридоров ведет в туннель?

— Откуда мне знать? — дрожащим голосом ответил маленький человечек.— Здесь слишком глубоко и страшно... Я совсем потерял свое чутье. А запахи — ты чувствуешь, Гэндальф, какие здесь странные запахи?

Маг шумно вдохнул несколько раз, широко раздувая ноздри, а затем сокрушенно покачал головой:

— Увы, моя обонятельная система вышла из строя — я почему-то ощущаю запах только свежих апельсинов... До чего же плохо быть киборгом! Что ж, Сэмбо, если ты сдаешься, то позволь мне решать самому.

Подойдя к веренице входов, Гэндальф повернул посох другим концом и медленно повел им слева направо. У четырех коридоров посох лишь слегка засветился голубоватым светом, и лишь у крайнего, пятого, на мгновение ослепительно вспыхнул и тут же погас.

— Все ясно: там, далеко впереди, враги,— спокойно сказал старик, опуская посох.— Выходит, наш путь ведет именно в этот коридор. Робин, мальчик, сними-ка на всякий случай лук с плеча...

— А как же я? — возмущенно спросил перепуганный Сэмбо.— Ты забыл, что я-то совершенно безоружен?

Маг покачал головой и, пройдя несколько шагов в сторону, остановился у груды плоских камней, сложенных на небольшом возвышении в виде маленькой пирамиды.

— Под такими наспех сделанными обелисками в древности хоронили славных воинов,— задумчиво сказал он.— И хоронили вместе с боевым оружием... Думаю, дух витязя не будет оскорблен, если его меч вновь послужит доброму делу.

Гэндальф вместе с Робинем осторожно сняли несколько

камней. В голубом свете посоха путники увидели узкую нишу и в ней — почти полностью истлевшие человеческие кости. Чуть в стороне от них лежал небольшой меч, завернутый в серую тряпку.

Маг достал из ниши древнее оружие, провел рукой по его ледяному клинку и тихо прочел:

— «Аландил»... Мастер, выковавший этот меч, так называл свое детище. Ну что ж, Сэмбо, Аландил теперь в твоих руках!

Хоббит, затрясшись при виде грозного оружия, хотел было отказаться — ведь он никогда не держал в руках ничего опаснее обеденного ножа. Но вместо этого, сам не ожидая от себя такой смелости, он протянул руки вперед. Ледяной холод пронзил его при соприкосновении со сверкающим клинком. Превозмогая страх, Сэмбо произнес:

— Я не опозорю тебя, древний меч. Да здравствует Аландил!

Гэндальф и Робин тем временем осторожно вновь сложили надгробную пирамиду над безымянным воином, постояли над ней в грустном молчании, а затем быстрым шагом направились в сторону туннеля.

ГЛАВА 6

Саманта очнулась от резкой боли в правой руке. С трудом разлепив глаза, залитые жидкой грязью, она медленно перевернулась на левый бок. Осторожно, стараясь не тревожить сильно ушибленную руку, девочка приподнялась на корточки, опираясь здоровой рукой о стену, покрытую толстым слоем копоти. Факел, оставленный стражником, еще горел, издавая горький, неприятный запах — и Саманта смогла наконец осмотреться.

Она сразу увидела железную решетку, заменяющую в ее камере дверь. Многочисленные остро заточенные шипы, выступающие из мощных прутьев, наводили на мысль, что темница, скорее всего, была предназначена для диких зверей или «уродцев». Хотя кто знает...

Узкий коридор за темными квадратами решетки был пуст, только где-то вдалеке слышались гремящие шаги охранника, что-то невнятное горланящего на незнакомом языке. А из темницы напротив на Саманту смотрели десятки горящих глаз.

Стараясь не обращать внимания на эти злые зеленые

огоньки, девочка уселась поудобнее на груди прелой соломы и пощупала распухшую кисть правой руки.

К счастью, перелома не было — видимо, спускаясь в когтях летающего ящера в каменный колодец у подножия огромного многобашенного замка, она просто ударилась об острый выступ в стене. Хоть в этом ей повезло... Ну, не стоит хныкать. Надо побыстрее снять боль и обдумать свои дальнейшие действия.

Саманта почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Легко сказать — действия! Сидя в темном мешке за стальной решеткой, не очень-то разгуляешься. Но другого выхода у нее нет! Друзья остались по другую сторону горного хребта, и неизвестно, смогут ли они прийти ей на помощь...

Она вздрогнула, вспомнив свой страшный перелет над перевалом, закрытым толстым слоем дымящегося тумана. Какие жуткие там кручи и обрывы! А пройти по ледяному панцирю, свисающему по обе стороны гребня, словно седло, — это, наверное, и самому Гэндальфу не удастся. Конечно, среди гор можно найти и другие перевалы, но на это потребуется немало времени. «Нет, на помощь извне рассчитывать нельзя, — сказала она себе горько. — Все нужно делать самой...»

Стараясь не думать о боли, Саманта стала плавно массировать ушибленную кисть, убеждая себя, что рука с каждой секундой заживает, заживает, заживает...

Минут через десять боль окончательно ушла, уступив место мягкому пульсирующему теплу. Обтерев со лба крупные капли пота, девочка наконец вздохнула спокойно — к счастью, перелома у нее не было.

Больше всего сейчас ее беспокоил вопрос: кто они, хозяева замка? Стражники, которых она успела хорошо разглядеть, напоминали людей, но грубые, карикатурные черты лица делали их похожими скорее на горилл. Быть может, это «уродцы», которых создали на других Станциях? Но замок-то выглядит так, будто бы его построили по крайней мере триста лет назад... Древнее строение — на новой, «с иголочки» Территории? Правда, замок мог предназначаться как гостиница для участников Игры... Но зачем тогда здесь, в подвале, разместили целый зоопарк со странными, а порой и страшными зверями?

Тоскливый многоголосый вой прервал ее размышления — в камере, на противоположной стороне коридора,

забурлила масса зеленоглазых тварей, немного напоминающих волков. Они обрушивались на решетку с такой яростью, словно намеревались вырваться на волю. Саманта догадалась, что разожгло их аппетит, и задрожала. В страхе она забилась в дальний угол темницы и зажмурилась.

— Стоит ли так беспокоиться из-за каких-то волколаков, милая девочка? — внезапно рядом прозвучал чей-то сочный мужской баритон. — Эй, стража, что стоите, олухи, успокойте зверье!

Щелкнул замок, запиравший решетку, и дверь в темницу с протяжным скрипом открылась. Внутрь, чуть согнувшись, боком вошел темноволосый, пышно разодетый мужчина лет сорока. Его костюм напоминал средневековую одежду. Бархатная черная куртка с необычными рукавами в виде крыльев была туго схвачена на бедрах серебряным широким поясом. Стройные ноги плотно облегали штаны-чулки, высокие кожаные сапоги позвякивали шпорами.левой рукой он небрежно опирался на эфес шпаги. За мужчиной, теснясь, робко вошли двое стражников с коптящими смолистыми факелами в вытянутых руках.

Мужчина с отвращением отшвырнул ногой с дороги грязную дерюгу, которая должна была заменять одеяло, подошел к пленнице и бесцеремонно оглядел ее с головы до ног. Его красивое, чуть тяжеловатое лицо с крупными правильными чертами выражало брезгливое удивление.

— Забавного зверька принес сегодня с охоты мой крол! — В его голосе звучала насмешка. Вырвав у одного из охранников чадящий факел, он поднес его к лицу Саманты так близко, что девочка невольно прижалась к сырой каменной стене. — Ваше имя, красотка? Откуда занесло вас в мои края? Впрочем, темница с дикими зверями — не лучшее место для душевной беседы с прелестной гостьей... Барон Тор Элмар к вашим услугам — прошу следовать за мной!

Саманта с трудом поднялась на ноги и только тогда заметила, что ее брюки и куртка в некоторых местах превратились в жалкие клочья: летающий ящер не очень-то церемонился со своей живой ношей! Ну да что теперь поделаешь... Смушенно опустив голову, девочка последовала на негнувшихся ногах за хозяином замка, который, не глядя на пленницу, уверенно пошел по коридору направо.

Этот долгий путь по еле освещенному дымящимися факелами коридору долго потом вспоминался Саманте. Перед ее глазами мелькали десятки темных камер, в которых выли, орали, стонали от боли, бесились от ярости сотни фантастического вида существ. При появлении людей они то и дело испытывали на прочность стальные решетки. Наконец коридор кончился узкой винтообразной лестницей, и пленница вздохнула спокойнее.

Минут через пятнадцать после блужданий по темным коридорам и лестницам старого замка Саманта очутилась в небольшой комнате, ярко освещенной десятками свечей и убранной с чисто восточной роскошью. Стены украшали цветистые ковры и изящные шкафчики с хрустальными стеклами, за которыми поблескивали чашки самых разнообразных форм и стилей — похоже, барон Элмар был знатоком древнего фарфора. На паркете, набранном из кусочков драгоценных пород дерева, с поразительным искусством была изображена сцена охоты аристократически разодетых всадников на крылатого дракона среди скалистых уступов гор. Внимание Саманты привлек инкрустированный столик, на котором стояла широкая ваза, доверху наполненная фруктами. Голод давал о себе знать, и девочка, не сдержавшись, взяла овальный плод, похожий на бархатистый персик, и быстро съела его, затем другой, третий... Насытившись, она вспомнила о странном хозяине замка, но его в комнате не оказалось. Приоткрыв дверь, задрапированную пышной шелковой портьерой с вытканной на ней птицей феникс, девочка увидела угрюмого охранника с мечом в руке. Саманте хватило одного его ледяного взгляда, чтобы понять: она крепко заперта в клетке. Золотой на вид, но все же клетке...

За окнами с тяжелыми решетками («Опять решетки!» — с тоской подумала она) только начало смеркаться, но Саманту вдруг неодолимо потянуло ко сну. Видимо, сказались нервные переживания последних двух дней, так неожиданно начавшиеся после встречи в библиотеке с Сэмбо... Как там Робин, хоббит и Гэндальф? Догадались ли они о причине ее внезапного исчезновения или до сих пор бродят у подножия Туманных гор, ищут ее несуществующие следы? Ах, как нескладно все получилось...

Саманта проснулась от протяжного скрипа, заполнившего комнату. С трудом разлепив отяжелевшие веки, она огромным усилием воли заставила себя поднять голову и

увидела, что лежит на мягком длинноворсовом ковре. За узким стрельчатым окном синела непроглядная ночь, кое-где проколотая колеблющимися огоньками звезд. Но что это — звезды, чуть покачиваясь, заметно перемещались по небу!

Не веря своим глазам, девочка приподнялась и, опираясь руками о стену (голова ее раскалывалась от какой-то сонной одури), дошла до подоконника. Прижавшись лбом к холодному стеклу, Саманта снова сосредоточила всю свою волю и заставила головную боль чуть отступить. Взглянув в окно, она едва не вскрикнула от ужаса.

Далеко внизу ощутимо плыл холмистый пейзаж, мягко посеребренный светом неполной луны. Впечатление было точно такое же, как при ночном полете на аэробусе. Но ведь замок не может летать! Не может?..

Смутная догадка пронзила ее. Ведь древние средневековые замки не летали! Кто же тогда барон Тор Элмар? Один из участников Игры вроде Гэндальфа, или... В этом нужно разобраться, и хорошо бы сейчас, ночью, пока в замке все спят. Кто знает, что ждет ее утром! Не случайно же голова ее так жутко, до тошноты продолжает болеть — видимо, фрукты со странным вкусом ей на ужин подложили не случайно...

Саманта очнулась от сильной боли в руке. Приступ сна застал ее врасплох тут же у окна, и она, упав, ударилась уже ушибленным местом. Невольные слезы выступили на ее глазах, и вместе с тем она обрадовалась — не будь этой раны, вряд ли бы она пришла в себя до самого утра. Хозяин замка явно не был настроен с ней шутить! Так или иначе, ей надо думать, как выбраться из «золотой» клетки.

Как и ожидала девочка, стражник за дверью не спал — биороботу, естественно, отдых не требовался. Уловив легкий шум, он высунул из-за портьеры свое тупое носорожье лицо и, раздувая широкие ноздри, стал осматривать полутемную комнату маленькими заплывшими глазками. Этого Саманта и ждала. Она неплохо помнила устройство орка и сразу приняла единственно возможное решение. Вспомнив уроки Робина, девочка выбросила вперед плотно сжатую ладонь левой руки, стараясь попасть «уродцу» в висок, где располагался блок координации движений. Орк, не ожидавший нападения, не успел среагировать и зашатался, растерянно мигая.

Саманта мгновенно подскочила к ошеломленному

«уродцу», расстегнула здоровой рукой на его груди грубую кожаную куртку и с трудом нащупала в темноте пластмассовый круглый лючок. Отжав непослушными пальцами крошечную защелку, она откинула крышку в сторону и решительно запустила руку внутрь. Орк уже пришел в себя и, урча от ярости, обхватил девочку мощными пальцами за шею. Задыхаясь и едва не теряя сознание от боли, она из последних сил рванула руку, вытаскивая из гнезда атомную батарейку...

Отдышавшись, Саманта не без страха посмотрела на замершего орка — гримаса бешенства исказила его примитивное лицо. Она уже было решила выйти в коридор, как ее остановила внезапная мысль.

Нет, одной ей далеко не уйти. Замок наверняка полон недремлющих слуг-«уродцев»! И потом, она ведь не знала, что искать. Может быть, для начала надо найти устройство, приводящее в движение огромный замок? А потом можно и поговорить с хозяином по видео, держа руку на рычаге управления двигателем. Может, тогда многое прояснится... Но прежде всего важно найти себе верного помощника.

Систему управления орка Саманта помнила очень смутно: ее, как и всех практикантов, не допускали дальше сервомускул «уродцев». Но однажды она видела, как кто-то из кибернетиков, недовольный неуклюжестью и строптивостью одного из троллей, прямо на улице снял с его тела контрольный лючок и быстро набрал на крошечном пульте какую-то программу. Тролль сразу же стал тихим, как ягненок, и под смехи прохожих послушно поплелся в сторону Операторной. Ну конечно, вот же он, точно такой же лючок и у орка! Ого, сколько здесь кнопок... Но какую команду набрал две недели назад инженер?..

Саманта закрыла глаза и попыталась, сосредоточившись, вспомнить быстрые движения тонких пальцев кибернетика — она же видела тогда все от начала до конца! А раз видела, то должна вспомнить, должна...

Прошло не менее часа мучительных мысленных проб и ошибок, прежде чем взмокнувшая от напряжения девочка дрожащими пальцами набрала на пульте нужную программу. Теперь уверенность не покидала ее — она вспомнила! Не зря же в детстве, по инициативе бабушки Ангелины, она изводила себя бесконечными упражнениями по тренировке памяти и запоминала сотни рисунков, текстов, колонок

цифр. В который уже раз это умение пригодилось ей.

Орк вздрогнул, но остался в прежней позе. Неужели она все-таки ошиблась? Саманта растерянно посмотрела на пульт, но тут «уродец» наконец ожил и преданными крошечными глазами взглянул на свою новую хозяйку.

— Проведи меня на нижний этаж,— жестко произнесла Саманта, с трудом сдерживая победные нотки в голосе.— Ты знаешь, где находится двигатель, управляющий полетом замка?

Волнение еще не покинуло ее окончательно — в конце концов, орк мог оказаться простым охранником, не посвященным в тайны замка. Впрочем, хозяин вряд ли мог поручить пленницу первому попавшемуся «уродцу»... И действительно, немного помедлив, орк бесстрастно произнес: — Слушаюсь. Следуй за мной.

И вновь долгая ходьба по длинным полутемным коридорам и крутым витым лестницам с низкими поручнями. Только сейчас перед ней покачивалась мощная спина орка, держащего в одной руке чадающий факел, а в другой — короткий кривой меч. Несколько раз откуда-то из скрытых в стенах ниш им наперерез выскальзывали могучие тени, преграждая дорогу, но тут же вновь исчезали, подобострастно согнув спины. Видимо, Саманта не ошиблась — сопровождающий ее орк был важной птицей.

Минут через пятнадцать орк наконец остановился — к огромному облегчению девочки, у которой от утомления стала кружиться голова, а в глазах замелькала рябь мелких искорок. Прислонившись к стене, она некоторое время приходила в себя, борясь с дрожью в коленях.

— Ну, что ты остановился? — еле слышно проговорила она, с трудом переводя неровное дыхание.

— Дальше вход запрещен,— бесстрастно ответил охранник.

Действительно, проход упирался в массивную дверь, отлитую из темного чешуйчатого металла. Однако Саманта, вместо того чтобы расстроиться, неожиданно обрадовалась: дверь оказалась по виду современной! Никакой подделки под старину! И вместо древних стальных засовов — обыкновенный шифрозамок...

Девочка с трудом сдержала закипевшие слезы радости. До этой минуты в глубине ее души еще таилось сомнение, но теперь было ясно, что делать. Вряд ли за такими дверями были винные погреба...

Однако предстояло еще набрать нужный шифр
— Открой дверь! — резко потребовала Саманта.

Орк растерянно развел руками, подобострастно глядя на новую хозяйку маленькими, блестящими в свете факела глазками.

На двери выделялись двенадцать белых кнопок. Саманта внимательно изучила каждую из них, приказав орку как следует осветить дверь пылающим факелом. Нет, на кнопках не видно никаких следов... Перебирать же все возможные комбинации — на это и месяца не хватит...

Отчаяние охватило девочку. Дойти до цели — и остановиться от нее в двух шагах! Кто знает, быть может, секрет Проекта скрыт здесь, за этой мощной металлической дверью...

«Спокойно, — сказала она себе. — Сосредоточься и подумай! Надо что-то придумать, надо!»

— Ты сможешь открыть эту дверь силой? — спросила она орка, с надеждой поглядывая на его мускулистые руки.

Вместо ответа охранник вставил факел в гнездо, торчащее из стены, разогнался и изо всех сил врезался в преграду. От сильного удара по коридору пронесся раскатистый гулкий грохот, но дверь даже не шелохнулась.

— Хватит, — устало сказала Саманта. — Посвети лучше мне еще раз.

Какая-то смутная мысль проскользнула в ее утомленном мозгу и тут же исчезла. Нет, чепуха, эту преграду не одолеешь ни силой, ни хитростью. Как глупо...

— Послушай, — неожиданно для самой себя спросила Саманта, — ты много раз сопровождал прежнего хозяина к этой двери?

— Я всегда и везде сопровождал хозяина, — важно произнес орк.

— Ты помнишь, что он делал, когда открывал замок?

— Конечно! Он чертыхался. Барон Элмар очень рассеян и всегда путает шифры. Ведь в нашем дворце более пятисот дверей.

— Как же барон Элмар выходил из положения? Может, он носил с собой записную книжку?

— Книжка ему не нужна. Я — его личный секретарь.

У Саманты сильно забилося сердце. Дрожащим голосом она спросила:

— Значит, ты знаешь шифр?

— Я помню все шифры.

Саманта с облегчением рассмеялась:

— Ну и дубина ты, мой верный страж! Что же ты морочил мне голову, когда я просила тебя помочь?

Орк назидательно сказал:

— Ты просила меня *открыть* дверь. Но никто из слуг, даже я, не имеет права прикасаться к шифрозамкам.

— И все же выполнил мой приказ и старался выломать створки?

— Я старался? Ничего подобного. Я подчинялся тебе. Выломать стальные петли мне не под силу. Тебе надо было попросить меня назвать шифр...

— Ладно, ладно.— Саманта смутилась и рассердилась на себя из-за своей несообразительности.— До чего же вы, роботы, логичны и хладнокровны — мы, люди, совсем другие... Итак, назови мне шифр от этой двери!

Когда дверь автоматически распахнулась, Саманта взяла из рук орка чадающий факел и суровым голосом приказала:

— Оставайся здесь, в коридоре, и никого не пускай в комнату! Никого, ты понял? Даже если это будет твой бывший хозяин...

Охранник понимающе кивнул и, широко расставив ноги, встал спиной к двери, держа меч в вытянутой руке.

Было страшно переступить порог и войти в темный квадрат распахнутой двери. Кто знает, что ждет ее там, впереди? «Прежде всего найду выключатель,— уговаривала себя Саманта,— и сразу же включу свет. Прежде всего — свет...»

Но свет вспыхнул, как только она переступила высокий порог,— видимо, сработала встроенная в дверь автоматика. Девочка невольно зажмурилась от блеска сотен ламп, загоревшихся под потолком, а когда, набравшись духу, вновь открыла глаза, то изумленно захлопала ресницами.

Она находилась в необъятном зале. Вместо стен вокруг возвышались металлические стойки с пультами и мерцающими экранами. Множество печатающих устройств то и дело с шумом выбрасывали из себя широкие бумажные ленты с плотными колонками цифр. Кое-где сверкали и хорошо знакомые Саманте блоки памяти, похожие по форме на огромные кристаллы горного хрусталя. Но такую огромную ЭВМ она еще ни разу не видела — «Мамаша», установленная на Станции, казалась просто крошкой по

сравнению с этим электронным монстром. Но больше всего девочку поразило не это...

Внизу, у подножия крутой лестницы, на которой она стояла, огромным ковром расстилалась Территория.

Миниатюрная круговая цепь заснеженных горных хребтов опоясывала равнины с изгибами голубых рек. Среди лесных массивов, окутанных туманной дымкой, поднимались гряды округлых холмов и серые скалистые пики. На берегах рек находились десятки поселков и несколько городов-крепостей, отгороженных мощными каменными стенами. Множество крошечных фигурок собирали урожай на золотистых полях...

Поначалу Саманта решила, что все, что она видит,— не более чем объемная видеокарта Территории, которую легко можно было получить со стационарных спутников. И, только спустившись с лестницы, сделав несколько шагов по зеленому бархатистому ковру и коснувшись рукой вершины одной из гор, она поняла, что это макет! Гигантский макет, на котором отражается все происходящее на Территории или моделируется то, что на ней должно происходить... Вот где разгадка всех тайн!

Потрясенная увиденным, девочка пошла по ковровой дорожке вдоль кольцевого хребта, не отрывая горящего взгляда от необычайного зрелища. Прежде всего надо было сориентироваться. Интересно, сможет ли она найти ту часть горной цепи, где вчера днем рассталась со своими друзьями?..

Саманта обошла по периметру почти половину зала, пока не узнала место, где Внешний Тракт почти вплотную подходил к Территории. Ну конечно, вот то самое зелено-бурое болото, где ее в кустах подстерег летающий ящер! Знакомая роща, цепь небольших холмов... Увы, никаких следов друзей она не обнаружила — то ли они еще не вошли в Игру и их «модели» не появились на огромном макете, то ли они скрывались где-нибудь в многочисленных складках горного хребта или в одной из пещер. А может, они тоже в плену?..

Погрустнев, девочка пошла дальше вдоль Тракта. Через несколько метров дорога резко свернула в сторону хребта. Здесь, среди узкого проема между двух уступчатых гор, между мощными стенами сторожевых башен стояли черные ворота. Сотни крошечных орков копошились у подъемного моста, подвешенного на железных

цепях над пропастью с бурлящим пенистым потоком. Как она и ожидала, орки не обратили на нее никакого внимания — видимо, они просто не воспринимали того, что находилось за пределами макета Территории.

Только сейчас девочка обратила внимание, что почти треть Территории затянута глубокой мглой. Лишь один яркий огонек красновато просвечивался сквозь серую дымку. Да это же вулкан! Если создатели Проекта взяли за основу карту Средиземья из сказочной эпопеи Толкина, то за завесой мглы должна простираться страна Черного Властелина. Там, на высокой скале, по соседству с огнедышащей вершиной Ородруина, находится замок Черного Властелина. Жаль, сквозь мглу ничего не видно... А что, если перелезть через горный хребет?

И тут Саманта заметила, что вдалеке, почти на границе мглы и света, появился отряд из сотен крошечных воинов. Возглавляли его три витязя, закованные в латы и гордо восседающие на могучих конях с развевающимися гривами. За ними неспешно двигались стройными рядами вооруженные всадники, сверкая в лучах ламп остроконечными шлемами-маковками. Над войском, исступленно размахивая метлами, то и дело проносились какие-то странные существа, напоминающие ведьм. Арьергард отряда составляли сотни совсем уж фантастических уродцев, с ног до головы обросших мхом и очень похожих на лесные пни и коряги.

Когда первый приступ удивления прошел, девочка поняла, что где-то уже видела и трех витязей, и лесных человечков, размахивающих сучковатыми дубинками. Но где же, где?..

И когда она вспомнила, негромкий насмешливый голос произнес за ее спиной:

— Не правда ли, дорогая леди, Территория — это увлекательнейшее зрелище? Впрочем, что это я так официально к вам обращаюсь, мы же с вами старые знакомые...

Охнув, Саманта обернулась и увидела в метре от себя зло прищуренные темные глаза хозяина замка, стоявшего в окружении двух свирепых орков. Криво усмехнувшись, барон Элмар сказал:

— Ну, а теперь настала пора поговорить с тобой начистоту, Эмми.

Несколько часов блуждали путники в крошечной тьме узких туннелей, высеченных некогда трудолюбивыми гномами в основании Туманных гор. Гэндальф, шедший впереди с высоко поднятым посохом, освещал путь. Время от времени он оглядывался: не отстали ли от него маленький хоббит, крепко сжимавший в руке резную рукоятку Аландила, и худощавый Робин, с луком наготове и вложенной в тетиву стрелой? На сердце мага было тревожно — только сейчас он понял, как неосторожно пустился в опасное путешествие, потянув за собой спутников. Если бы он был полностью уверен в своих силах... Увы, Нейла Эмингс далеко не закончила курс программирования его «второго мозга», а ведь впереди предстоял еще отладочный цикл с многочисленными испытаниями и проверками. И вот теперь выяснилось, что великий маг Гэндальф плохо ориентируется в лабиринте туннелей и коридоров! Почти у каждой развилки ему требовалось несколько минут, чтобы в результате тяжелых размышлений и сомнений выбрать дальнейший путь. И он не был уверен, что этот путь правилен. Да и в темноте, как оказалось, он видел куда хуже хоббита... И все же надо идти вперед, и только вперед!

Гэндальф мысленно еще раз вернулся к случаю с вертолетом. До чего же быстро за ними послали погоню со Станции! Впрочем, нет, вертолет был с опознавательными оранжевыми полосами Центра. Значит, Пекарь? Чушь, биохимик человек порядочный — он не мог донести на ребят... Быть может, администрация Центра сама хватилась двух практикантов и, не найдя, подняла тревогу? Хотя, пожалуй, в Центре хватает и других забот... Да и Патрик наверняка придумал вполне правдоподобное объяснение, до завтрашнего утра он без труда мог кружить начальству голову. Но вертолет-то прилетел куда раньше, и он явно искал беженцев со Станции! Значит, за границей Территории кто-то внимательно следит... Но кто?

После очередной развилки туннель начал неожиданно подниматься. Чуть посвежелело, словно дунул легкий ветерок, и хоббит с Робинсом заметно приободрились. Они были уверены, что Гэндальф не даст им заблудиться в недрах гор. Не пройдет и часа, как они выйдут в долину и увидят небо над головой! побыстрее бы, побыстрее...

— Стойте! — крикнул Гэндальф.

Его спутники замерли, тревожно оглядываясь по сторонам. В колеблющемся голубом свете посоха они увидели, что находятся в небольшом зале, заваленном по углам грудами битого камня. Посреди комнаты возвышалась пирамида каких-то серых камней... Камней?

— Ого, сколько здесь народу перебито,— облизав пересохшие губы, прошептал Сэмбо и крепко сжал рукоять меча.— Костей-то, костей...

— Может, пойдем дальше? — нервно проговорил Робин.— Мало ли в этих местах было в свое время битв — что же, нам бояться теперь каждой тени?

Вместо ответа Гэндальф протянул посох вперед. Голубой свет на секунду ярко вспыхнул, и мальчик увидел, что выход из зала был забран мощной металлической решеткой, покрытой толстым слоем ржавчины.

— Нет, так просто отсюда не уйдешь,— задумчиво пробормотал маг.— Здесь, под толщей гор, еще не проходил ни один человек... Смотрите!

Только сейчас Робин заметил, как засветился клинок меча маленького хоббита.

— Враги рядом, и скоро нам понадобится все наше мужество,— хладнокровно сказал Гэндальф.— Робин, возьми на себя оборону выхода из туннеля — за нами явно кто-то крадется. Сэмбо! Ты слышишь меня, малыш?

— Слышу,— с трудом выговорил хоббит, испуганно оглядываясь по сторонам. Ему все время казалось, что чьи-то недобрые глаза следят за ним. Но чьи и откуда?

— Если слышишь, то встань у решетки. Кто знает, надежно ли она закрыта? Хотя, честно говоря, меня куда больше беспокоит потолок, которого нет!

Маг высоко поднял посох — и только тогда его спутники с удивлением увидели, что находятся на дне высокого цилиндрического колодца, уходящего высоко вверх.

— Враги! — завопил Сэмбо, подскакивая к решетке.— Гэндальф, это тролли!

Тишина, царившая в каменном колодце, внезапно сменилась громким топотом множества ног, воинственными криками и лязгом оружия. Сэмбо расширенными от возбуждения глазами смотрел, как из темноты к решетке подобрался большой тролль. Согнувшись в три погибели, «уродец» ударом ноги попытался сбить с нее засов. Решетка взвизгнула, но петли, глубоко вделанные в камень, пока выдержали.

Хоббит обернулся, намереваясь позвать на помощь Робина, и увидел в колеблющемся свете посоха, что тот стоит у другого входа, широко расставив ноги и натянув тетиву до плеча. Внезапно перед ним из тьмы выскочил рослый орк с двумя мечами в руках. За ним появился второй, третий...

— Стреляй! — завопил хоббит. — Что ты медлишь?

— Молчи! — крикнул в ответ Робин. Странное спокойствие пришло на смену его недавнего страха и возбуждения. Он понимал, как много зависит сейчас от него. Сейчас, вот сейчас...

Мальчик выждал, пока вслед за тремя орками не появилась слоноподобная фигура тролля, и спустил тетиву, метаясь в правый бок — туда, где находился блок питания, прикрытый тонкой металлической крышкой. Это было единственное уязвимое место тролля, которое могла поразить стрела. Но как попасть с пятнадцати шагов, почти в полной мгле, в лючок размером чуть больше ладони?

Стрела, взвизгнув, со звоном ударила тролля в бок. Тот завопил, выпустил из рук огромную дубину и неуклюже заворочался, пытаясь вырвать толстыми пальцами древко стрелы, застрявшее в крышке лючка. Но было поздно: блок батарей разбился вдребезги, и через несколько секунд «уродец» замер, законопатив своим массивным телом вход.

Этого и добивался Робин. Теперь перед ним остались лишь три соперника. Одного из орков он успел уложить стрелой точным выстрелом в шею, но больше стрелять ему не пришлось — два других орка занесли мечи над его головой. С коротким криком Робин отбросил лук в сторону, прыгнул под ноги одному из врагов и одновременно размашистым ударом сапога нанес удар второму орку в грудь. Все трое одновременно рухнули на пол, поднимая тучи горькой залежалой пыли.

В это мгновение пещера осветилась ярким пламенем. Сэмбо, дрожа от возбуждения, уже готовился нанести удар троллю Аландилом, как вдруг услышал тонкий нарастающий свист. Над ним пронесся вихрь — какое-то летающее чудовище упало сверху и обхватило Гэндальфа змеевидными щупальцами с многочисленными шипами. Маг в ответ ударил двумя молниями из широких рукавов плаща. Воздух наполнился резким запахом озона и воплем чудовища, которое в испуге отпрянуло вверх.

— А-а-а! — закричал Сэмбо и, когда тролль повтор-

ным ударом ноги выбил из петель решетку, бесстрашно прыгнул вперед. Колющим ударом меча он поразил сначала левую, а затем правую ногу тролля. «Уродец» попоросячьи взвизгнул и рухнул на землю, слегка задев отважного хоббита пяткой. Сэмбо отлетел на добрых три метра в сторону и, больно ударившись о стену, едва не потерял сознание.

Придя в себя, он увидел, как неподалеку Робин, пританцовывая на месте, отбивает наскоки одного из орков. Лезвие кривого меча так и свистело над головой мальчика, но он каждый раз успевал уворачиваться, нанося по крижистому туловищу противника хлесткие удары ребрами вытянутых рук. С каждым таким ударом орк заметно ослабевал и вскоре стал пятиться назад.

— Робин! — испуганно закричал Сэмбо, увидев, как сзади к его другу подкрадывается второй, только что очнувшийся орк. Но хоббит даже не расслышал собственного голоса: у обоих входов поднялся страшный шум — это орки, галдя, безуспешно пытались отодвинуть в сторону тела мешавших им троллей. Тогда, собрав последние силы, маленький человечек сам бросился наперерез орку и одним взмахом Аландила уложил его на пол. Однако, перед тем как упасть, воин успел нанести хоббиту сильный удар по голове...

Когда красноватая пелена тумана, висевшая перед глазами, наконец рассеялась, Сэмбо увидел, что сидит, прислонившись к стене. Рядом с ним на корточки присел Робин, тревожно глядя на друга. Вокруг висела непривычная тишина.

— Где враги? — еле слышно спросил хоббит, осторожно касаясь пальцами своей макушки — на ней появилась большая припухлая шишка. — Ой, ой, до чего больно!.. Робин, что же ты молчишь — враги ушли, верно?

— Ушли, — мрачно ответил тот, опустив голову. — И не только они...

Сэмбо осмотрелся и заметил тела валявшихся на полу шестерых орков. Ого, видимо, мальчику пришлось изрядно поработать!.. А Гэндальф?.. Где же он?

Мага в помещении не было — только в центре, на груде камней, неярко светился переломленный пополам знакомый посох.

— Гэндальфа унес какой-то летающий зверь, — помолчав, ответил Робин. — Как это произошло, я не видел —

орки заседали уж очень крепко. Помню только три ослепительные вспышки и оглушительный шум крыльев. Кажется, Гэндальф что-то крикнул под конец, но я не слышал.

— Ясно...— вздохнул хоббит.— Надеюсь, он отобьет — все-таки маг! Слушай, у тебя пожевать ничего не найдется? Что-то в желудке пустовато...

Робин, взяв в руки светящиеся обломки посоха, обошел помещение, разбрасывая ногами груды камней. Наконец он нашел брошенные в угол рюкзаки, свой и Сэмбо. Наверное, где-то во тьме лежала объемистая сумка Гэндальфа, которую он носил обычно на плече, но у мальчика не хватило сил и терпения продолжать поиски.

— Что ж, надо идти,— наконец сказал Робин грустно.— Гэндальфу там, наверху, мы помочь не сможем — для этого нужно, чтобы у нас выросли крылья... Ты сможешь дальше найти дорогу сам, Сэмбо?

Хоббит в сомнении пожал плечами:

— Если мы не очень далеко от выхода, то смогу. Откуда-то тянет ветерком, не находишь? Только вот не навоятся ли на нас вновь орки?

Робин покачал головой, прилаживая на плечах несколько полегчавший рюкзак.

— Вряд ли... Сразу же после вспышек молний их словно ураганом сдуло. Похоже, им нужен только Гэндальф, и, когда эта летающая тварь унесла мага, враги сразу же потеряли к нам интерес... Ну, ты готов?

Хоббит не ошибся: до выхода из подземного лабиринта было совсем недалеко. Не прошло и двадцати минут, как путники выбрались через узкий, заросший кустами лаз. Опьяненные свежим, напоенным запахами зелени воздухом, они вышли на склон горы.

Было серое прохладное утро. Белесое солнце висело невысоко над горизонтом, с трудом пробивая холодными косыми лучами толщу тумана. Долина почти полностью скрывалась под завесой мглы, и только где-то вдали был заметен высоко поднятый над землей красноватый факел пламени.

— Что это? — тихо спросил хоббит.

— Похоже, вулкан,— также тихо ответил Робин, ежась от промозглого, насыщенного непривычными тяжелыми запахами воздуха.— Как ты думаешь, откуда эта мгла? Я такое видел только при затмении солнца...

Сэмбо ножал плечами. Темнота, нависающая над долиной, нисколько не пугала его. Ох уж эти громилы, подавай им всегда только яркий солнечный свет...

Скользя по мелким камешкам, как на роликах, друзья начали спуск по краю глубокой расщелины, на дне которой кипел стремительный горный поток. Они ни о чем не разговаривали, но про себя каждый тревожно размышлял об одном и том же: что делать дальше? Гэндальф исчез, и неизвестно, жив ли он вообще. Саманта... Если маг не ошибся, то она находится в подземной темнице какого-то барона. Конечно, серьезная опасность ей не угрожает — Игра не должна приводить к смертельным исходам. Но ведь они начали Игру далеко не по правилам... И скорее всего, с ними тоже вряд ли станут церемониться.

Через полчаса путники вышли на опушку березовой рощи, перемежавшейся пушистыми молоденькими елочками. Золотые грозди осенних листьев, огромные красные мухоморы, поляны, засыпанные белоглазыми ромашками... Редкостная красота, но какая-то холодная, безжизненная, подернутая траурной мглой.

— Странное место, — сказал Робин, упругими шагами шедший впереди. — Никогда не видел такой рощи. Жутковато...

— Может, вернемся в горы? — робко предложил Сэмбо. — Мне здесь как-то не по себе... Уж лучше бродить по пещерам! И Гэндальф там остался...

Робин, поджав губы, упрямо помотал головой:

— Вряд ли мы сможем и за год найти Гэндальфа. Ты забыл, что Саманта нуждается в помощи? Не думаю, что кролл улетает далеко от своего замка... Помнишь, маг сказал, что это животное — всего лишь сторожевой пес? Нет, надо идти вперед!

Они шли долго, а вокруг стояли все те же печальные и стройные березы.

«Странно, — подумал Робин, нахмурясь, — издали роща казалась совсем небольшой. И все же мы ухитрились заблудиться...»

Через час путники вошли в заросли высокого, почти в рост человека, папоротника. Деревья стали иными — старыми, кряжистыми, густо заросшими почти до самых макушек серебристым лишайником. То и дело под ногами попадались истлевшие стволы. Нередко друзьям приходилось

перепрыгивать через широкие лужи, покрытые зернистым слоем ряски.

— Смотри! — прошептал хоббит, схватившись за рукав Робина.

Путники остановились и, спрятавшись на всякий случай за чахлой елью, во все глаза смотрели на открывшийся перед ними странный пейзаж.

Роща впереди заметно редела, перемежаясь с густыми кустами орешника. А еще дальше, окутанный слоистым белым туманом, к небу высоко поднимался округлый холм, густо обсыпанный матерыми серыми валунами. На самой его вершине, среди трех могучих елей, стоял сруб, сложенный из потемневших от времени и густо заросших мхом бревен. Двускатная крыша сруба была устлана толстым слоем сухих иголок.

— Это еще что такое? — ошеломленно пробормотал Сэмбо. — Я, конечно, не очень разбираюсь в замках — только вряд ли это подходящее место для барона...

— Уж это точно, — шепотом ответил Робин, снимая с плеча лук. — Пойду посмотрю...

— Сиди уж! — прошипел хоббит. — Нашелся разведчик — топает как медведь.

Он сбросил на землю рюкзак, нагнулся и мигом нырнул в заросли папоротника.

Робин, затаив дыхание, минут десять наблюдал за срубом, держа наготове стрелу, вложенную в тетиву. Никаких признаков наличия живых существ, даже птиц, не было заметно. Хоббит же словно сквозь землю провалился — похоже, он из папоротников даже не выходил... Неужели Сэмбо трусил и сидит сейчас где-нибудь на березовом пеньке под раскидистыми опахалами?

Два или три раза мальчику казалось, что невдалеке от него среди деревьев мелькала какая-то приземистая тень. «Быть может, волк?» — озабоченно подумал Робин, но пустить стрелу в сторону нежданного гостя не решился: кто знает, что творится там, на холме? Нервы его были напряжены до предела, и поэтому для него оказалось полной неожиданностью, когда дверь сруба с протяжным скрипом раскрылась и на высоком пороге появилась... фигура Сэмбо!

— Ну как, ловко я провел разведку? — добродушно крикнул хоббит, сидя на верхней ступеньке лестницы и

беззаботно болтая в воздухе ногами. — Ручаюсь, на холме со вчерашнего дня не было ни души!

— А вчера? — устало улыбаясь, сказал Робин, с облегчением усаживаясь рядом. На сердце у него стало немного спокойнее. По крайней мере, не придется ночевать в лесу.

— Вчера? А ты сам погляди. — И хоббит небрежно кивнул в сторону распахнутой двери.

На плотно сбитых старых досках, испещренных глубокими трещинами, мальчик с удивлением обнаружил лист бумаги с корявой надписью:

Учителя на вайну. Вернусь к завтраму ежели жива останусь. Прашу избу не занимать иначе съем. Баба Яга умер 17.

Робин перечитал записку дважды, а потом со вздохом хлопнул себя ладонью по лбу и расхохотался.

— А я-то думаю: где я раньше видел этот холм? И грибы красные мне знакомы, и роща березовая...

Хоббит обиженно поджал губы.

— Может, все-таки перестанешь охотиться на весь лес? Хочешь, чтобы нас эта... как ее, баба с ногой, что ли, услышала?

— Баба Яга, — поправил друга Робин. — Прости, Сэмбо, я совсем забыл, что ты не смотришь видео... Баба Яга — это вроде ведьмы. Ты про ведьм что-нибудь слышал?

— Еще бы! — презрительно ответил хоббит, поглядывая в сторону рощи. Ему не нравилось, как колыхалась ветвь у одной из елочек. — Только среди нас, сказочного народца, ведьм никогда не было — вы, громилы, придумали их сами.

— Не было? Странно, а я думал...

— Тихо! — прервал его Сэмбо, вскакивая на ноги. — Замри!

Робин настороженным взглядом обвел белесую стену рощи, упирающуюся в подножие холма. Сначала ничего подозрительного он не заметил, хотя его сердце почему-то сжалось от тяжелого предчувствия. В лесу определенно кто-то был... Но кто?

За спиной у него громко хлопнула дверь — хоббит, как всегда, первым почувствовал опасность и поспешил скрыться. «Да разве в этой избе спрячешься?» — усмехнувшись, подумал Робин и снял с плеча лук.

Еще минуту вокруг царила тишина, а затем между стволами берез поплыли странные тени, и вскоре из роищ не спеша выехали шестеро Черных Всадников и остановились у подножия холма. Все были без обычных плащей, зато каждый с головы до ног был закован в вороненные доспехи. Под низко надвинутыми ребристыми шлемами холодным пламенем сияли огоньки синих глаз. Никто из назгулов не вынимал меч — всадники просто сжимали костистыми руками поводья могучих коней, перебирающих на месте от нетерпения ногами.

Из-за спины одного из Черных Всадников на землю вдруг спрыгнула гибкая серебристая фигурка, и Робин едва не вскрикнул от изумления. Элдис?!

— Эй, Робин, привет! — с издевкой закричал Элдис, на всякий случай стараясь держаться вблизи крупы могучего коня. — Не ожидал здесь нас встретить?

— Тебя — не ожидал, — сухо ответил Робин, натягивая лук с таким угрожающим видом, что Элдис тотчас отступил к огромной бугристой березе, росшей в нескольких шагах позади.

— Эй, эй, без глупостей! — с дрожью в голосе завопил он, готовый в случае опасности спрятаться за широкий ствол дерева. — С назгулами не пошутишь! И вообще, погулял — и хватит... Зови своего коротышку, если он еще не умер от страха, и спускайтесь вниз. Свое оружие — лук, стрелы, мечи — оставьте на пороге, так, чтобы я их видел. Даю вам две минуты!

— Ты даешь нам время подумать? А кто ты такой, чтобы здесь распоряжаться? Такой же зеленый практикант, как и я...

— Э-э, нет! — ехидно покачал головой Элдис. — Ты уже не практикант, так же, как и твоя Саманта. По решению Центра вам обоим за практику поставлен незачет, да еще с соответствующими характеристиками. Так что в вунд-школах вас по головке не погладят, если вообще станут с вами разговаривать! А меня мисс Эмингс сразу же выделила — я не чета каким-то голодранцам...

— Выходит, это по ее приказу ты за нами следишь?!

Глаза Робина потемнели от бешенства. Он поднял лук — и тотчас Элдис с испуганным воплем исчез за деревом. Назгулы, словно повинувшись тайному сигналу, положили руки на эфесы мечей.

— Брось ершиться, Робин! — донеслось из-за дерева. — «Робин Гуд согнул железный прут...» Думаешь, я не знаю, как Саманта над тобой издевалась? Лично я против тебя ничего не имею — простак ты, и больше ничего! А вот девчонка оказалась такая штучка...

Стрела со звоном впилась в ствол, за которым прятался Элдис. Назгулы в ответ с лязгом выхватили из ножен мечи и двинулись к склону холма.

— Эге, сейчас будет хорошая драка, — раздался рядом с Робинот чей-то дрожащий голос.

Хоббит стоял на крыльце, крепко сжимая в руке Аландил и не отрывая возбужденно блестящих глаз от Черных Всадников. Он явно умирал от страха, но, похоже, был готов биться до конца.

— Ничего, Сэмбо, мы так просто не дадимся, — тихо сказал Робин, пытаясь улыбнуться, но улыбки не получилось.

Он встал поустойчивее, широко расставив ноги, и первым же выстрелом пробил панцирь на груди одного из назгулов. Однако тот не шелохнулся и продолжал двигаться вперед, даже не пожелав выдергивать торчащую стрелу.

— «Робин Гуд согнул железный прут!» — расхохотался Элдис, высовываясь из-за березового ствола. — По старой дружбе советую — не зли Черных Всадников! Здесь не Станция, а Территория, и я за них не поручусь...

— Шлем! — вдруг взволнованно воскликнул Сэмбо. — Робин, шлем!

Мальчик сразу понял, что хотел сказать хоббит. Как же он мог, глупец, забыть уроки Пекаря?

Руки его дрожали от возбуждения: назгулы начали неторопливый подъем по склону холма. И все же Робин заставил себя сосредоточиться. Несмотря на большое расстояние и плохую видимость, второй выстрел ему удался — стрела со звоном ударилась в основание шлема одного из Черных Всадников, двигавшегося в центре группы.

Редристая каска с грохотом упала на каменистую почву и покатила в заросли осоки. Ошеломленный назгул остановился, провел костистой рукой по мгlistому облаку, заменявшему ему голову, и с проклятиями стал неуклюже слезать с коня.

— Вперед! — завопил из-за дерева перепуганный

Элдис. — Вперед, олухи! Включите мечи на парализующий удар и рубите их, рубите!

Пришпорив коней, назгулы словно вихрь рванулись по круче вверх. Робин тут же выстрелил — и в спешке промахнулся. Тогда Сэмбо с воинственным кличем ринулся вниз по ступеням, подняв сверкающий ослепительным голубым пламенем клинок Аландила. Страх его исчез, уступив место неизвестно откуда появившейся ярости. Нет, так просто он Робина врагам не отдаст!

Внезапно перед ним словно из-под земли вырос один из назгулов — остальные, к счастью, не сумели быстро преодолеть на тяжелых конях каменистую осыпь. Длинный меч назгула обрушился на Сэмбо. Только феноменальная реакция, обычная для хоббитов в минуты опасности, спасла маленького храбреца от болезненного парализующего удара. Молниеносно отпрыгнув в сторону, Сэмбо не глядя нанес ответный удар Аландилом. Его словно пронзило ледяным холодом: попал! Черный Всадник взвыл от бешенства и, дернув поводья, готов был уже растоптать отважного противника копытами своего звероподобного коня. Но в воздухе взвизгнула стрела — и шлем назгула, перевернувшись несколько раз в воздухе, упал на склон холма и покатился с нарастающей скоростью вниз.

Робин издал торжествующий клич и победно поднял руку со сжатым кулаком. Но радоваться было рано — на холм уже поднимались четыре назгула, угрожающе сверкая пурпурными огоньками глаз. В правых руках они сжимали обнаженные мечи, а левыми... левыми придерживали шлемы! Кони, в бешенстве раздувая ноздри, с брошенными поводьями шли к срубам, глубоко вспахивая землю копытами. Мальчик выстрелил раз, другой, но все было бесполезно: враги стали неуязвимыми.

Сэмбо невольно попятился к избушке. Было ясно, что против четырех рыцарей им с Робинсом не устоять. Остается дать последний бой на крыльце: тут их не достанут копыта злобных коней...

Хоббит сделал назад шаг, другой, не спуская с Черных Всадников испуганных глаз. Сзади раздался предостерегающий крик Робина, но было уже поздно. Споткнувшись о небольшой камень, Сэмбо полетел на траву, выронив от неожиданности Аландил. Он попытался тут же вскочить, но почему-то не смог: странный холод сковал его движения... Ну конечно, это состояние к нему пришло после

удачного удара по руке назгула. Как же встать, как же встать?..

Назгулы были уже всего в десяти шагах. Хоббит в страхе полузакрыв глаза — и вдруг между ним и врагами встала стена голубого пламени! Всадники сразу же остановились. Огненная стена, из-под которой ручейками потекли расплавленные камни, начала медленно двигаться им навстречу, тесня их с вершины холма.

— Гэндальф! — услышал хоббит восторженный вопль. — Сэмбо, это Гэндальф! Ура, наша взяла!

Из-за могучей ели, стоявшей рядом с избушкой, вышел маг с вытянутыми вперед руками. Лоб его, полускрытый капюшоном, был покрыт испариной, но глаза застыли, как льдинки. Не обращая ни на что внимания, он медленно шел в сторону Черных Всадников, а впереди него, так же медленно, двигалась стена голубого пламени. Назгулы не выдержали и, повернув коней, стремительно помчались вниз по круче в сторону леса.

— Труссы, подлецы, кретины! — орал в исступлении Элдис, выбегая из-за дерева им навстречу и яростно махая руками. — Кого испугались — одного-единственного жалкого киборга! Да он это пламя и пять минут не удержит! Назад, я вам приказываю, назад!

Только сейчас Робин заметил в руке Элдиса маленькую красную коробочку. Это же УПК — универсальный передатчик команд! Тот самый всемогущий, таинственный УПК, о котором на Станции ходили всевозможные легенды: мол, он дает абсолютную власть над «уродцами», делает их послушными орудиями воли владельца миниатюрного пульта... Теперь ясно, почему назгулы так послушны этому подонку. Но как ему в руки попала эта страшная штука — УПК, ведь на Станции она была лишь у одной Нейлы Эмингс?

Оказалось, что Элдис командовал не только четверкой изрядно растерявшихся назгулов. Не прошло и минуты, как березовая роща буквально закипела от быстро бегущих к холму фигур. Орки — десятки, сотни орков! То тут, то там на землю стали обрушиваться стволы берез — могучие неповоротливые тролли, двигавшиеся позади орков, сшибали их одним движением рук. Назгулы, увидев, что к ним подоспело мощное подкрепление, остановились у самого края леса. Потоптавшись, они успокоили возбужденных коней, а затем повернули их обратно. Элдис,

размахивая красной коробочкой УПК, носился взад и вперед, отдавая какие-то плохо слышные в общем шуме команды. Орки выстроились в несколько небольших отрядов, а впереди них встали могучие, словно дубы, тролли. Возникшая при этом неразбериха дала возможность Гэндальфу и его друзьям передохнуть хоть несколько минут.

«Пожалуй, надо дать отдохнуть и этому бегуну,— подумал Робин и поднял лук вверх.— Жаль, далековато, но в УПК я должен попасть...»

Гэндальф одним движением руки остановил парня. Откинув капюшон на плечи, он встряхнул своими пепельными волосами и грустно сказал:

— Стрелять нельзя — ты можешь промахнуться... Мы в серьезной опасности, но поднимать руку на человека не имеем права, даже если от этого будет зависеть наша жизнь! Эта стая зверей,— маг кивнул в сторону леса,— способна сейчас на все. Мы стали опасны для Центра. Многие из создателей Проекта вздохнут сегодня вечером спокойнее, когда узнают, что в результате, скажем, автомобильной катастрофы погибли практикант Робин Тайрот и известный в прошлом писатель-фантаст Дик Форрест...

— Вы — Дик Форрест? — переспросил Робин, не сводя с мага ошеломленных глаз.— Неужели тот самый...

— Да, мальчик, тот самый,— ответил старик, кладя ему руку на плечо.— Великий мастер «фэнтези» двадцать первого века, превзошедший самого Толкина! Создатель многих книг о ведьмах, троллях, гномах и прочей сказочной нечисти. И вот настал час расплаты.— Маг опять кивнул в сторону леса.— Помнишь крылатую тварь, напавшую на меня в пещере? Некогда, еще юношей, я придумал ее и поселил на далекую планету в созвездии Водолея. А вчера она лишь чудом не растерзала меня когтями! Я спасся только потому, что отлично знал ее уязвимые места... Но сейчас круг, кажется, замкнулся... Уходите скорее с Сэмбо в сторону гор, к пещерам. А я сумею задерживать этих тварей — не будь я великим магом Гэндальфом! И еще одно — позаботьтесь о Саманте. Сейчас она вне опасности, но в будущем ее ожидает множество неприятностей... И не только на Территории. Робин, мальчик, прощай! Эй, Сэмбо, прячь свой меч и беги! Тролли уже идут!

Вместо ответа Робин поднял лук — и стрела, описав

крутую дугу, вонзилась в глаз одного из троллей. Завопив, тот рухнул на спину, придавив с десятков растерявшихся орков.

— Мы не оставим тебя, Гэндальф,— тихо сказал Сэмбо, поглаживая ледяную сталь клинка Аландила.

Маг взглянул на друзей повлажневшими глазами и пошел навстречу врагам.

ГЛАВА 8

Барон, слегка подняв правую бровь, щелкнул пальцами — и сразу же один из орков присел на корточки, упершись руками в пол и образовав своеобразное живое кресло. Усевшись на спину охранника, хозяин приглашающе кивнул в сторону другого орка, но девочка отрицательно покачала головой. Она не сводила с неожиданного собеседника растерянных глаз.

— Не стоит так удивляться, милая Эмми,— бархатистым голосом произнес барон, с издевкой оглядывая девочку с головы до ног, так, что она невольно покраснела от смущения.— Неужели ты не узнала меня? Хотя и не мудрено — мало ли у Ангелины Бакст было аспирантов за ее долгую жизнь! Не буду тебя больше мучать — мое имя...

— Эдмунд! Я вспомнила — вы Эдмунд! — с волнением воскликнула девочка. Как же она могла забыть это красивое, чуть обрюзгшее лицо! Бабушка еще любила шутить: «Если из тебя, Нед, не получится стоящего математика, подавайся-ка в актеры, будешь играть сказочных принцев». Но как он оказался здесь, в замке?

— Вспомнила,— удовлетворенно заметил Эдмунд, наслаждаясь замешательством пленницы.— А ведь вы, леди, были некогда даже чуточку влюблены в меня, я не ошибаюсь?

— Это было так давно,— опустила глаза девочка, не зная, куда деваться от смущения.

— Весьма давно... За прошедшие годы ты так изменилась, так расцвела! Я глазам своим не поверил, когда увидел тебя в предгорьях шагающей по колено в болоте. Места там опасные, пришлось послать верного кролла — и вот ты в гостях у старого друга! Не мифическая Саманта Монти, которой, как я выяснил вчера вечером, и не суще-

ствует вовсе, а симпатичная маленькая бунтарка Эмми Карлейн, успевшая за свои неполные тринадцать лет изрядно наломать дров. Только подумать: бежать из интерната с подложными документами и, вместо того чтобы тихо-мирно провести месяцы практики на заурядной автоматизированной ферме в Огайо, оказаться здесь, на Территории, на одной из засекреченных Станций! Нетрудно догадаться, что к этому делу приложили руку некоторые наши общие знакомые из бывшего окружения Ангелины Бакст. Самой тебе, уверен, такая штука и в голову бы не пришла — верно?

Прижавшись спиной к угловатой поверхности «горы», пленница упрямо сжала губы и с вызовом посмотрела на Неда. От нее этот красавчик ничего не узнает!

— Не строй из себя Жанну д'Арк, — примирительно сказал Эдмунд. — Я вовсе не собираюсь допрашивать тебя, хотя не поручусь, что завтра этого не сделают ребята из Центра. Могу даже, если хочешь, называть тебя Самантой. — Он с улыбкой подмигнул девочке. — Для конспирации. Кроме того, мы сами во многом виноваты. Говорил я этим тупоголовым чиновникам — нечего пускать на Станцию практикантов. Проект должен до поры до времени оставаться секретным! Но куда денешься от жизни — у многих известных деятелей есть дети. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, какое за Проектом будущее... Как тут удержаться и не запустить на Территорию своих дражайших мальков, чтобы обеспечить им в дальнейшем отличную карьеру? И вот пожалуйста — шпионка двенадцати лет от роду! Впрочем, конечно, ты себя считаешь отважной разведчицей в тылу врага?

— Верно! — с вызовом выпалила Саманта. Она старалась смотреть хозяину замка прямо в лицо — похоже, это его слегка смущало. Но главное, так можно было избежать встречи с тяжелыми звериными взглядами орков, готовых, казалось, разорвать ее на клочки.

— Глупо, весьма глупо... — вздохнув, покачал головой Эдмунд. Его лицо выражало искреннее сочувствие. — Что изменил твой нелепый демарш? Я уже не говорю, что за попытку самозванно попасть на Территорию, тебя, скорее всего, ожидают новые годы «учебы» в закрытом интернате. Но ты еще и Робину, этому простаку, испортила карьеру — парнишка-то способный, мог стать отличным

кибернетиком! Каково придется его дяде, когда он все узнает? Почтенный, заслуженный человек, бывший мэр, а его племянник... Ну, а маг — это наш собственный промах. Слишком уж хотелось сделать Гэндальфа-1 яркой, творческой личностью, способной не только следовать заданной схеме Игры, но и самому импровизировать. Мы не учли, что катастрофа и превращение в кибера может оказаться непосильной нагрузкой для его психики...

Эдмунд опустил голову и задумался.

Саманта, набравшись духу, решила взять инициативу в разговор в свои руки. Пусть все проиграно, но она должна как можно больше узнать о Проекте!

— Не скажете ли вы мне по старой дружбе, Эдмунд, куда мы летим? — спросила она, стараясь не выдавать своего волнения.

— Куда летим? — угрюмо переспросил Эдмунд, не поднимая головы. — А не хочется ли тебе заодно узнать и все остальное о Территории — то, что не удалось выведать тайком? Ты понимаешь, что через несколько дней окажешься за тройными дверями и подвергнешься обработке памяти? Скоро ты и слово «Проект»-то забудешь — как это недавно произошло с друзьями твоей бабки. Да, представь себе, еще две недели назад служба безопасности выловила этих заговорщиков всех до одного. Состоялся суд, а потом почти безболезненная — говорят, даже немного приятная — процедура чистки памяти преступников. Кто же знал, что эти типы успели подложить под Проект мину замедленного действия в лице двенадцатилетней девчонки? Нашим бравым агентам и в голову не могло прийти искать тайных противников среди сопляков практикантов. Тебе удалось почти добраться до цели, но только почти. Впрочем, я не откажу себе в удовольствии кое-что показать бедной пленнице. Смотри!

Внезапно вскочив со спины орка, он подбежал к одному из пультов гигантской ЭВМ и набрал на клавишах несколько команд. Тотчас свет в зале начал разгораться ярче и ярче. Саманта увидела, как Территория словно по волшебству стала преображаться.

Сначала сгинула густая тьма, окутывающая ближайшую к ней часть макета. Девочка увидела незнакомые, непривычные пейзажи, залитые ослепительными лучами света: бесконечные холмы, уютно заросшие мохнатыми остроконечными елями, белоснежные березовые рощи и

десятки, сотни затерянных в лесах деревень. Посреди холмов круто поднимался ввысь огнедышащий вулкан, а на соседней высокой скале, словно опенок на трухлявом пне, прилепился деревянный замок, густо покрытый лишайником.

— Прошу полюбоваться Империей! — холодным, но торжествующим голосом произнес Эдмунд, любясь произведенным на девочку эффектом. — На скале ты видишь замок Властелина — страшного чудовища, предводителя гномов Вия, которого мы смоделировали по повести русского классика Гоголя. Кажется, ты любила читать его в детстве? Вий, ужасное, беспощадное создание с конечностями, похожими на корни дерева, с лицом как железная маска и веками, свисающими до земли, согласно Проекту, управляет страной героев русских и славянских сказок. У него под началом есть и лешие, и домовые, и Кощеи Бессмертные, и ведьмы — я уже не говорю о целых полках могучих богатырей, всех до одного тупых и злобных. Выводки Василис Прекрасных и Иванов-царевичей еще хуже. По сравнению с ними даже Черные Всадники — сущие младенцы. Прячутся в лесах также монстры типа перекасти-поле, сжирающие за один присест десятков девушек-красавиц, и страшный великан Святозар-богатырь, способный уничтожить одним ударом палицы целый отряд! Словом, наши программисты постарались на славу. Сотни, тысячи жутких биороботов со временем заполнят земли Империи — их производят днем и ночью четыре Станции на южной границе Территории. И тогда наконец можно будет начать Игру...

Эдмунд замолчал, задыхаясь от возбуждения. Грудь его вздымалась, глаза болезненно блестели — сейчас он походил на сумасшедшего.

— Теперь ты поняла суть Проекта? — глухо продолжил он после паузы. — Территория — не просто очередной Луна-парк для детишек и скучающих бездельников. Нет, это полигон мужества и школа патриотизма! Полигон, на котором уже через полгода одновременно начнутся десятки, сотни Игр. Небольшие отряды из мальчишек и девчонок возраста от двенадцати до четырнадцати лет начнут свои походы в Империю, и каждый из них понесет свое кольцо Всевластья. Цель перед ними будет поставлена простая и ясная: ребятам надо проникнуть в Империю и бросить свои кольца в жерло Ородруина, чтобы погубить

Черного Властелина. Наша ЭВМ будет отслеживать каждый шаг участников Игр и оценивать преодоление различных препятствий по десятибалльной системе. Каждую группу возглавит свой Гэндальф — киборг или робот. Представляешь, какое это будет увлекательное приключение для ребят? Перед походом каждый из них пройдет двухнедельный подготовительный сбор, где опытные инструкторы научат их владеть мечом и луком, а дальше молодежь сама покажет, на что способна. Так и надо воспитывать подрастающее поколение — в жестоких Играх, где от подростка потребуются вся его воля и выдержка!

— Кажется, я понимаю.— Саманта задумчиво опустила голову.— Так вот что вы задумали... И вы, Эдмунд, жаждете участвовать в этом грязном деле? Вы же талантливый, оригинальный ученый, бабушка вас всегда выделяла среди своих учеников, а сейчас докатились до роли какого-то шута-барона...

Глаза Эдмунда потемнели.

— Ученый? — глухо произнес он, пристально разглядывая девочку.— А разве твоя бабка не была блестящим математиком? И тем не менее она всю свою сознательную жизнь плела сети заговоров, вербовала все новых и новых бунтовщиков, заражала их опаснейшими антисоциальными идеями! Страшно подумать, что и я когда-то едва не поддался ее ядовитой агитации о всеобщем братстве, равенстве и прочей чепухе. Настал день, и я сказал себе: «Нед, твои родители были простыми рабочими, и потому ты всю жизнь чувствуешь себя ущемленным. Ты не мог и мечтать о роскошном автомобиле, о вилле на море, о высшем обществе. Бог пожалел тебя и дал талант — верное средство, чтобы быстро подняться со дна жизни на ее сияющие вершины. И не только тебе, но и всем твоим потомкам! А если мечты Ангелины Бакст исполнятся, ты сможешь когда-нибудь насладиться жизнью миллионера? На что тебе будет нужен талант, если рабочий, фермер, официант — словом, все низшие слои общества будут жить точно так же?» И я нашел в себе силы уйти от Ангелины Бакст, хотя для этого и пришлось бросить почти готовую диссертацию. Совість терзала меня долгие годы: я не донес на заговорщиков и тем самым нарушил свой святой гражданский долг! Потому-то я здесь, на Территории, и готов нести крест стража столько, сколько это понадобится правительству.

Эдмунд усмехнулся и вновь положил руки на пульт ЭВМ.

— Так или иначе, но Проект «Война сказок» уже работает. Пройди метров на десять вперед — может, узнаешь кое-кого?

Саманта, задыхаясь от волнения, пошла вдоль горного хребта макета Территории. Леса, сплошные леса, несколько полуразрушенных деревень среди болот... Стоп, а это что такое?

Вблизи отрогов гор Саманта увидела березовую рощу и высокий холм посредине, окутанный туманом. Роща буквально кипела от сотен крошечных фигурок орков и троллей, а на холме, у темного сруба... Нет, этого не может быть!

— Узнала? — раздраженно спросил Эдмунд. — Как видишь, твои друзья сами начали Игру, и это им может дорого обойтись... Нейла Эмингс послала целый полк «уродцев» им вдогонку, и знаешь, кто во главе отряда? Твой старый знакомый Элдис! И все потому, что папаша этого мальчишки заседает в Сенате, а Нейла чертовски честолубива и мечтает о дальнейшей карьере... Приходится мне бросать важные дела на востоке Территории и нестись к этому холму, пока парень не наломал дров! Всех вас надо сурово наказать, но не до смерти же...

Саманта тем временем увидела, как Гэндальф, стоявший на склоне холма, поднял руки — и сразу же на ползущие вверх отряды орков полетели снопы огня. Нападающие в панике скатились вниз, к роще.

— Гэндальфа так просто не одолеть! — торжествующе воскликнула девочка, оглядываясь на мрачного хозяина замка. — Он непобедим!

— Ты так считаешь? — с иронией спросил Эдмунд. — По-моему, старик уже выдыхается. Он ведь не настоящий волшебник, а всего лишь киборг... Но самое главное — посмотри, кого Элдис вызвал на помощь!

И только тогда пораженная Саманта увидела, как к другой стороне холма по широкой лесной дороге приближается колонна всадников во главе с тремя могучими витязями.

Положение ее друзей становилось почти безнадежным...

— Осталось всего две стрелы.— Робин устало опустил лук.

Он стоял у бугристого ствола огромной ели, нависающей над обрывом.

Вокруг стелилась пелена едкого дыма. То там, то здесь огонь, быстро переползая по траве, жадно пожирал очередной куст или маленькое деревце.

Горела и крыша избы, в которую порывистый ветер бросал горсти пунцовых искр.

Сэмбо измученно улыбнулся другу и вытер пот с закопченного лица. Левая рука отчаянно болела и плохо слушалась: в схватке с орками ей трижды достались сильные парализующие удары, но сверкающий голубым светом клинок Аландила, который хоббит держал в правой руке, наводил ужас на врагов. Хорошо еще, что неповоротливые тролли не смогли преодолеть крутой обрыв и стеной шли с той стороны, где холм защищал Гэндальф. Пока Сэмбо с Робинсом еще держались, но рано или поздно Элдис сообразит послать один из отрядов в обход и ударит им в тыл...

Там, внизу, орки очередной раз перестроились и широкой цепью полезли по склону, цепляясь руками за длинные корни ели.

Головы они наклоняли поближе к земле, чтобы избежать точных попаданий стрел.

— Двоих я успею положить,— хрипло произнес Робин, натягивая тетиву лука.— Смотри, Сэмбо, неужели Гэндальф отступает?

Действительно, положение киборга стало критическим. Снизу на него плотными рядами наступали почти два десятка троллей, держа на вытянутых руках вывороченные в лесу стволы, закрывавшие их головы, словно щиты. Стена огня с каждой минутой становилась все ниже и ниже: силы мага явно иссякали. У Гэндальфа оставалось еще одно оружие — молнии, но их запас был невелик.

Слезаящимися глазами маг смотрел вниз, пытаясь рассмотреть врагов сквозь едкий серый дым. Неожиданно порыв ветра отогнал пелену в сторону, и он увидел Элдиса.

Яростно размахивая красной коробочкой УПК, парень

подталкивал в спины троллей, неуклюже взбирающихся на холм. Одной молнии хватило бы, чтобы остановить побоище... Но нет, он не может, не может сделать это!

Тихий гул в воздухе отвлек его внимание. Гэндальф поднял глаза — и замер от удивления. Из-за золотистой стены леса выплывал громадный летательный аппарат, похожий на дирижабль. Нет, не на дирижабль... а на замок! Старинный средневековый замок с шестью сторожевыми башнями по окружности и поднятым на железных цепях перекидным мостом! Нижняя поверхность замка была словно отлита из дымчатого стекла, на котором еле заметно вырисовывались десятки концентрических окружностей.

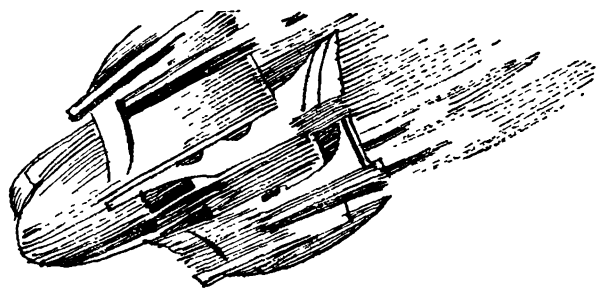
Память Гэндальфа тотчас пробудилась, словно он десятки раз уже видел это захватывающее зрелище. Сторожевой замок! Тот самый, куда коварный кролл должен был принести бедную Саманту!

Маг усмехнулся. Похоже, страж Территории решил вмешаться в события здесь, на холме. Впрочем, очень вовремя...

На минуту сражение затихло — «уродцы», задрав головы, с удивлением разглядывали странного небесного пришельца. Еще больше были поражены Робин с хоббитом. И лишь один Элдис быстро разобрался в ситуации и тихо прошипел сквозь зубы:

— Черт, кажется, страж явился... А я еще не скрутил ни одного из этой шайки! Если в Центре узнают, как я здесь воевал... А впрочем, плевать, пусть узнают. Перед сыном Уолтера Пойдекса, личного друга Президента, никто и рта не посмеет раскрыть!.. Эй вы, скоты! — заорал он, нажимая кнопки активизации на пульте УПК до предела. — Что стоите, остолопы! Немедленно бегите вперед!

Никто из биороботов не двинулся с места: в каждого из них было заложено инстинктивное чувство трепета перед сторожевым замком и его обитателями. Элдис носился среди своего войска, брызгая слюной и колотя тонкими руками по плечам орков, но все было напрасно. И в тот момент, когда его полностью охватило отчаяние, он вспомнил про возможность снятия ограничителей в УПК.

— Ничего не понимаю,— пробормотал Эдмунд, отрывая дрожащие от напряжения руки с пульта ЭВМ.— Трижды я передал команду «Останов» Черному войску — и никакого результата! Быть этого не может... Саманта, будь добра, включи увеличение экрана — что-то не нравится мне этот мальчишка...

Девочка быстро набрала замысловатую команду на белых и зеленых клавишах, расположенных в правом углу пульта, и невольно охнула. Панорама холма, окутанная клубящимся дымом, дернулась и стала стремительно приближаться. Вот уже и фигурки орков, карабкающихся по отвесному склону, стали видны настолько отчетливо, что, казалось, протяни руку — и коснешься их бугристых, закопченных гарью спин.

Изображение поплыло в сторону, и вскоре Саманта узнала знакомую художавую фигуру. Элдис! Ого, ему тоже досталось — рубашка в нескольких местах была порвана, правая брючина висела лохматой тряпкой, лицо в грязи — это у такого-то чистюли! Но глаза, какие злющие глаза... Интересно, о чем он так кричит, бешено размахивая руками?

— Плохо дело,— глухо сказал Эдмунд.— Мальчишка каким-то чудом раздобыл блок управления биороботами. Придется спуститься, иначе... Жаль, что замку здесь негде сесть.

— Эдмунд, скажите: может ли ЭВМ управлять войском витязей? — неожиданно спросила Саманта, не сводя с Элдиса глаз.

— Конечно,— угрюмо ответил хозяин замка, натягивая поверх камзола синий китель с серебристыми аксельбантами — форменную одежду стража Территории.— Пожалуй, богатырей надо остановить — здесь, на холме, и без того достаточно шумно.

— Нет. Не надо...— задумчиво пробормотала девочка.

Эдмунд с иронией взглянул на нее.

— Ого, с тобой не соскучишься! Знаю, что задумала, хочешь перехватить управление над витязями? Если бы это было так просто...

— Но в памяти вашей ЭВМ должно храниться множество программ! — не сдавалась Саманта, упрямо

наклонив голову.— Быть может, удастся подобрать что-нибудь...

Эдмунд, распахивая дверь Операторной, только пожал плечами.

— Брось об этом и думать! Территория создана не для того, чтобы веселить ребятишек добрыми героями сказок вроде отважного Микки Мауса. Для этого хватает обычных Диснейлендов. Ну, я пошел, пора надрать уши этому паршивцу...

От подножия замка стала спускаться прозрачная сферическая капсула на тонком канате.

— Страж! — пробормотал Элдис, поспешно пряча руку с УПК в правый карман.— Этого еще не хватало...

Когда капсула зависла над землей на высоте полутора метров, Эдмунд пружинисто спрыгнул на траву. Брезгливо переступая через дымящиеся обломки деревьев, беспорядочно разбросанные по опушке, он пошел к Элдису.

— Ну и натворил ты дел, парень,— холодно сказал он, хмуро оглядывая безрадостную панораму битвы.— Эй, Гэндальф, рад видеть вас живым!.. А дыму-то, дыму...

Он невольно закашлялся и, приложив ко рту носовой платок, небрежно протянул руку к мальчику.

— Давай сюда УПК, Элдис. Побаловался — и хватит. Тебе было поручено задержать троих беженцев, но не переворачивать Территорию вверх дном! Теперь здесь и за неделю не привести лес в порядок.

— Ничего я вам не отдам! — визгливо крикнул Элдис, отскакивая в сторону. Правую руку он не вынимал из кармана и все время пытался вырвать пальцами ограничитель из задней крышки.— Не вы мне УПК давали, не вам и отнимать! И вообще, не вмешивайтесь не в свое дело! Эти подонки,— он кивнул в сторону холма, покрытого пламенем и дымом,— пытались меня убить! Да, убить — Робин выпустил в меня добрый десяток стрел, а это чудело Гэндальф едва не сжег меня своими дурацкими молниями. И я их должен отпустить просто так? Черта с два! Они у меня еще поплачут кровавыми слезами...

Лицо Эдмунда потемнело, и он сделал решительный шаг к практиканту.

— Отдавай быстро УПК! Я никому не позволю распоряжаться на Территории! Ишь чего задумал — превратить Игру в расправу...

В этот момент Элдису удалось-таки вырвать из гнезда ограничитель. Дрожащим от страха и ненависти голосом он приказал застывшим рядом оркам:

— Схватить этого наглеца!

Пораженный страж не успел шевельнуться, как к нему подскочили два дюжих воина и без колебаний схватили мощными лапами за плечи.

— Ударьте его пару раз, чтобы знал, с кем разговаривает! Ага, получил? Еще, еще...

Орки озверело набросились на стража, и вскоре тот тяжело заворочался на траве, безуспешно пытаясь встать.

— Гаденыш!.. — тихо простонал он, выплевывая выбитые зубы и с ненавистью смотря на Элдиса. — Ты ответишь за это!

— Кто? Я буду отвечать? А если я скажу, что страж вместе с Самантой и другими преступниками решил продать тайну Проекта нашим врагам? Кому поверят: сыну друга Президента или какому-то жалкому «барону»? Правила Игры я, видите ли, нарушил. А по-моему, здесь и не такие штучки будут проделывать — скажем, с соцминусами... Отец мне как-то сказал: эти идиоты-ученые и не подозревают, какого джінна выпускают из бутылки! С помощью Территории мы быстро наведем в стране порядок — никто из либералов и не пикнет. Можно будет закрыть все интернаты строгого режима. Да и зачем они, если достаточно будет провести группу из соцминусов специальным маршрутом по Территории — и все станут шелковыми! Центр здесь будет ни при чем — мало ли какие шишки можно получить от какого-нибудь гнома... И все будет шито-крыто! Игра есть игра — вот и весь сказ.

Эдмунд, с трудом привстав на колено, слушал практиканта. Он не верил своим ушам. Не может этого быть!

Но он уже понял, что Элдис говорил правду.

— Выходит, я положил пять лет жизни на то, чтобы построить суперсовременную, напичканную электроникой и роботами душегубку? — тихо сказал он.

И все это время меня водили за нос? Не только Саманта, но и я, один из создателей Проекта, не знал его главной тайны...

Элдис тем временем высоко поднял руку с УПК и звенящим от восторга голосом приказал:

— Всем идти на штурм! Не отступать ни на шаг, даже если вы будете пылать, как спички! Пленных разрешаю не щадить...

Он не успел договорить до конца — черная стрела, словно змея, ужалила его в ладонь, в которой он сжимал УПК. Пластмассовая коробочка разлетелась вдребезги, а острие наконечника глубоко впилося в мякоть между большим и указательным пальцем. Элдис завопил дурным голосом, с ужасом смотря на ранку, из которой потекла кровь:

— Помогите! Я умираю! Врача мне, скорее врача!

Последняя стрела Робина попала точно в цель.

Но было уже поздно. Тролли и орки, обретя полную свободу действий, упорно шли на штурм холма. Вспыхнувшая перед ними стена пламени уже не могла остановить их. Великаны тролли, по шкуре которых поползли змейки огня, плотной группой двигались на Гэндальфа, держа в лапах вывороченные из земли кряжистые стволы деревьев.

Собравшись с силами, Эдмунд поднялся на ноги, схватившись за небольшое деревце, чтобы не упасть. Горестным взглядом он наблюдал, как Гэндальф начал отступать. У мага не хватало сил, чтобы удерживать на дистанции совершенно озверевших «уродцев».

И в этот момент Эдмунда накрыла какая-то огромная тень. Подняв глаза, он с изумлением увидел, что громада замка медленно плывет в сторону холма.

— Стой! — закричал страж надтреснутым голосом. — Стой, девчонка!

Сомнений не было: Саманта вмешалась в битву в самый критический момент. Но как она смогла самостоятельно разобраться в сложной системе управления замком? Нечего сказать, достойная внучка Ангелины Бакст... Но если при спуске девчонка проявит поспешность, то замок может потерять устойчивость и рухнуть на землю...

Эдмунд зажмурился, ожидая неизбежной катастрофы. Замок между тем двумя рывками долетел до холма и,

нависнув над троллями, стал резко спускаться, угрожающе раскачиваясь из стороны в сторону. Великаны, окутанные дымом и пламенем, не успели разглядеть неожиданную опасность и оказались мгновенно расплюснутыми огромной массой. Лишь несколько «уродцев» чудом остались целыми. Отбежав в сторону, они растерянно смотрели, как на вершину холма взгромоздилась многобашенная серая крепость, косо встав на поляне недалеко от сруба.

Гэндальф быстро сориентировался и указал друзьям на дубовую дверь, темным пятном выделявшуюся над перекидным мостом. Выпуская молнию за молнией, он старался любой ценой остановить на краю обрыва несколько десятков настырных орков. Маг уже не сомневался в успехе. Если ему удастся продержаться хотя бы пять минут, друзья будут в безопасности.

Но массивная дверь летающего замка даже не шелохнулась.

Саманта сидела на корточках у холодной каменной стены и, закрыв ободранными в кровь ладонями лицо, коротко всхлипывала. Издалека до нее доносился шум битвы, вопли орков, треск падающих деревьев, горький запах гари. Где-то там, в нескольких десятках метров от нее, из последних сил бьются ее друзья. А она ничем, ровным счетом ничем не может им помочь! Угораздило же ее так неловко посадить замок... Сначала был сильный удар, который выбросил ее из кресла оператора, потом раздался угрожающий скрип, пол резко перекосялся. И вот теперь входная дверь не открывается! Окна забраны мощными стальными решетками, а на другой этаж не попадешь — все лестницы рухнули. Что делать, что делать?.. Если бы рядом с ней был верный друг — такой, как погибший маленький рыцарь Галахад...

Галахад?

Неожиданная мысль привела ее в чувство. Галахад! Как же она сразу не догадалась! Ведь она же сама пять лет назад составила программу Галахада для Машины Сказок на универсальном языке. Если сейчас вспомнить текст процедур и передать его через ЭВМ войску витязей, то... то Черным Всадникам пришлось бы иметь дело с десятками, сотнями могучих Галахадов!

Дрожа от возбуждения, Саманта вернулась в дисплейный зал, села за пульт и попыталась сосредоточиться. Несколько раз ей казалось, что до нее доносятся знакомые голоса, стук в дверь, но она постаралась забыть обо всем. Еще никогда в жизни ей не приходилось встречаться с задачей, от решения которой зависит жизнь ее друзей. «Бабушка Ангелина! Сколько сил, уговоров и даже угроз пришлось тебе потратить, прежде чем я научилась понимать самые простые истины. Тренируй память, говорила ты, в нашем веке человек без прекрасной памяти — что хилый воин в древней Спарте. Что ж, похоже, настал мой решающий час, мой бой при Фермопилах...»

Девочка робко прикоснулась пальцами к разноцветным клавишам — и неожиданно для самой себя быстро, почти не раздумывая, стала вводить в вычислительную машину текст программы «Галахад».

Между тем орки во главе с десятком оставшихся в живых троллей оцепили кольцом поляну и постепенно теснили выбившегося из сил мага к замку. Робин решил было подпрыгнуть, чтобы ухватиться руками за одну из цепей подвесного моста, но тут же отказался от этой мысли: маленькому хоббиту вслед за ним преодолеть такой путь было явно не под силу. Да и нельзя оставлять Гэнцальфа одного...

Отбросив в сторону бесполезный лук, мальчик поднял с земли меч одного из погибших орков и, пошатываясь, пошел на помощь киборгу.

У бедного Сэмбо даже на это усилие уже не хватало энергии. Прислонившись к стене замка, он ожидал, когда к нему приблизится цепь осторожно крадущихся врагов. Клинок Аландила ослепительно сиял, словно готовясь к решающему удару.

И в этот момент холм огласило звонкое пение рожков! Из-за дымящихся елей к срубам выехали трое могучих витязей, закованных в вороненные латы. Всадники держали железные палицы, утыканные острыми шипами. Над ними с гиканьем пронесли ведьмы в ступах, иступленно размахивая длинными метлами.

Элдис стоял на коленях в сырой осоке и с искаженным от боли лицом перевязывал носовым платком раненую

руку. Заметив, что к нему прибыла наконец подмога, он немедленно вскочил и радостно заорал:

— Посмотри, страж, как умеет воевать войско Черного Властелина, славного и непобедимого Вия! Да оно от Гэндальфа и мокрого места не оставит! Вперед, ребята, ура!

— Ура-а-а! — отозвались десятки всадников, высыпавших вслед за тремя витязями из леса и бросившихся в схватку с выставленными наперевес копьями.

Они сразу же смяли ряды орков, наступавших на Гэндальфа, и, топча копытами коней тела поверженных врагов, стали сбрасывать их с крутого обрыва. Звон мечей, крики, храп коней заполнили все вокруг. Гэндальф с друзьями едва успели отступить к дымящейся избушке и, не веря своим глазам, наблюдали за разгоревшейся битвой.

Основные события развернулись у стен замка, где три витязя схватились с десятком рассвирепевших троллей. Размахивая стволами елей вместо дубин, тролли окружили богатырей, нанося по ним могучие удары. Всадники поначалу только защищались, закрываясь широкими медными щитами. Наконец стволы в лапах троллей искрошились. Великаны с воплями стали выворачивать из земли огромные валуны. Тут же на них со свистом и улюлюканьем налетела стая ведьм, колотя по головам метлами. Неожиданная атака нарушила стройные ряды «уродцев». Со злобными криками они стали бегать по поляне, безуспешно пытаясь ухватить мелькающие перед их лицами темные фигуры с развевающимися седыми волосами. А тем временем три витязя, вращая над головами булавами, ринулись на врагов железным смерчем. С троллями было покончено за несколько минут — каждый удар палицы сшибал великанов с холма, словно городошные фигурки. Вскоре все они лежали неподвижно вповалку на опушке рощи, а на них как горох сыпались убитые орки.

— Ничего не понимаю, — ошеломленно пробормотал Элдис, обменявшись взглядом с не менее изумленным стражем. — Я еще утром передал по УПК команду Вию: срочно прислать войско к холму и уничтожить Гэндальфа! Витязи словно с ума посходили... или их кто-то на меня натравливает?

— По Игре орки и тролли — верные помощники Черного Властелина, — задумчиво пробормотал Эдмунд. —

А значит, союзники его главного войска... Быть того не может, чтобы они дрались друг с другом! Но чудес не бывает — значит, кто-то сумел изменить их программу. И кажется, я догадываюсь — кто...

— Ясное дело — изменники! Они везде, на каждой Станции... Ну держитесь!

Страж не успел и мигнуть, как Элдис сдернул с шеи серебряный свисток и приложил его к губам. Из перекоренного леса, объятых дымом и пламенем, тотчас выехали шестеро назгулов. Элдис пускал в бой свой главный резерв.

Эдмунд сразу же оценил всю опасность ситуации. Превозмогая острую боль в боку, он подобрался и прыгнул на стоявшего в трех метрах от него Элдиса. Тот успел свистнуть еще два раза и активизировать Черных Всадников до предела, прежде чем Эдмунд подмял его под себя.

Краем глаза Эдмунд увидел блеск обнаженных клинков и сразу же понял: назгулы стали крайне опасны! Одного удара мечом теперь было достаточно, чтобы убить любого биоробота. Но откуда у Элдиса свисток? Ведь активизация назгулов ультразвуковым свистком была предназначена для экстремальных ситуаций — например, в случае, если жизни человека угрожала смертельная опасность и он нуждался в надежной защите. Неужели это дело Нейлы Эмингс? Чудовищно...

Со стороны холма раздалось громкое: «Ура-а-а!» Витязи, построившись цепью, были готовы отразить атаку страшного врага. Гривы коней развевались под порывами холодного осеннего ветра, в латах, покрытых гарью, красновато отсвечивалось пламя костров. Три богатыря начали медленно спускаться по склону, обнажив мечи.

И в этот момент с треском разлетелась дубовая дверь замка. Несколько измученных орков, держа массивную железную балку в руках, словно таран, по инерции вылетели наружу и, несколько раз перекувырнувшись, упали в кусты. В темном проеме входа показалась фигурка Саманты.

— Сюда, Робин, сюда! — закричала она, не сдерживая слез радости. — Сэмбо, я сейчас спущу тебе лестницу! Гэндальф, ну что же вы стоите — замок может взлететь через минуту!

Маг, нахмурившись, покачал головой. Он, как и Эдмунд, понимал всю опасность ситуации.

— Робин! Хватай Сэмбо — и бегите! — громко сказал он, сощуренными глазами наблюдая за Черными Всадниками. — Сейчас здесь будет жарко, а от вас все равно помощи никакой. Я кому говорю!

Голос старика был настолько повелителен, что мальчик не посмел ослушаться. Надо же — в такой трудный момент у него не осталось ни одной стрелы. Ни одной!..

Хоббит, однако, не сдвинулся с места.

— Еще чего надумал — меня хватать! — возмутился он. — Я не рюкзак! Мой Аландил не по вкусу назгулам! На холме много норок — в случае чего, успею туда нырнуть. А ты, Робин, иди — нельзя оставлять Саманту одну!

Мальчик остановился в растерянности.

— Гэндальф, кому вы хотите помочь? — тихо спросил он. — Нашим избавителям — витязям или...

— Стражу и Элдису, — коротко ответил маг и стал спускаться с холма вслед за тремя богатырями.

Эдмунд тем временем, шатаясь, уже выходил из леса, держа на руках обессилевшего Элдиса. Он давно догадался, что полностью активизированные назгулы не пощадят никого, даже человека в форме стража. Несколько раз, поскользнувшись на мокрой осоке, он едва не упал, но ему чудом удавалось удержать равновесие, цена которому сейчас была — жизнь. Однако топот коней был так близок...

Гэндальф с самого начала понял, что богатыри не успеют прикрыть двух измученных людей — на своих массивных конях они не могли быстро спуститься с крутого склона. Собрав оставшиеся силы, маг в последний раз поднял руки — и ослепительная стена пламени выросла в двадцати метрах от опушки леса. Деревья вспыхнули как спички и с треском стали падать на назгулов, вызвав замешательство в их рядах. Эта минутная заминка дала возможность Эдмунду дойти до огромного валуна, глубоко утопленного в склон холма. Обессиленный страж опустил на землю неподвижного Элдиса и рухнул рядом. А над ним уже возвышались три могучие фигуры на исполинских конях...

Продравшись через горящий лес, на опушку выехали назгулы — и остановились, смущенные видом могучих противников, которых они здесь никак не ожидали встретить. На некоторое время все замерло в тревожном ожида-

нии — только оглушительно трещали и падали пылающие деревья.

Саманта первой заметила округлое пятно, быстро приближающееся по воздуху со стороны Туманных гор. Она пристально вгляделась: конечно, она уже видела эти оранжевые полосы на зеленом фоне. Это вертолет, вертолет из Центра!

Через несколько секунд вертолет, грохоча винтами, завис над поляной. И тут же биороботы, словно по волшебству, как бы окаменели, даже глаза у них погасли.

Вертолет медленно опустился на опушку леса. Сильный ветер гнал пламя от холма, и здесь было, к счастью, пока безопасно. Распахнулась овальная дверца, выдвинулся металлический трап, и вниз неуклюже спустился Пекарь в своем мешковатом комбинезоне. Биохимик был хмур и даже не взглянул на холм, откуда раздавались приветственные крики ребят. Вслед за Пекарем на землю осторожно спустились Нейла Эмингс и незнакомый худощавый мужчина в строгом черном костюме. Одновременно с неба камнем упал второй вертолет со знаком красного креста. Из него выскочили несколько санитаров в белых халатах и, держа под мышками складные носилки, помчались к стражу и Элдису, лежавшим у валуна.

Было ясно, что всех ожидает малопрятный разговор. Саманта сбросила вниз лестницу и, быстро сойдя на землю, встала рядом с растерянным Ребинсом. Хоббита и след простыл: как только над поляной появился первый вертолет, он счел за самое благоразумное спрятаться в норку, но так, чтобы все видеть и слышать.

Эдмунд сразу оценил всю сложность ситуации. С трудом встав на ноги, он жестом отстранил врачей и шагнул навстречу прибывшим.

— Рад вас видеть, сэр, — хрипло произнес он, отдавая честь седмому мужчине. — Рапортую, что во вверенной мне части Территории...

Мужчина из Центра небрежно махнул рукой. Его вытянутое непроницаемое лицо, наполовину закрытое большими очками в старомодной роговой оправе, выражало крайнее раздражение.

— Бросьте, Нед, мы и так прекрасно видим, что здесь творится, — кивнул он в сторону замерших в боевом порыве богатырей. — Хотя видеть — еще не означает пони-

мать. Скажем, эта схватка между двумя войсками Черного Властелина — как такое могло произойти? Уму непостижимо...

— А меня поразило другое! — с горячностью воскликнул Эдмунд, не обращая внимания на предостерегающие жесты Пекаря. — Откуда у этого сопляка, — он кивнул в сторону Элдиса, над которым хлопотали согнутые фигуры врачей, — оказались УПК и серебряный свисток назгулов?..

— Вы напрасно пытаетесь сбить сэра Томанга, — немедленно прервал его звенящий голос мисс Эмингс, не сводившей со стража ненавидящего взгляда. — И не надейтесь отвлечь нас от истинных виновников происшествия! — Она выразительно кивнула в сторону замка, перед которым в растерянности стояли Саманта и Робин. — Вы еще не знаете, что за штучка эта девчонка...

Сэр Томанг недовольно взглянул на начальницу Станции, и та невольно прикусила язык.

— Все получают по заслугам, — пробурчал он. — Никого не обидим... Но в любом случае начнем не с детей, а со взрослых. Вы как считаете, Патрик?

— Как наставник Саманты и Робина я готов отвечать перед Государственной комиссией. Признаюсь: не углядел за сорванцами! Больно шустрыми они оказались... Но как один из руководителей профсоюза ученых и инженеров, занятых в Проекте, я поставлю перед комиссией и несколько неприятных ей вопросов. Только сейчас мы начинаем сознавать, что Проект стал оборачиваться какой-то жуткой стороной...

— Еще какой! — горько поддержал его Эдмунд. — Опоздай вы хоть на полчаса... Но дело даже не в этом. Если верно то, о чем здесь проболтался Элдис...

Нейла Эмингс, разгневанно блестя глазами, прервала стража:

— Ну, знаете, если мы всерьез будем прислушиваться к фантазиям какого-то мальчишки...

— Тем не менее вы же предлагаете более чем серьезно отнестись к этой девочке, Саманте... или Эмми? Я уже запутался, — поморщившись, сказал сэр Томанг. — Чуть ли не начать против нее уголовное дело! А вот у меня есть подозрение, что УПК и назгулов свисток Элдису передали лично вы. Зачем? Разве психически неустойчивому маль-

чишке можно давать в руки такую власть, да еще в охоте на живых людей?

Пекарь, не выдержав, подмигнул стражу — похоже, события развивались далеко не по сценарию мисс Эмингс. Начальница Станции вспыхнула и дрожащим от возмущения голосом произнесла:

— Сэр Томанг, при всем моем уважении к вам, вы еще не Председатель Государственной комиссии... И вряд ли им будете. А Элдиса я в обиду не дам. Что из того, что мальчик немного перестарался? Конечно, не стоило посылать его вдогонку за беглецами, но кто знал, что Гэндальф превратит дружескую встречу в побоище? Мальчик волею-неволей должен был защищаться. Его вынудили эти... эти преступники! Да, преступники. Как иначе назвать людей, пытавшихся в обход закона проникнуть в тайны Проекта! Совершенно очевидно, с какими целями и по чьему приказу. Тех, кто мечтает о подрыве нашей мощи, а в перспективе — и о гибели нашего строя! Это они послали на мою Станцию закоренелую бунтарку Эмми Карлейн под чужим именем и вредительски испортили программу войска Черного Властелина. — Нейла кивнула в сторону застывших богатырей. — Впустую потеряны годы работы и потрачены миллионы долларов! Как можно проводить Игры, если герои русских сказок оказались благородными, добрыми существами? С кем прикажете воевать ребятам, несущим кольца Всевластья, — может быть, с троллями? Да осознаете ли вы, сэр Томанг, всю сложность создавшейся ситуации? Проекту грозит крах. Да, крах! Как наша страна будет воспитывать подрастающее поколение, которое буквально заражено антисоциальными идеями? Я думаю, Президент будет весьма недоволен, если Проект «Война сказок» не начнется в установленный срок.

— А может, ему и не надо начинаться? — тихо сказал Пекарь, обменявшись взглядом со стражем.

Представитель Центра еще больше нахмурился: видимо, доводы мисс Эмингс произвели на него впечатление. «Хм, — подумал он, — а эта чертовка прямо намекает, что отец Элдиса заседает в Сенате и не даст своего дражайшего отпрыска и пальцем тронуть... Конечно же, он примет участие в формировании Государственной комиссии, и еще не ясно, как обернется дело. Если я встану на сторону Пекаря, Саманты и других бунтовщиков, то рискну оказаться в черных списках накануне своего ше-

стидесятилетия! Надо подумать, хорошенько подумать... Принципы принципами, а у меня растет четверо внуков».

— Ладно, дискуссию мы отложим до более удобного времени,— сухо произнес он, заложив руки за спину.— Патрик, распорядитесь, пожалуйста, чтобы через два дня здесь все было приведено в порядок! А сейчас грузите на вертолет своих сорванцов — и в Центр! Сейчас важно, чтобы информация о происшедшем не вышла за пределы Территории. Общественное мнение — штука серьезная, и если хоть что-нибудь порочащее Проект попадет в газеты...

— Обязательно попадет,— сказал Пекарь, с трудом сдерживая улыбку.— Непременно!

И только сейчас мерное жужжание, раздававшееся со стороны холма, привлекло всеобщее внимание. Подняв головы, люди с изумлением увидели, как в воздух взмыл серебристый флайер. Под его прозрачным коллаком, тесно прижавшись друг к другу, сидели Саманта, Робин и Гэндалф, на коленях которого, скорчившись, еле уместился хоббит.

— Остановите их! — закричала мисс Эмингс, вцепившись в руку представителя Центра.— Дайте команду задержать беглецов! Вы понимаете, что произойдет, если им удастся уйти?

— На тихоходном вертолете такую машину, как флайер, не догонишь,— с непроницаемым лицом ответил сэр Томанг, но в его глазах пробежал лукавый огонек.— Истребителей же или зенитных ракет в моем распоряжении нет... Патрик, вы что, заснули — я вас просил заняться делом!

— Есть! — встрепенулся Пекарь, подмигнув стражу.— Ручаюсь, что через час пожар будет потушен! Эдмунд, у вас в замке есть флайер, я хотел сказать — еще один флайер?

Страж, провожая взглядом серебристое пятно, удалявшееся в сторону гор, восхищенно пробормотал: «Ну и девчонка!» — и приглашающе махнул рукой Пекарю. Скользя по осыпающимся камешкам, они поднялись на склон и направились к чуть наклоненной серой громаде замка.

— Как все неудачно кончилось,— пробормотала Нейла Эмингс.— Как неудачно...

— Кончилось? А по-моему, все только начинается,— с

иронией произнес сэр Томанг.— Пожалуй, нам пора лететь — здесь отлично справятся и без нас. И похоже, не только здесь...

Через минуту, сверкая полупрозрачными зонтиками винтов, вертолет тяжело поднялся в воздух, оставив внизу, на холме, героев древних сказок, застывших в боевом порядке.

Великий маг Гэндальф оказался прав: волшебная игра кончилась.

Впереди Саманту и ее друзей ждали новые испытания.

«МЕЧ ВРЕМЕНИ»

Часть 1

КОСМОМУЗЕЙ

ГЛАВА 1

Вий проснулся от боли в правом боку. Шумно вздохнув, он тяжело заворочался в углу, ощупывая жесткий металлический пол трюма огромными костистыми лапами. Старая дерюга, сшитая из нескольких джутовых мешков руками заботливой Саманты, сползла с его дубообразного тела и запуталась в длинных, словно метлы, ресницах.

— Вот, нашел,— хрипло прошептал гном, доставая из-под себя крошечного, тихо верещавшего робота-уборщика, похожего на ананас.— Это что же, я на этой штуке всю ночь проспал? Сэмбо, друг, куда ты вчера вечером смотрел, когда мы забирались в эту душегубку вонючую?

Хоббит, спавший под стойкой полуразобранных ржавых корабельных весов, сладко зевнул и пробормотал, протирая заспанные глаза:

— Куда, куда... Очень даже глупый вопрос — куда. Ясное дело, что искал местечко от тебя подальше!

— Это еще почему? — немедленно обиделся Вий.

— А потому, что ты, милый, уж очень любишь ворочаться во сне,— охотно пояснил Сэмбо.— Гэндальф, даром что маг, и тот к полуночи выбрался наружу из трюма — так оно безопасней. А уж храпишь ты словно дракон-пенсионер, аж уши закладывает...

— Ладно, ладно,— добродушно прогудел Вий, осторожно выпутывая дерюгу из ресниц.— Уж и храпануть разок-другой нельзя от души! Мало того, что вторую неделю по вашей милости сидим на этой свалке и, словно кроты, прячемся от солнечного света по всяким железным норам... А кормежка — Кощею Бессмертному не пожелаю! Мне витамины позарез нужны — особенно С. У тебя, случаем, в кармане морковка не завалилась?

— Обжора...— пробормотал хоббит и бросил другу слегка надкушенный огурец, который Вий проглотил на лету с удивительной для его массивного тела ловкостью. Раздалось короткое смачное чавканье.

— Есть один витамин С! — радостно заметил гном, облизнувшись. — Но одного мало. Мне нужны еще витамин А — для глаз, чтобы смотрели, витамин Д — для ума, чтобы соображал, а еще...

— До чего же вредно среднее образование для вас, виев, — буркнул Сэмбо, неторопливо расчесывая в полумраке гребешком мягкую шерсть своих коротеньких ног. — Надо будет сказать Саманте, чтобы она послала тебя к вечеру на помощь капитану. Половишь нетопырей, займешься любимым делом, а не то совсем квалификацию потеряешь... Небось одними веками уже и не поймаешь?

— Будь спок, — хладнокровно сказал Вий, присев на корточки и на ощупь отыскивая люк на ржавой стене трюма. — Не учи водяного плавать... Э-эх, холодища-то какая сегодня — словно на болоте сидим!

За бортом древнего, давно списанного по негодности лунного космостанкера висела пелена молочного тумана, пропитанного запахами ржавчины, машинного масла и разлагающейся пластмассы. Утреннее апрельское солнце розовым пятном просвечивало невысоко над горизонтом, обещая теплый день, и у Сэмбо сразу поднялось настроение. Подскочив к люку двумя лихими прыжками, он звонко крикнул:

— Эй, где вы там? Гэндальф, сотвори костер с чайком, а то мы с Вием заиндевели по самые уши! Робин, малыш, ты что, еще дрыхнешь?

Сэмбо прислушался. Глухое эхо прокатилось в тумане, как будто они находились где-нибудь среди скал. Да так, собственно, и было, только скалы вокруг были особые...

Под косыми лучами солнца туман стал быстро подниматься, и вскоре хоббит вновь увидел удивительную панораму, к которой он так и не смог привыкнуть за прошедшие дни. Сначала, как на фотографии, внизу появились мощные бетонные плиты, заваленные покореженной электроникой. Затем в двух десятках метров от хоббита стала вырастать темная металлическая стена, покрытая ржавыми потеками. Еще несколько минут, и у подножия стены можно было отчетливо разглядеть гнутые стабилизаторы,

ромбовидные лапы опор, и вот уже огромный, выдавший виды космолет типа «Марс-М4» полностью появился из расплывавшейся белесой ваты, словно чудовищный железный дуб. А за ним из тумана выплыл второй полуразрушенный корабль, третий, четвертый...

Хоббит при виде отслуживших свой срок исполинов невольно поежился. Никогда еще он не чувствовал себя так неуютно, как на этом кладбище старинных космолетов. Неужто Саманта не могла найти для них убежища получше? Скажем, отлично можно было спрятаться в пещерах у подножия Скалистых гор, или...

Он вдруг с ужасом почувствовал, как его ноги отрываются от пола. Могучая лапа Вия неспешно подняла хоббита в воздух, и сильный голос оглушительно рявкнул у него над ухом:

— Эй, Гэндальф, где ты спрятался, старый колдун? Мы чаю хотим кушать...

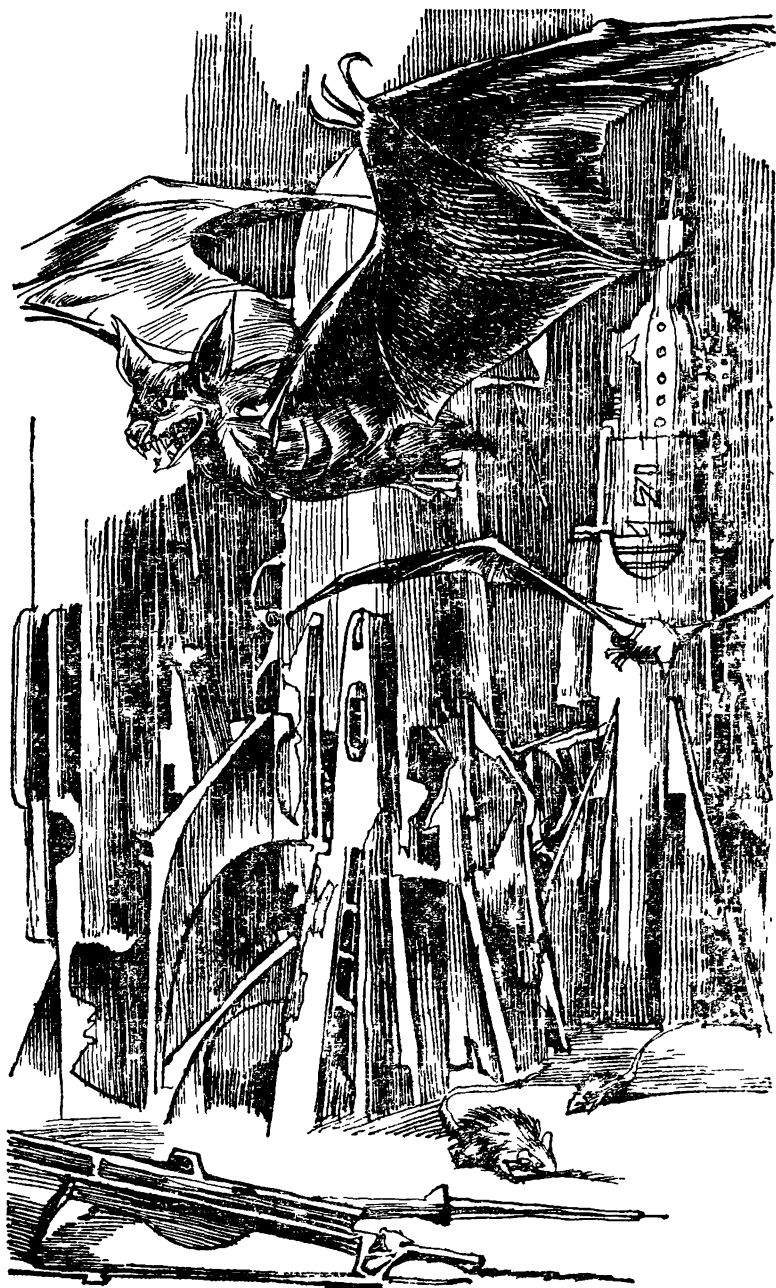
«Ку-у-у!...» — прокатилось гулкое эхо, вспугнув стаю ворон, мирно дремавших где-то наверху, в носовых отсеках кораблей. Раздраженно галдя, вороны сделали круг над космотанкером и вдруг испуганно метнулись в сторону. Над кладбищем космических кораблей повисла звенящая тишина.

Из-за овального, чуть перекошенного корпуса юпитерианского сухогруза выплыл нетопырь, плавно взмахивая перепончатыми двухметровыми крыльями. Уродливая маленькая головка с длинными, как у осла, ушами и тонкой шеей, прикрепленной к бурому, похожему на бурдюк телу, плавно покачивалась из стороны в сторону — похоже, нетопырь тоже хотел позавтракать.

— Э-эх, высоко летит, шельмец, — еле слышно прошептал Вий, выразительно облизываясь и глотая слюну. — Я бы его одним веком сшиб, как муху, кровопийцу этакого-разэтакого...

Внезапно откуда-то снизу молнией прочертила воздух белая нить, и длинная стрела со звоном ударилась в бок летающей твари, прямо в блестящие роговые пластины, защищающие его тело. Нетопырь дернулся, угрожающе зашипел и, лихо развернувшись, спланировал в тень танкера.

— Неудача, — добродушно констатировал Вий, бережно опуская перепуганного Сэмбо на пол — хоббит до дрожи боялся всяческой нечисти, в изобилии водившейся в

окрестных металлических джунглях.— Эй, Робин, пора бы стрелять научиться, нечего народ смешить!

Ухмыльнувшись, мальчик выпрыгнул из распахнутого люка сухогруза на растрескавшееся бетонное покрытие и издали приветственно помахал друзьям рукой.

— Доброе утро! — закричал он, поднимая над головой лук.— Пошли к капитану — нас приглашает Саманта!

— Саманта — это хорошо, — оживившись, прогудел гном, спрыгивая прямо в груды перекореженного металла, в котором смутно угадывался корпус радионавигационной станции космолета.— Значит, блины будут. С маслом, а может, даже со сметаной. Ты любишь блины со сметаной, Сэмбо?

Хоббит, пытаясь перелезавший через ржавый блок гидростабилизаторов, только хмыкнул в ответ. От голода у него урчало в животе. Но больше всего ему хотелось оказаться в теплом уютном доме капитана, улежаться — не на опостылевшем прелом поролоновом тюфяке, а на мягком, пахнущем ромашками диване — и подремать всласть под неспешную беседу друзей.

У него было предчувствие, что впереди их ждут приятные перемены.

Небольшой деревянный домик капитана Гордона, смотрителя музея космоплавания, располагался в нескольких десятках метров от гигантского бетонного забора, неприспособленной стеной огораживающего обширное пространство площадью около десяти квадратных километров. Из-за густой светло-зеленой пелены цветущего вишневого сада выглядывала простая двускатная крыша, покрытая красной черепицей, а рядом высился тонкий шпиль высокой сторожевой башни с округлой наблюдательной площадкой. Гараж и мастерские были вынесены за пределы приусадебного участка на квадратную асфальтированную площадь с темными пятнами корабельного масла. Ворота гаража были распахнуты, и перед ними стоял приземистый красный пескоход, лениво перебирая суставчатыми лапами с широкими плоскими ступнями. Некогда ему пришлось измерить вдоль и поперек дно многих марсианских морей. Теперь, на старости лет, пескоходу приходилось делать лишь нетрудные дежурные обходы по музею космического

старья, где среди свалки мусора ему нередко попадались скелеты менее удачливых сородичей. От частого созерцания картин краха и разложения некогда замечательной техники красный пескоход стал циником и философом и на этой почве близко сошелся с Вием.

Сейчас, ранним утром, он пребывал в состоянии томной полудремы и поэтому лишь слабо махнул в знак приветствия одной из своих шести стальных ног, когда мимо него прошествовали Робин, Сэмбо и могучий гном, как всегда путавшийся в собственных веках. Лишь плывущий из раскрытых окон дома свежий запах горячих блинов, смешанный с ароматом цветущего сада, удерживал гнома от обычного нытья.

Стол был накрыт рядом с террасой, под раскидистой кроной старой яблони. Саманта в свежем розовом переднике, тихо напевая, расставляла на чистой белой скатерти тарелки с бутербродами. Тут же стояли несколько дымящихся кофейников и, специально для Вия, огромный самовар, спаянный умелыми руками капитана Гордона из латунных листов обшивки салона десантного космокатера. Посреди стола на большом блюде возвышалась солидная горка поджаристых блинов, истекающих янтарным маслом.

— Что празднуем? — вежливо поздоровавшись, спросил Вий, аккуратно усаживаясь на титановое сопло, служившее ему табуреткой. — Никак, у кого-то юбилей?

— Забыл? — Улыбаясь, Саманта поправила свои длинные соломенные волосы. — Кто хвастался, что у него скоро день рождения?

Бывший Черный Властелин охнул и с досадой хлопнул себя могучей ладонью по густо заросшему лбу — аж звон вокруг пошел.

— Надо же — совсем из головы вылетело! Ну точно, пятого апреля, как сейчас помню, выпекли меня на восточной Станции! Склероз совсем одолел на старости лет... И то сказать, два года уже живу — для нас, биороботов, это не шутка...

Сэмбо хихикнул, но так, чтобы обидчивый гном не услышал. Он достал из кармана давно припасенную синюю коробочку и торжественно протянул ее другу:

— Дарю тебе штуку, которая называется поливитамины. Здесь есть витамины А, В и...

Не успел он договорить, как Вий, раскрыв огромный рот, украшенный двумя рядами острых, как у акулы,

зубов, мигом проглотил всю упаковку разом и замер с кислым выражением на грубом, словно вытесанном топором лице.

— Вий! — укоризненно произнесла Саманта под хохот развеселившегося Робина. — Это же вредно — сразу принимать столько таблеток, да еще в нераскрытой упаковке.

— Ничего, — Робин давился от смеха, — слуги его раньше и не так потчевали. Помнишь, Саманта, когда мы первый раз подлетали на флайере к Черному замку, Вий сидел на бревне и маялся животом? Съел, понимаешь, две пары сапог из свиной кожи, вот и прихватило...

Теперь откровенно хохотали уже все, и только Вий обиженно поджал толстые губы:

— Из-за вас же пострадал, а они еще смеются! Кто вас прятал добрые полгода в своем замке под видом леших, ведьм и всякой другой лесной нечисти? Я, Вий, Черный Властелин, повелитель Территории, самый красивый, замечательный и умный гном на свете! — Бисробот встал и гордо подбоченился. — И кормил я вас не подошвами от сапог, что приходилось самому лопать, а самыми жирными зайцами и лесными куропатками. Думаете небось, что нам, роботам, можно питаться железными гайками вместо жаркого? Да и не об одной жратве разговор... Помнится, с Гэндальфом не мог на меня нахвалиться, когда я раздобыл ему на складе в Центре запасные аккумуляторы, а вы...

— Прости, Виошшка, мы не хотели тебя обидеть, — ласково сказала девочка, подходя к гному и поглаживая его по могучей волосатой руке. — Без тебя прошлой зимой нам пришлось бы тяжело...

Вий смущенно закрыл глаза длинными веками и блаженно вздохнул:

— Ладно, я уже успокоился... Я вот чего жду: меня будут сегодня поздравлять или нет?

Робин не успел раскрыть рта, как где-то невдалеке тревожно загудела сирена. Стеклопанное око телекамеры, укрепленное на смотровой площадке башни, стремительно вертелось из стороны в сторону, издавая неприятный скрежет.

— Бежим, Вий! — крикнул Робин, выскакивая из-за стола и на ходу хватая со скамейки автоматический карабин. — Капитану нужна помощь! Ну, чего ты копаешься?

Гном мигом смахнул со стола в раскрытую пасть полstopки горячих блинов, а заодно и кофейник вместе с крышкой и двухметровыми шагами последовал за Роби-

ном. Он любил, когда объявляли тревогу: было где поразиться его могучему телу.

— Ежели опять нетопыри — всех перебью, паршивцев, до одного! — приговаривал он зычно. — Ну, если нетопыри!..

У гаража, нетерпеливо перебирая лапами, ждал пескоход.

— Опять опаздываете, — скрипучим голосом произнес он, неодобрительно косясь фарами. — На Марсе нас давно бы прихлопнул любой смерч или ураган, если бы мои косморазведчики были бы такими черепахами! Ногу, ногу убери, Вий, куда же ты на тормоз ее ставишь, деревенщина?

Взвизгнув рессорами, пескоход лихо развернулся и помчался, словно огромный жук, по центральной трассе, пронизывающей свалку железного хлама с севера на юг. Мимо мелькали корпуса старых кораблей конца двадцатого века, покрытые толстым слоем копоты. Почти тридцать лет назад списанные космолеты по решению ООН начали привозить сюда, в пустынные места штата Аризона, на территорию бывшего танкового полигона. Сначала здесь организовали нечто вроде музея космоплавания под открытым небом, но через несколько лет его закрыли: слишком уж опасными экспонатами оказались бывшие пассажирские лайнеры... И месяца не прошло после того, как музей был открыт для посетителей, а уже трое неосторожных экскурсантов погибли под обломками внезапно рассыпавшегося меркурианского космокатера и еще восемь получили серьезные ранения в момент взрыва остатков топлива на околосредней заправочной базе. Случилось и еще несколько странных происшествий, о которых охочая до всяческих сенсаций пресса предпочла ограничиться самыми скудными, почти телеграфными сообщениями. После всего этого музей космоплавания выдержал нашествие десятков разнообразных комиссий. О результатах их деятельности широкая публика так и не узнала, но жителей двух близлежащих поселков в срочном порядке эвакуировали в другие районы страны. Последнее, что они увидели, когда грузились на броневики, были колонны грохочущих роботов-кранов, приступающих к возведению высоченной ограды.

...Робин пристально вглядывался в обводы мелькающих по обеим сторонам от трассы космолетов, крепко сжимая в

руках карабин. Его длинные смоляные волосы развевались по ветру, глаза были недобро сощурены. Мальчику было странно вспоминать, что еще недели две назад он лазил по этим необъятным механическим джунглям, воображая себя то космическим Маугли, то героем — покорителем далеких миров. Но после того как во время одного из путешествий на него напала стая крыс-мутантов, он старался не выходить из дому без оружия. И если бы опасными были только одни мутанты...

— Стой! — крикнул он, уловив еле заметное движение на носовой ступени одного из черных, покрытых гарью и окалиной марсианских лайнеров. — Стой, тебе говорю!

Заскрипев тормозами, пескоход резко остановился, выбросив в сторону движения передние ноги, аж искры засверкали.

Благодарушно дремавший на заднем сиденье Вий едва не вылетел из кабины и, чертыхаясь, завертел косматой головой по сторонам.

— Чего встали! — заорал он, забрасывая на плечи вечно мешающие ему веки. — Здесь же никого нет!

Вместо ответа Робин встал, широко расставив ноги, и не спеша поднял круто вверх тяжелый карабин. И тогда гном заметил, как из раскрытого настежь люка одного из космолетов медленно выползает странное шарнирное устройство, увенчанное широким серебристым раструбом. Покачиваясь из стороны в сторону, словно голова гигантского питона, раструб жадно ловил жидкие лучи поднимающегося над горизонтом солнца.

— Ишь ты, словно лиса нос из норы показала, — добродушно сказал Вий, вновь разваливаясь на мягком сиденье, которое жалобно заскрипело под его массивным телом. — Будто кур на лугу высматривает... А ну-ка, Робин, пугни его как следует!

— Еще чего! — забурчал пескоход, встряхнувшись так, что Робин полетел вверх тормашками прямо на гнома. — А может, оно тоже жить хочет! Сначала, понимаешь, понапихали в корабли всякую электронику с сотнями бортовых ЭВМ, а потом недовольны, что эти мозги кое-что соображают. Нужно им как-то питаться? Нужно. Батареи да аккумуляторы кто им меняет? Никто не меняет. И когда бедные ржавеющие мозги из последних сил сооружают всякие приспособления, чтобы глотнуть немного живительных лучей солнышка, вам, людям, не терпится

показать, кто здесь хозяин. Хорошо еще, что Робин парень не злой, не то что некоторые...

— Разговорился! — буркнул Вий, недовольно поджав губы. — Много воли калитан вашему брату дает. Железо, сколько его током ни корми, все к железу тянется...

— А сам-то кто? — завопил разобиженный пескоход. — Ни человек, ни робот — ни то ни се...

— Что? — проревел Вий. — Что ты сказала, несчастная консервная банка?

— Хватит, хватит! — прикрикнул на обоих спорщиков Робин, вновь усаживаясь на сиденье. — Нашли время прекратиться! Наши в опасности, а эти недотепы...

Он не успел договорить — машина так мощно рванула с места, что парень снова чуть не упал. Подняв облако лежалой пыли, пескоход повернул направо, в один из узких переулков между сравнительно новыми кораблями, поставленными на прикол всего десять лет назад. Ловко лавируя среди груд электронного хлама, машина через несколько минут бешеной гонки вырулила на квадратную площадку, в центре которой, в сети решетчатой верфи, стоял полусобранный космосамолет. Над ним широкими кругами планировали нетопыри, суставчатые лапы которых были увенчаны серповидными когтями. Площадь кишела сотнями жутких существ, отдаленно напоминавших крыс, серых, с короткой густой шерстью и зубастыми головами на толстых коротких шеях. Крысы-мутанты волнами накатывались на невысокую метровую ограду из разнокалиберных металлических панелей, и каждый раз снопы жалящих искр прожигали их веретенообразные тела насквозь.

Первыми заметили новых противников нетопыри. Из середины стаи тотчас вынырнули три летающие твари и, гортанно клекоча, ринулись к пескоходу.

Робин поднял было карабин, но огромная лапа Вия тяжело легла ему на плечо.

— Передохни, малыш, — успокаивающе сказал гном, лениво косясь на стремительно приближающиеся крылатые тени. — Сделай дяде Вию подарок ко дню рождения.

Нетопыри, оглушительно галдя, были всего в нескольких метрах от изрядно струхнувшего мальчика, когда Вий внезапно вскочил и быстрым движением лопатообразной длани поймал за ногу одного из хищников. Получив основательную оплеуху, нетопырь с гортанным клекотом

бросился удирать и через несколько секунд скрылся за соседним космолетом. Остальные хищники, растерянно галдя, вновь поднялись высоко в воздух.

— Неплохо для начала, — добродушно сказал Вий, неуклюже слезая с пескохода. — Что-то я, братцы, засиделся в трюме — пора и косточки размять!

Крысы-мутанты, учуяв нового соперника, дружно повернулись, ощерив зубастые пасти, полные желтой, пенящейся от бешенства слюны, и замерли. Вид косматой фигуры гнома, гулко топающего по бетонным плитам босыми слоноподобными ногами, гукая и весело посвистывая, вызвал у них страх. Поджав хвосты, стая хищников бросилась врассыпную. Не прошло и двух минут, как площадь опустела.

— Ну вот еще — что за шутки? — рассердился Вий, засучивая рукава на могучих волосатых руках. — Я зачем из машины вылезал? Эй вы, нетопыри, дайте добру молодцу потешиться!

Но в небе плыли только перистые облака. Разглядев как следует опасного противника, летающие твари сочли за лучшее убраться подобра-поздорову.

— Чепуха какая-то, — растерянно озираясь, пробормотал гном. — Только что здесь были... И много! Э-эх... — Шумно вздыхая, он уселся прямо на бетонные плиты и предался горестным размышлениям, подперев скулу бочкообразным кулаком.

Неожиданно из-за верфи выплыла мглистая фигура. Очертаниями она слегка напоминала дубообразную фигуру Вия, но была раза в три выше и толще. Размахивая руками, зловещий гость стал подплывать к гному, что-то заунывно бормоча и завывая.

Вий тотчас вскочил и встал в боксерскую стойку, как научил его Робин. Когда мглистый незнакомец был в нескольких шагах от него, Вий прыгнул вперед и нанес ему тяжелый удар в солнечное сплетение. И... рухнул, пройдя через туловище исполина, как сквозь облако тумана, и не удержавшись на ногах.

— Чтобы меня черти разодрали, если это не Гэндальф! — завопил Вий, тяжело подымаясь с земли и потирая быстро вздувающуюся на лбу шишку.

И верно, из-за фюзеляжа космосамолета показалась худая, чуть сгорбленная фигура мага, как всегда укрытая широким серым плащом с глубоким капюшоном.

— Прости, Вий, не удержался,— виновато сказал он, но в больших голубых глазах, глубоко посаженных под мохнатыми бровями, искрилась улыбка.— Я хотел напустить эту тень на нетопырей, а тут ты под руку подвернулся...

— Как же, испугались бы они твоей тени! — громогласно расхохотался Вий, все еще обалдело встряхивая головой.— Ну и славно я приложился — аж в ушах звенит...

Через десять минут за грубо сколоченным столом собрались Гэндальф, Робин с Вием, Эдмунд, бывший страж Территории, и капитан Гордон, смотритель космомузея. Потягивая из больших глиняных кружек шипучий эль, они неспешно обсуждали создавшееся положение.

— Третий раз за неделю эти твари нас осаждают,— озабоченно сказал капитан — высокий, грузный мужчина с широким, в глубоких морщинах лицом, пятнистым от неровного загара. Седые короткие волосы, выглядывавшие из-под потертой форменной фуражки с золотистой эмблемой космофлота, говорили о его солидном возрасте, но карие с зеленоватым оттенком глаза смотрели по-юношески молодцевато.

— Неспроста это, согласен,— вяло протянул Эдмунд, машинально потирая впалые небритые щеки.— Такое ощущение, что кто-то их на нас натравливает. Что скажете, Гэндальф?

Маг пожал плечами:

— Несколько недель мы прячемся здесь, и каждый день я чувствую какую-то противостоящую нам силу. Вчера вечером, например, кто-то вывел из строя энергетический кабель в двигательном отсеке самолета. Похоже, это были крысы, однако грызть свинцовую оплетку да ломать зубы о медные жилы — удовольствие небольшое. Хорошо еще, что кабель не был под током... Только короткого замыкания нам не хватало! Хотел бы я знать, кто этих крыс направлял и чего хотел добиться. Джордж, у вас есть какие-нибудь разумные соображения на этот счет?

Капитан поморщился и сделал несколько неспешных глотков эля.

— Нет у меня никаких разумных соображений,— буркнул он, не поднимая глаз от стола.— Только неразумные, но они не в счет. Одно скажу: как только вы уговорили меня заняться сборкой самолета, активность на моей

свалке возросла. И биологическая, и механическая, и какая хотите. Еще прошлой осенью я раз в месяц видел нетопыря, да еще издалека, а теперь только успевай от них уворачиваться. И с железяками никакого сладу нет — так и прет из них всякая механическая живность... Робин, ты где сегодня видел энергоприемник?

— На двенадцатой линии, в квадрате ба,— жуя бутерброд, ответил мальчик.— Лайнер 18 дробь 4, генуэзской верфи...

— Так я и думал,— кивнул капитан Гордон.— Особо марсианские лайнеры оживились — я это давно заметил. Если дело пойдет такими темпами, мы и до осени космосамолет не соберем. А в сентябре мне по плану должны подбросить еще два десятка орбитальных барж да три патрульных катера из пояса астероидов. Комиссий, как всегда, понаедет, и, если они увидят...— Он выразительно кивнул в сторону полусобранного фюзеляжа.

— Нет, Джордж, до осени нам тянуть нельзя,— резко вмешался в разговор Эдмунд.— Сами понимаете, в какие опасные игры мы играем...

— Ничего я не понимаю! — рассердился капитан, отодвигая в сторону недопитую кружку.— Все ваши измышления насчет угрозы из космоса, простите, чистейшая фантастика. Подумайте лучше, в каком сложном положении вы оказались. Аферу со Страной Сказок вы распутали, и вам за это большое спасибо! Но правительство не простит вам такого скандала. Не зря все газетенки с таким наслаждением уже полгода жуют на все лады историю с гибелью Нейлы Эмингс в результате пожара на Станции!

— Мы не имеем к этому ни малейшего отношения,— нахмурившись, резко сказал Гэндалф.— Мы укрылись в Барад-Дуре, замке Черного Властелина, и ни разу не покидали границы Мордора — Вий может засвидетельствовать это!

— Точно,— добродушно прогудел гном.— Сидели тихо, не высывались, как сурки в норах...

— Бросьте, Гэндалф,— раздраженно махнул рукой капитан.— Если бы я не верил вам, то вряд ли влез бы в эту авантюру с космосамолетом... Но факт есть факт — в глазах многих обывателей вся ваша сказочная компания оказалась простой бандой экстремистов, которую наша доблестная полиция разыскивает по всей стране. Что сделали бы на вашем месте умные люди? Затаились бы в

укромном месте на год или два, в крайнем случае бежали бы за границу. Доказать суду все равно ничего не удастся — все факты против вас тщательно подобраны профессионалами высокого класса... А у них голова болит о другом: как бы сделать еще одно доброе дело и спасти Землю от очередной напасти!

— Почему же только Землю — мы и самих себя хотим спасти! — насмешливо сказал Эдмунд, отодвигая кружку в сторону. — Вы думаете, от «меча времени» можно будет укрыться в каком-нибудь, как вы выражаетесь, укромном месте?

Капитан Гордон шумно вздохнул:

— Опять этот мифический «меч времени»... Никогда раньше не слышал о такой штуке! О нейтронной бомбе слышал, о проекте СОИ слышал, не говоря уже о проклятом биологическом оружии, но ни разу ни в одной газете...

— Мы же рассказывали вам, Джордж, о загадочном дневнике, который обнаружили в Барад-Дуре, — терпеливо сказал Гэндальф, искоса поглядывая в небо, где вновь появилось несколько нетопырей. — До Вия роль Черного Властелина играл киборг Саурон, который через три месяца после вступления в Игру неожиданно выбросился из окна замка на скалы... Я верю, что его заставила сделать это больная совесть. До того как превратиться, подобно мне, в киборга, Себастьян Колен был известнейшим космоконструктором, участвовал в развертывании военной программы СОИ. Из записей Колена мы и узнали о каком-то сверхсекретном оружии под названием «меч времени», для которого была создана специальная космическая станция-невидимка «Ахилл»...

— Никогда не слышал о такой станции, — буркнул капитан. — После мирного договора все данные об орбитальных станциях рассекречены, и, я вас уверяю, в каталоге НАСА никакого «Ахилла» не значится!

— Вы запрашивали Центр? — изумленно вскинув голову, медленно произнес Эдмунд. — Когда?

— Ну, точно не помню... Дней десять назад. А что удивительного в том, что смотритель космомузея интересуется орбитальными станциями?

Маг с кибернетиком обменялись тревожными взглядами.

— Ох, и маху вы дали, дядя Джордж!.. — выдохнул Робин, испуганно вытаращив глаза. — Я же нашел на

вашей свалке космосамолет с эмблемой «Ахилла», разве этого мало? Эдмунд прощупал программу автопилота, нашел программу полета, которая привела бы нас на станцию-невидимку, а теперь...

— А теперь жди гостей,— сухо сказал Гэндальф, вставая из-за стола и укоризненно смотря на смущенного Гордона.— Вы думаете, Джордж, вся эта липовая история с пожаром и гибелью Нейлы Эмингс придумана только из жажды мести за раскрытие нами тайны Территории? Как бы не так... Среди полицейских ищек немало толковых ребят, и они, конечно же, уже установили, где мы скрывались почти полгода... А дальше уже несложно нащупать нить, ведущую к нам от погибшего киборга, от его исчезнувшего дневника!

— Ничего себе нить! — пожал плечами Гордон.— Тоньше волоска... И вообще, все это чистейшей воды авантюра. Хорошо еще, что нам с Эдмундом удалось найти среди железного хлама парочку ремонтных роботов — так что, дай бог, эту тарантайку мы со временем и восстановим. Хотя я ни на грош не верю ни в таинственный «меч времени», который якобы продолжает летать над нашими головами, угрожая всем гибелью, ни в коварность тупоголовых полицейских...

Вдалеке послышался стрекочущий шум. Капитан достал из кармана комбинезона складной бинокль и внимательно всмотрелся в темное пятнышко, скользящее высоко в небе.

— Этого еще не хватало,— пробормотал он.— Полицейский флайер! Кажется, это по вашу душу, друзья...

ГЛАВА 2

Инспектор Слейтон сидел, развалившись, в большом пилотском кресле, которое было снято капитаном Гордоном с одного из лунных посадочных модулей, и, потягивая прохладный эль, пристально рассматривал хозяина дома. Золотые аксельбанты инспектора сияли в лучах солнца, проникавших через круглое окно — иллюминатор в небольшой кабинет. Худощавое лицо полицейского выражало крайнюю степень раздражения.

— Напрасно вы тратите время.— Голос капитана был спокойным, чуть усталым.— С таким же успехом вы могли искать заговорщиков на любой городской свалке. Я еще

раз вынужден вам повторить, что в последние полгода на моей территории никого, кроме группы ученых-кибернетиков из Массачусетского института да двух государственных комиссий, не появлялось.

— Комиссий? — насторожился Слейтон. — Зачем сюда приезжали комиссии?

— Ну, это вас совершенно не касается. — Капитан Гордон начинал понемногу сердиться. — Вы забываете, что в моем ведении находится не склад металлолома, а музей космоплавания под открытым небом. Впрочем, музей — это слишком громко сказано... Но учет у меня поставлен неплохо. Быть может, вас интересуют иные вещи — например, не совершаются ли здесь кражи электронного оборудования? Отвечаю: первые годы подобные попытки делались, и неоднократно. Любителей раритетов у нас хватает, коза их задери... Одно время на черных рынках можно было купить радиоприемники, собранные из деталей, побывавших во всех уголках Солнечной системы, и стоили такие приемнички бешеные деньги! Находились и коллекционеры покрупнее. Скажем, один мультимиллионер из Техаса, пресытившись собиранием самолетов, возжелал создать у себя в парке маленький космопорт. Это скандальное дело послужило, кстати, одной из причин постройки пятиметровой ограды, тщательно охраняемой автоматикой.

— А каковы были другие причины? — любопытствовал инспектор.

Гордон понимал, что полицейский ведет легкую разведку. Главные козыри он пока явно придерживал до более удобного момента, но хотелось бы знать, что это были за козыри? Саманта со своими друзьями живет здесь почти месяц и никому постороннему, кажется, не попадалась на глаза. На всякий случай было даже решено воздерживаться от прогулок вблизи ограды, чтобы не попасть в поле обзора автоматических телекамер. И все же полиция здесь, и, судя по основательности, с какой взвод из двадцати человек поставил на площадке у гаражей свои палатки, всерьез и надолго. Но почему, почему?..

— Я так и не услышал ответа на свой вопрос, — мягко произнес Слейтон. — Каковы были другие причины для возведения огромной и дорогостоящей ограды? И как это увязать с одним-единственным охранником, да и то не профессионалом, а просто бывшим космонавтом?

Хозяин дома тяжело вздохнул:

— Не кажется вам, что ваши вопросы выходят далеко за рамки вполне простительного любопытства?.. Не знаю, как вам удалось убедить руководство НАСА дать добро на вторжение в космомузей, но прошу запомнить: многое, связанное с моей работой, находится под охраной грифа «особо секретно». В любом случае это не имеет никакого отношения к той банде преступников, которую вы почему-то решили разыскивать у меня на территории.

— Как знать, капитан, как знать...— благодушно улыбнулся Слейтон, выразительно потягиваясь в мягком кресле.— Полезной для розыска иногда может оказаться самая неожиданная информация. Тем более что шайка преступников, между нами говоря, более чем необычна по составу. Где же ее разыскивать, как не в подобном, неординарном месте?

— Не совсем понимаю вас, Слейтон,— нахмурившись, буркнул капитан. У него стало складываться впечатление, что дело начинает приобретать малоприятный оборот. Похоже, этот полицейский достаточно умен и цепок... Первый штурм инспектору явно не удался, значит, он перейдет к длительной, изнурительной осаде.

— Сейчас поймете,— пообещал Слейтон, закуривая длинную золотистую сигару.

«Венерианские травы, легкий наркотик,— сразу понял Гордон и, вежливо отказавшись от протянутого портсигара, с любопытством взглянул на полицейского.— Ого, одна такая сигара стоит добрые полсотни долларов! Что это, намек? Мол, я человек не простой, облеченный особой властью...»

— Предлагаю прекратить детские игры в кошки и мышки, капитан,— серьезно сказал Слейтон.— Я вовсе не вижу в вас противника — напротив, хотелось бы встретить в вашем лице человека, готового всячески содействовать органам правопорядка. Тем более что, судя по документам, вы и есть такой человек. Буду откровенен: я совершенно уверен, что шайка из пяти... не могу сказать — человек, выражусь осторожнее — существ прячется где-то на Венерных вам квадратных километрах космического хлама. Почему, вы спросите, я называю их существами? А как еще прикажете называть коротышку с волосатыми ногами и длинными густыми бакенбардами, точь-в-точь как сказочный хоббит из книжек Джона Толкина,— вы, надеюсь,

читали их в детстве? Двое других еще кошмарнее... Вам приходилось видеть когда-либо киборгов или биороботов? Но таких, уверяю, вы никогда не встречали. Особенно хорош один, скроенный по образу и подобию великана — гнома. Два с лишним метра рост, лапы до колен, веки с ресницами словно веревки, морда — как у покойника... Словом, компания на славу, один лучше другого. Не думаю, что эта шайка намеревается долго оставаться вне игры. Напротив, у меня есть информация, что группа во главе с девочкой-бунтаркой Самантой готовится к очередным противозаконным действиям, последствия которых непредсказуемы...

— Вы назвали только трех... э-э, существ, инспектор,— с любопытством спросил Гордон.— А кто двое остальных... э-э, бандитов?

— Зачем же так иронизировать, капитан? Бандиты — это уж слишком... Во всяком случае, о тринадцатилетней девчонке-вундеркинде, по имени Саманта Монти, она же Эмми Карлейн, такого не скажешь. Но она — ярый социминус, каких надо поискать! Ей под стать и сравнительно молодой доктор кибернетики Эдмунд Драйден — он сумел долгие годы водить за нос ФБР и числиться весьма благонадежным гражданином. Вы, конечно, слышали эти имена в связи с прошлогодним скандалом в Стране Сказок?

— Что-то смутно помню... Кажется, преследуемая вами шайка правонарушителей раскрыла на Территории... э-э, что-то нежелательное? Мол, создатели Проекта готовили втайне от правительства нечто вроде исправительной колонии для ребят школьного возраста. Я не ошибся?

Инспектор хмыкнул.

— Нечто вроде этого... Добавлю одно: сами понимаете, насчет неведения правительства...

— Понятно,— кивнул капитан.

— Самое неприятное во всем этом деле, что либералы, загнанные было в норы, вновь высунули из подполья свои лисьи головы. Из пустяковой детской истории раздули едва ли не зарождение нового фашистского режима! Население взбудоражено. Впервые за десять последних лет нам, службе правопорядка, пришлось перейти на режим повышенной готовности. В такой ситуации, Гордон, самое главное — задушить рассадник волнений в самом зародыше.

Но это нам не удалось — пока не удалось. Последние полгода, как недавно выяснилось, Саманта и ее сообщники прятались в Стране Сказок, в замке Черного Властелина. К сожалению, они нашли дневник хозяина-киборга и узнали важную государственную тайну. По достоверным сведениям, заговорщики хотят использовать ее во вред государству — в детали, увы, я не имею права вдаваться.

— Все это очень любопытно, — добродушно улыбаясь, произнес капитан. — Но, простите, при чем здесь мои железки? Не хотите ли вы сказать, что группа правонарушителей хочет тайно завладеть каким-нибудь списанным космическим корытом и отправиться на Юпитер?

В его голосе было столько едкой насмешки, что инспектор нахмурился.

— Бросьте, Гордон, — холодно произнес он. — Не считайте нас идиотами! Вот, полюбуйтесь...

Слейтон вынул из кармана кителя серебристую коробочку и бросил ее на стол. Брови капитана Гордона изумленно вздернулись.

— Откуда это у вас? — хрипло спросил он.

— Узнали? Информ-модуль бортовых ЭВМ космолайнеров класса Д. Забавная штука, набитая доверху всяческой астронавигационной информацией и, кстати, легко подключаемая к любому персональному компьютеру. Пользовалась месяц назад большим спросом у астрономов-любителей на черном рынке в Детройте. Быть может, вас интересуют номера подобных модулей, которые мы изъяли в количестве тридцати двух штук у некоего мистера Блодберга? Странное дело, но они в точности совпадают...

— Я понял, можете не продолжать, — глухо сказал капитан, вертя в руках информ-модуль. — Выходит, какой-то подлец все-таки шарил по моей свалке, и не без результатов...

— Это к вопросу об особых средствах охраны, которыми вы, капитан, располагаете, — ласково заметил инспектор, не сводя с Гордона испытующих глаз. — Но нас заинтересовало в рассказе мистера Блодберга нечто другое...

Он подошел вплотную к капитану и тихо произнес:

— Блодберг клянется, что две недели назад видел на вашей свалке, естественно ночью, каких-то подозритель-

ных личностей. И одна из них как две капли воды была похожа на гнома Вия, который скрывал Саманту и ее сообщников в замке Черного Властелина, а позднее сбежал вместе с ними. Что вы на это скажете?

Капитан побледнел и, отшатнувшись, уперся спиной в резной шкафчик с хрустальной посудой.

— Вы понимаете, что я хочу сказать? Вольно или невольно вы скрываете в своем космомузее правонарушителей. Дело за малым — найти и обезвредить их. Надеюсь, мы можем рассчитывать на ваше содействие, мистер Гордон? Я не слышу ответа.

— Да, конечно,— пробормотал капитан, опуская глаза.— Это мой долг, и я выполню его до конца, чего бы мне это ни стоило...

*

Утро следующего дня было хмурым. Серая вата облаков низко спустилась к земле и время от времени проливалась пригоршнями ледяных капель. Лишь изредка в сплошной пелене стремительно несущихся туч находило узкий прогал солнце, и его лучи на миг освещали воздух тревожным розовым светом, чтобы тут же погаснуть в промозглом густом тумане.

Капитан стоял у окна, засунув руки в глубокие карманы комбинезона, и с тоской смотрел сквозь запотевшее стекло на темные глыбы металлических колоссов, нависающих над домом. Его не оставляла тревога за друзей. Как им там, в темном желудке какого-нибудь полуразвалившегося космолета? Наверное, они испытывают гнетущее состояние неопределенности. Правда, у Эдмунда есть миниатюрный радиопередатчик, но что от него толку среди сплошных металлических стен? Да и опасно сейчас выходить в эфир: полицейские ищейки народ опытный, таких ошибок никому не прощают...

Что же делать? Инспектор Слейтон очень опасен, и самое главное — в его руках обрывок нити, ведущей к беглецам. Похоже, Слейтон из тех ищейек, которые, однажды взяв след, уже не теряют его, как бы ни петляла и ни исхитрялась жертва в запутывании следов. Конечно, разыскать Саманту и ее друзей среди сотен железных небоскребов дело непростое, но если в ход будут пущены роботы-ищейки, те самые, о которых ныне столько

трубят по видео?.. Они запрограммированы на поиски определенных людей, в их память заложены все сведения о жертвах, начиная от фотографии и кончая запахом туфель. Как помешать им, как?.. Слейтон явно ему не доверяет — видимо, его неосторожный запрос в Центр на счет «Ахилла» сыграл свою роль. Выйти из дому незаметно не удастся, и пробовать не стоит... Впрочем, зачем же обязательно выходить?

Внезапно за окном раскатисто загудела сирена. Прижавшись разгоряченным лицом к холодному стеклу, капитан увидел, как на площади перед гаражом, словно на плацу, выстроились два десятка дюжих молодцов, затянутых в черную полицейскую форму. У каждого на груди висел парализующий лучемет, а сбоку на бедре — боевой бластер. Серебристые каски и короткие прозрачные плащи-накидки делали их похожими на пришельцев из телевизионных боевиков. Перед шеренгой полуприсели четыре массивных робота, длинными поджарыми телами напоминавшие гончих псов. «И все это войско — против тринадцатилетней девочки, сорокалетнего кибернетика и трех сказочных существ! — с ужасом подумал капитан. — Нельзя допустить, чтобы эти головорезы напали на след беглецов!»

Инспектор Слейтон, сгорбившись и заложив руки за спину, медленно прошелся вдоль шеренги, что-то внушая своим подчиненным. Затем он отошел в сторону и резко махнул рукой. Отряд полицейских распался на четыре пятерки. Каждая из них, возглавляемая своим железным псом-роботом, неспешно двинулась в сторону космолетов.

«Сейчас начнут прочесывать территорию по квадратам, — подумал Гордон. — А для контроля инспектор наверняка поднимет в воздух флайер. Хорошо, если Эдмунд с Гэндальфом успели уничтожить следы верфи вокруг космосамолета... Должны бы успеть — времени было достаточно. Ну, а если флайер повиснет метрах в трехстах над центром свалки? Незавидным будет их положение. Перебежать из космолета в космолет незамеченными практически не удастся. Неужели Гэндальф не вспомнит о системе подземных коммуникаций, о которой он, Гордон, некогда ему рассказывал? Придется навестить его и напомнить об этих отличных убежищах...

Капитан направился было к котельной; из которой через люк можно было попасть в шахту водостока, но дверь в гостиную неожиданно распахнулась. На пороге возвышалась двухметровая фигура инспектора. У его ног тихо поскуливала настоящая живая овчарка, не сводившая с хозяина дома недобрых серых глаз.

— Вы куда-то собрались, мистер Гордон? — с издевкой спросил Слейтон. — А у меня к вам просьба. Мои ребята начали прочесывать ваше хозяйство, но, сами понимаете, опытный проводник им бы не помешал. Надеюсь, вы не откажетесь содействовать полиции?

— У меня хватает ⁴твоих дел, — сухо отрезал капитан, демонстративно вешая на плечо сумку с инструментами. — И потом, травить собаками живых людей — если, конечно, они здесь прячутся, в чем я сильно сомневаюсь, — дело не по мне. Я получаю деньги совсем за другое...

— Кстати, вы так и не ответили на мой вопрос, почему на такой обширной территории всего-навсего один-единственный хранитель, — невозмутимо продолжал Слейтон, словно не расслышав реплику Гордона. — Надеюсь, во время нашей прогулки вы не откажетесь удовлетворить мое любопытство?

Любезная улыбка играла на губах инспектора, но глаза ледяными буравчиками сверлили лицо капитана. Тихо пробормотав проклятия, Гордон отшвырнул сумку в сторону.

— Имейте в виду, я буду жаловаться, — хрипло сказал он.

— Сколько угодно, мистер Гордон, сколько угодно. Хотя жаловаться на то, что полиция попросила вас исполнить свой долг добропорядочного гражданина, — это, знаете, вряд ли понравится вашему начальству... Динго, псина, посторонись, дай пройти капитану...

Не прошло и получаса, как Гордон с горечью убедился, что явно недооценил возможностей полиции. Методичность и тщательность, с которой каждая пятерка обыскивала один корабль за другим, не обходя вниманием груды покореженных конструкций и даже куч мусора, поражала воображение. Чувствовалось, что работают профессио-

налы, и это резко снижало шансы Саманты и ее друзей на спасение.

Впереди каждой группы вприпрыжку бежал робот-ищейка, быстро поворачивая круглую голову на высочайшее из стороны в сторону и тщательно осматривая назначенный очередной объект и его окрестности. Овальный нос-биоулавливатель, закрытый мелкоячеистой пластметалловой сеткой, был нацелен на поиски людей и почти не реагировал ни на многочисленных крыс, ни на других уродливых мутантов, целыми стаями высыпавших из кораблей. Переполох у местной живности вызывали болезненные удары биоизлучателей, которые наносили командиры групп, следующие в двух шагах позади своих «псов». Остальные члены отрядов шли метрах в пяти за командирами, держа лучеметы наготове и время от времени уничтожая наиболее назойливых животных, мешающих их продвижению.

Подойдя вплотную к очередному космолету, «пес» делал стойку и в течение нескольких минут обводил контур корабля носом снизу доверху. Лампочка-индикатор, укрепленная на его макушке, как правило, загоралась зеленым светом — это говорило о том, что за проржавевшим обгоревшим корпусом людей не обнаружено. Иногда зеленый свет менялся на бледно-розовый, означавший близость каких-то живых существ, и тогда четверо рядовых полицейских открывали нижние люки и вместе с ищейкой надолго исчезали внутри космолета. Командир пятерки страховал своих товарищей снаружи, держа наготове бластер.

Каждый раз в подобных ситуациях сердце у капитана Гордона болезненно щемило, хотя он твердо знал, что здесь, на окраине космомузея, беглецов быть не могло.

Инспектор с овчаркой всегда стоял где-нибудь неподалеку, посвистывая и с безразличным, почти сонным видом постукивая тонким стеклом себя по высоким кожаным сапогам. Когда нижние люки вновь распахивались и полицейские молча вылезали наружу, отряхивая перепачканные в пыли комбинезоны, Слейтон ничем не выдавал своего разочарования. Напротив, он с добродушной улыбкой приглашающим движением руки звал Гордона вперед. И только овчарка не прятала от капитана зловещих глаз.

Первые две сотни метров полицейские прошли почти играючи. Лишь бурлящие стаи мутантов несколько замед-

ляли их продвижение, но удары бластеров делали свое дело — крысы панически разбегались при первых же выстрелах. Однако, когда головная группа вошла в обширный «квартал» космобарж типа Земля — Венера, голубыми небоскребами подымавшимися друг за другом на добрую сотню метров в высоту, случилось нечто неожиданное.

Началось все с того, что у первой же баржи индикатор робота-ищейки загорелся неярким красным светом. Четверо полицейских немедленно подскочили к овальному люку, дружным рывком распахнули его — и были буквально сметены серо-бурым потоком таких крупных крыс и лисиц, что даже у капитана изумленно округлились глаза. На этот раз мутанты почему-то не испугались ударов биоизлучателя, а, напротив, ощерив зубастые пасти, бросились на ошалевших от неожиданности противников. Командир группы выхватил было бластер, но растерянно остановился: он явно боялся спалить огненным лучом своих же товарищей.

— Пускай вперед «пса»! — заорал Слейтон и едва успел увернуться от железного клюва нетопыря, вылетевшего откуда-то из-за соседней баржи. Тут же вторая тварь едва не раскроила ему голову. Прوماхнувшись на какой-то сантиметр, нетопырь, клекоча от ярости, вцепился Слейтону в спину, отчаянно махая крыльями, словно пытаясь поднять его в воздух. Капитан, опомнившись, поспешил инспектору на помощь и, выхватив из груды мусора длинный металлический прут, одним ударом сшиб нетопыря на бетонные плиты.

— Спасибо... — прохрипел Слейтон, ошарашенно встряхивая головой. — Проклятые твари!

— Советую сделать инъекцию биоблокады, — быстро сказал Гордон, следя за полетом почти десятка нетопырей, стремительно кружащихся на высоте полусотни метров. — У вас сзади вся куртка порвана в клочья, наверняка когти и до кожи добрались...

— Сейчас, — пробормотал инспектор, трясущимися руками доставая из бокового кармана небольшую универсальную аптечку. — Черт, всю спину саднит...

Тем временем после короткой, но яростной схватки поле битвы осталось за роботами-псами, которые оказались на редкость умелыми и беспощадными бойцами. Уничтожая мутантов ударами стальных лап и разрывая их

на части зубастыми пастьями, «псы» обратили отчаянно сопротивлявшихся животных в бегство.

Через некоторое время порядок в изрядно потрепанных рядах полицейских был восстановлен, но двоих раненых Слейтон все же вынужден был отправить в сопровождении врача на базу к гаражам. Голубую баржу обыскали сверху донизу, но людей не нашли.

— Не понимаю,— пробормотал инспектор, уже в открытую бросая на Гордона ненавидящий взгляд.— Полно следов — и никого! Словно кто-то специально дразнит моих «псов»... А эти полчища крыс — в жизни я такого не видывал! Вместо того чтобы в панике разбежаться при ударах биоизлучателей, как делают все нормальные животные...

— Это мутанты, Слейтон.— Усмехаясь, Гордон вытер пот с лица.— Они, видите ли, не совсем нормальны по своей природе.

— Э-э, бросьте! — раздраженно отрезал инспектор.— Что-то здесь другое... Вас-то они не трогают!

Капитан внутренне чертыхнулся.

— Я живу среди этой рухляди уже много лет,— как можно мягче сказал он.— Ко мне, ясное дело, привыкли.

— Привыкли? Эти-то безмозглые твари? Ручаюсь, многие из них вас и в глаза-то никогда не видели! И тем не менее ни одна крыса на вас не бросилась. Любопытно, любопытно... Эй, ребята, пошли вперед, но осторожней! Сержант Поттер, включите биоактивизаторы «псов» на максимум. Если у каждой развалюхи эти твари будут задерживать нас по полчаса, мы не кончим работу и за год...

Еще три баржи полицейские обследовали без особого труда — мутанты больше не решались вступать в схватку. Но по мере того как отряд продвигался к центру космомузея, напряжение вокруг стало нарастать. Высоко в воздухе черной тучей носились нетопыри, образовав над головами людей нечто вроде стремительно вращающейся воронки. Крысы и другие местные животные, хоть и расступались неохотно по сторонам, но далеко не убегали, скапливаясь стаями между кораблями. Вскоре капитан не без тревоги обнаружил, что за отрядом на расстоянии десяти — пятнадцати метров следует целое полчище мутантов. Но еще больше его обеспокоило, что с каждым шагом полицейские приближались к месту, где скрывались беглецы. Висевшее

в зените темное пятно флайера, казалось, исключало последний шанс для преследуемых. Последний, если Гэндальф не вспомнит о системе подземных туннелей...

— Кажется, они нас окружают,— тревожно произнес Слейтон, останавливаясь. На его лице все явственнее проступала растерянность.— Эй, Гордон, что вы на это скажете?

— Я думаю, надо убираться, пока не поздно,— мрачно ответил капитан.— Жаль, флайеру негде сесть...

— Вы думаете, я отступлю?! — звенящим голосом закричал инспектор.— Быть может, здесь в двух шагах от меня, в одной из этих ржавых бочек, прячутся преступники, которых я разыскиваю полгода, и я должен отступить? И перед кем — перед стаей грязных жирных крыс? Да вы с ума сошли, любезный... Сержант, занимайте оборону. Мы сожжем всю эту нечисть напалмом!

Капитан понял, что недооценил Слейтона. Похоже, инспектор как следует допросил космического вора мистера Блодберга и вооружился на славу...

Не прошло и пяти минут, как энергично действующие полицейские, беспрекословно исполняя приказания сержанта, выстроили из разнообразной железной рухляди баррикаду двухметровой высоты. Еще одна короткая команда — и рядовые, отстегнув от пояса небольшие холщовые ранцы, достали по одной гранате, метнули их в мутантов и дружно упали на землю.

Гордон мгновенно повалился на бетон и закрыл глаза. Ослепительная вспышка — одна, вторая, третья, — и в воздухе повис непередаваемый вопль сотен гибнущих крыс, от которого у него мороз прошел по коже. А потом подкатилась тошнотворная волна запахов горящего мяса и шерсти...

— Вот так-то, Гордон,— хрипло сказал инспектор. Он с трудом поднялся на негнувшиеся ноги и, опираясь рукой на измятую бочку, осторожно выглянул за стену баррикады.— Я ожидал нечто подобное и потому захватил с собой изрядный кусок свинцового сала... Ну, где оно, ваше вонючее войско? Взгляните, мой друг, вам это будет полезно.

Капитан, присевший на край какого-то ящика, отрицательно покачал головой. Его мутило от густого, отвратительного запаха.

— Почему мое? — произнес он с негодованием.— Вы

что, всерьез считаете меня таким Гансом с дудочкой, по команде которого со всех окрестностей сбегаются зачарованные крысы?

— Тем не менее вас они не трогают, — убежденно сказал Слейтон, жадно затягиваясь наркотической сигарой. — И это не случайно! Бросьте темнить, капитан, я все равно дознаюсь, в чем ваш секрет.

Капитан помолчал.

— Что ж, это верно, — сказал он и встал с ящика. — Секрет существует. Много лет назад, когда я по возрасту вынужден был оставить службу на Венере, мне предложили стать одним из служителей музея космоплавания — одним из сорока служителей.

— Сорока? — удивленно переспросил Слейтон, поперхнувшись.

— Да, поначалу нас было сорок... Ученые, техники, бывшие космонавты — люди опытные и влюбленные в космолеты. НАСА курировало всю работу в целом и, не считаясь с затратами, доставляло списанные корабли сюда, на территорию бывшего военного полигона, со всей Солнечной системы. О том, что космомузей превратится в простую свалку, тогда и предположить никто не мог, иначе для хранения кораблей-ветеранов выбрали бы, скажем, Луну, где, по крайней мере, металл не ржавеет. Но уже через полгода, когда на поле на вечный прикол встала первая сотня кораблей, начались неприятности...

— Неприятности? Какие?

— Самые разнообразные... Двое техников погибли при работах по консервации двигателя одного из лунных модулей — оказалось, что в фюзеляжных баках сохранились остатки топлива. Через месяц неожиданно сработала автоматика первого из марсианских лайнеров, и трое ученых-кибернетиков задохнулись в кессоне, из которого молниеносно был выкачан воздух. Ну, и так далее... Техника, видите ли, оказалась слишком сложной, чтобы так просто превратиться в грудку безопасного металлолома.

Слейтон удивленно присвистнул.

— Вот это штука! В газетах, выходит, об этом помалкивают...

— Еще бы... Скандал был бы грандиозным! Дошло до того, что предложили уничтожить всю привезенную технику, а остальные космолеты хранить на Луне или пускать в переплавку. Но ученые воспротивились — им, видите ли,

стало интересно, что же за технику они создают. И тут выяснилось, что меня старые космолеты не трогают.

— То есть как не трогают?

— А так же, как волчья стая порой не трогает ребенка, случайно заблудившегося в джунглях. Она принимает малыша в свой круг и по-своему воспитывает и заботится о нем. Не знаю, чем я приглянулся моим железкам, — в голосе Гордона прозвучала неподдельная нежность, — может, тем, что я с детства любил технику? Даже в космолеты я пошел ради удовольствия возиться с механизмами...

— Сержант! — неожиданно заорал Слейтон, тревожно оглянувшись по сторонам. — Эти твари вновь пошли на штурм! Мало им первой порции напалма... Ничего, мы накормим их досыта. Залп!

И вновь ослепительные вспышки, отчаянный визг — и па людей, ничком лежащих на бетонных плитах, накатилась удушливая горячая волна.

На этот раз Гордон приходил в себя минут десять. Его сильно тошнило, в глазах плавали красные круги, рот был полон горькой слюны. Привалившись к какой-то стальной раме, он тяжело дышал, мутными глазами глядя на свои дрожащие руки и не видя их.

— Ну и бойню вы устроили, Слейтон, — с трудом выговорил он, закашлявшись. — Настоящая мясорубка...

— А как вы думали? — кладнокровно ответил инспектор, обводя поле битвы, заваленное горелыми трупами мутантов, слезающимися от гари и дыма глазами. — Зато ваш зоопарк я окончательно разогнал по клеткам — больше они и носа из своих нор не покажут. Минут десять подождем, пока не погаснет погребальный костер, — и в путь! А пока у нас есть еще время продолжить нашу приятную беседу, Гордон.

Капитан пожал плечами:

— Собственно, я уже все рассказал. В первый же месяц своей работы я трижды помадал в жуткие переделки. Один раз, например, я ухитрился выпасть из раскрытого люка второй ступени танкера и уже было прощайся с жизнью, как вдруг ни с того ни с сего из первой ступени выдвинулось складное зеркало радиоантенны — и я упал словно в гамак, даже не ушибся! А на следующий день, когда я копался в гидросистеме поворотных сопел марсианского лайнера, в соседнем отсеке взорвался забытый баллон со

сжиженным гелием. Автоматика управления дверью почему-то мгновенно сработала и спасла меня от ледяной смерти. Ну и так далее...

— Понятно,— сквозь зубы пробормотал Слейтон, отхлебывая из маленькой фляжки.— Этот железный хлам включил вас в свою семью... Ученая братия, конечно, потирала руки от счастья?

— Еще бы! — усмехнулся капитан, понемногу приходя в себя.— Чтобы не рисковать своими драгоценными жизнями, эти умники напичкали все вокруг телеавтоматикой и вот уже много лет меня изучают как подопытного зверька, даже в отпуск не разрешают уезжать. Мол, я должен потерпеть и в награду, быть может, стану отцом-основателем нового поколения космонавтов, которые будут находиться со своим космолетом в самых дружественных, а то и братских отношениях. Есть еще вопросы, инспектор?

— Целый короб,— ласково ответил полицейский, завинчивая крышку фляги и пряча ее в нагрудный карман.— Например, любопытно бы узнать, чем питается на этой свалке металлолома такая бездна зверья, разве что вы их чем-то подкармливаете? Ну-ну, я шучу... Пусть этим занимается следствие, мне плевать на такие детали. Все, можно уже идти. Гордон, последний раз предлагаю вам помочь представителям властей! Так или иначе, мы все равно найдем ваших дружков, подумайте лучше о себе. Содействие полиции зачтется вам на суде, это я вам твердо обещаю!

— Вы о чем? — удивленно спросил капитан.

Слейтон впился в собеседника тяжелым испытующим взглядом, но встретил лишь добродушную, открытую улыбку старого космонавта.

— Ладно, ладно,— наконец сказал он, подымаясь и поправляя сбившуюся портупею.— Потом не говорите, что я вас не предупреждал... Ну, ребята, передохнули? Пускайте вперед «псов». Пошли!

Через двухметровый барьер одним прыжком перескочило гибкое тело — и неторопливым шагом робот-ищейка двинулся в сторону ближайшей космобаржи, отшвыривая груды дымящихся тел. Вскоре широкий проход был расширен, и первая пятерка полицейских вскарабкалась на баррикаду, готовясь прыгнуть вниз. В этот момент внимание Гордона привлекло странное гудение, раздававшееся откуда-то спереди.

Слейтон тоже насторожился и поднял руку:

— Стойте, ребята... Это еще что за штука?

Из-за стабилизаторов космобаржи не спеша стало выползать причудливое механическое чудовище. Длинное, как поезд, оно было слеplено из самых разномастных деталей, среди которых даже опытный взгляд Гордона с трудом распознал части кузовов марсианского пескохода, лунного грузовика и меркурианского вездехода. Первая секция этого кошмарного поезда была на гусеничном ходу, далее шли шесть пар разнокалиберных колес. За ними тянулось многометровое змеевидное тело, составленное из зеленоватых цилиндрических секций, смешно перебирающих коленчатыми, как у кузнечика, ногами.

Робот-ищейка, взбрыкнув лапами, бесстрашно прыгнул на чудовище. Раздался короткий предсмертный визг — и искалеченное, смятое в лепешку туловище робота полетело в мусорную кучу. Второй «пес» после недолгой борьбы был брошен под гусеницы и немедленно раздавлен.

— Стойте! — заорал Слейтон. — Сержант, олух вы этакий, отзовите «псов» назад! Ребята, забросайте эту карака-тицу гранатами!

— Гранат больше нет! — отчаянным голосом ответил сержант. — Послушайте, инспектор, мы не готовились к войне, черт бы вас побрал!..

— У нас есть бластеры, — не сдавался Слейтон. — Подпустим эту сороконожку поближе и разрежем пополам! Вы понимаете, сержант, что все это неспроста: преступники где-то рядом и их защищают!

— Еще как защищают, — пробормотал сержант, вытирая взмокший лоб тыльной стороной ладони. — Ну и втянули вы нас в историю, Слейтон...

Вслед за поездом из-за космолетов начали выползать десятки других механических чудовищ. Большинство из них шагали на длинных высоких ногах и поднимались над землей на добрый десяток метров. Железные монстры были вооружены, да как! Капитан без труда узнал арсенал недавно прибывшего военного дредноута, затерявшегося на околоземной орбите еще до Мирного договора и случайно найденного полгода назад космическим мусорщи-ком.

Он растерянно взглянул на Слейтона и увидел в его руке дуло пистолета, направленное ему в грудь.

— Славно вы с нами пошутили, Гордон! — прошипел

белый от ярости инспектор.— Вот, оказывается, чем вы развлекались столько лет на своей вонючей свалке... Целую армию создали своими золотыми ручками. И для чего — для защиты бунтовщиков? Или надо брать выше, капитан, быть может, вы хотели поднять военный мятеж?

— Вы с ума сошли,— пробормотал старый космонавт.— Уверяю вас, к этому зверинцу я не имею никакого отношения... Похоже, вы спровоцировали космомузей своими бластерами да гранатами, и он начал защищаться всерьез. Я же толковал вам — это целая система, способная на самостоятельные действия! А вы по ней — топором...

Он не успел договорить — шагающая машина, увенчанная цилиндрической башней с тремя пушками небольшого калибра, скрипя, заворочалась, прицелилась по баррикаде и неожиданно выпустила несколько снарядов. От грохота взрывов у Гордона заложило в ушах. Едва он успел рухнуть на землю, как с ужасом почувствовал, что над его головой с визгом просвистели осколки.

— Сержант, свяжитесь с флайером! — заорал где-то рядом Слейтон.— Пусть вызовет из ближайшего города подкрепление!

— Не могу: эфир забит помехами! — после некоторой паузы ответил сиплый голос.— Бросьте валять дурака, Слейтон, нам здесь не справиться. Нужно отступить, пока целы! Возьмите этого чертова капитана на мушку и пусть он пойдет договариваться с этой механической сворой сам!

Рядом с баррикадой разорвался еще один снаряд, помощнее, и один из полицейских, охнув, прижал к груди искалеченную руку.

— Вы идиот! — заорал на Слейтона раненый, впервые нарушая безукоризненную дисциплину.— Вы что, не слышите, что вам сказал наш сержант?

Слейтон обвел взглядом сидевших на бетонных плитах людей, с ненавистью смотревших на него,— и сдался.

— Ваша взяла, Гордон,— скрипя зубами, сказал он.— Мы готовы убраться. Вы меня поняли? Нам нужно спасти свои шкуры!

— Давно бы так,— коротко сказал капитан, усмехнувшись. Он вынул из кармана белый носовой платок и полез на баррикаду.

Спустя час после бесславного бегства полицейского флайера в гостиной капитанского домика собрался совет. Озабоченный Гордон сидел рядом с Гэндальфом и что-то тихо и настойчиво говорил ему, пока усталые и продрогшие беглецы усиленно подкреплялись после пережитых волнений. Особенно старался Вий, отправлявший в свою обширную глотку одного жареного цыпленка за другим — мясо входило в обязательный рацион питания могучего биоробота. Время от времени он шумно и обиженно вздыхал, да так, что на подоконниках угрожающе раскачивались стеклянные вазы с цветами. Старый корабельный робот-стюарт, управляющий нехитрым хозяйством капитана, остановился в изумлении рядом с гигантом и таращил на него изумрудные фасетчатые глаза.

— Нет, я так не могу! — орал Вий. — Заставили меня, великого и ужасного Черного Властелина, сидеть голодным целый день по пояс в воде посреди какого-то вонючего трюма! Да я бы этих полицейских щенков раздавил одной рукой! — И он для убедительности подымал к потолку волосатый кулак размером с бочонок.

Саманта, которая от всего пережитого чувствовала себя неважно и потому пила одну чашку горячего чая за другой, поморщилась.

— Потихе, Вий, — строго сказала она. — Ты не в лесу. Если будешь себя так вести, учти: больше в дом не пущу!

Вий испуганно вжал голову в плечи и уткнулся носом в огромную глиняную чашку, в которой было налито с полведра супа. Саманта была для него непререкаемым авторитетом, он слушался девочку даже больше, чем Гэндальфа. Бесхитростный биоробот обожал, когда она залезала к нему на колени и, обняв мохнатую голову, рассказывала о диковинных вещах, которых он никогда не видел, — о городах в открытом море, о бесчисленных лифтах, Лунанарках, видеостенах... Но когда серые глаза Саманты пылали гневом, Вию хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

— А что он такого сказал? — вступился за друга хоббит, с наслаждением жуя большой кусок белого хлеба, густо намазанный янтарным медом. — Правильно он ворчит: натерпелись мы все сегодня. Еще немного — и нас могли сварить в трюме, как в суповом котле! Все-таки мы

зря сюда приехали. Я же говорил — давайте спрячемся в пещерах Скалистых гор! Мои родичи — хоббиты встретили бы всех радушно. В подземных галереях нас бы никто никогда не нашел.

— Ну, ты и скажешь, Сэмбо, — возразил Робин. — Всю оставшуюся жизнь просидеть в норах, как кроты? Нет уж, я предпочитаю хорошую драку. Жаль, Гэндальф меня наружу не выпустил — я бы показал этому инспектору, как я стреляю из лука!..

— Глупости все это, — резко прервал его Эдмунд. Его лоб закрывала белая повязка: во время блужданий внутри космотанкера он оцарапался об острый выступ. — Нам повезло, Джордж, что ваши железяки вовремя за нас вступились! Правда, мы с Гэндальфом тоже приготовили полицейским кое-какие сюрпризы, но все это пустяки по сравнению с этой фантастической кунсткамерой. Надо же, как постарались роботы-сборщики, я и не думал, что они способны, когда надо, проявить самостоятельность...

— Вот именно — когда надо, — улынулся капитан. — И это нас спасло! Инспектор Слейтон, думаю, выдрал бы себе последние волосы, если бы узнал, как он нам помог.

— Помог? — озадаченно спросила Саманта. — Но чем же?

Гэндальф, откинув капюшон, обвел всех сидящих за столом пытливым взглядом, так что даже неугомонный Вий замер в ожидании.

— Есть такая поговорка: не было счастья, да несчастье помогло, — негромко рассмеялся маг. — Вы видели около баррикады механических чудищ? Их создали нам в помощь ремонтные роботы.

— Ну и что? — спросил Робин. — Они же немедленно остановились, как только полицейские убрались восвояси. Эдмунд говорил, что ими управлял какой-то объединенный мозг космолетов, но как только опасность исчезла...

Кибернетик жестом остановил мальчика.

— Вы нашли для нас что-то стоящее, капитан? — с интересом спросил Эдмунд.

Гордон смущенно кивнул:

— Не поручусь, что именно это нам нужно, — у нас с Гэндальфом было слишком мало времени для осмотра находки...

— Какой находки? — Вий гулко кашлянул. — Если это опять какой-нибудь сырой трюм, полный крыс...

— Нет, уважаемый Вий, это не трюм. Признаюсь, я сам с трудом узнал эту штуку, настолько она изменилась за день!

— Роботы починили «Стрельца»? — догадался Робин. Капитан кивнул.

— Ты прав, малыш. Электронные мозги моей свалки оказались мудрее и практичнее нас. В час опасности они включили вас в состав своей «семьи» и решили спасти самым простым — для них, конечно, — способом. С помощью ремонтных роботов они за какой-то час привели в порядок нашу «птичку» — нам подобную работу и за месяц не осилить. Похоже, теперь мы можем лететь хоть на край света!

— И на космическую станцию тоже? — взволнованно спросила Саманта.

— Хм... Попробовать, конечно, можно... Когда-то в молодости я совершил около сотни подобных полетов. Много, правда, зависит от состояния автопилота, от готовности двигателя. Роботы роботами, но все надо тщательно проверить! Помнится, где-то в моем хозяйстве валялась контрольно-проверочная станция подобных типов космосамолетов... Нед, мне понадобится ваша помощь в ее наладке.

— Конечно, какой разговор! — согласился кибернетик. — Но на это уйдет не час и не два, верно?

— Побойтесь бога, Нед! Даже если автоматика исправна, самолет надо осмотреть до последнего винтика. Думаю, недели мне хватит.

— Недели? — откликнулся дружный хор.

— А вы что думали? Машина много лет стоит под открытым небом.

— А если полицейские вернутся? Или кто-нибудь из вашего начальства захочет разобраться, что за побоище здесь произошло? — возбужденно крикнул Робин, покраснев. — Разве космосамолет спрячешь?

— Зачем же его прятать? — упрямо возразил капитан. — Внешне он выглядит почти так же, как и раньше, если бы он самостоятельно не подкатил вплотную к вашему убежищу в трюме, я бы и не догадался, в чем тут дело. В крайнем случае мы можем поставить машину в один из дальних ангаров и работать над ней в надежном укрытии. А насчет полиции... Не думаю, что она скоро сюда сунется. Слейтон попал прямо-таки в смешное поло-

жение, я ему не завидую. Отступить перед крысами и ожившими железками... Нет, настаивать на повторной экспедиции для него слишком рискованно — ведь он не раздобыл никаких доказательств, что здесь кто-то прячется. Что вы думаете об этом, Гэндальф?

Долго молчавший маг пожал плечами.

— В любом случае ему ясно, что лихим наскоком в космомузее никого, кроме мутантов, не найдешь, — сказал он. — Что же, стягивать сюда целую армию? Я полагаю, у Слейтона и без того хватит неприятностей с руководством НАСА. Джордж, вы успели туда позвонить?

— Еще бы! Сэм Нортон из отдела наземного обеспечения аж побагровел от возмущения, когда я ему кратко рассказал о побоище, которое здесь учинили полицейские. Насколько я знаю Сэма, он возьмет в оборот инспектора — он это умеет. Но вот убедил ли я начальство, что комиссии сюда присылать не стоит, не знаю. Специально для Сэма я включил некоторые из телекамер на вышках и показал ему груды дымящегося металла и дохлых мутантов. Может, ему этого хватит, а может, и нет. Но Сэм Нортон отнюдь не дурак и отлично понимает, что муравейник взбудоражен. Посторонним людям здесь в ближайшие дни делать нечего — слишком опасно.

— И все же нужно быть постоянно настороже. — Гэндальф задумчиво разжег длинную черную трубку. — Ситуация, мягко говоря, неопределенная... В одном я уверен: Слейтон так просто нас в покое не оставит! В ближайшее время ломиться напрямик он не посмеет, а вот парочку ловких наблюдателей он наверняка подбросит нам в соседи. Тем более что опытные консультанты с черного рынка у него имеются — помните, Джордж, что Слейтон рассказывал вам о краденых информ-модулях?

Сэмбо недовольно хмыкнул:

— Пустяки все это. Охрану я могу взять на себя. Вы, громадины, не умеете ходить бесшумно, топаете как медведи — любой лазутчик вас и за километр услышит! — Хоббит вспомнил о полчищах крыс и добавил: — Конечно, мне понадобится подмога — так, на всякий случай. Возьму-ка я Вяя...

— Отлично, — улыбнулся Гордон. — Хотя, честно говоря, я больше надеюсь на свою автоматику... Но это все детали. Меня беспокоит другое: вы все еще настаиваете на безумной идее с «Ахиллом»?

Встретив ироничные взгляды друзей, капитан вздохнул:
— Ладно, пойду проведу пескоход — старик Дарк что-то стал сдавать в последнее время. Робин, ты мне поможешь?

*

Утро следующего дня выдалось прохладным и туманным. Густая белая пелена вяло колыхалась под порывами пронизывающего апрельского ветра и не рассеивалась. Все вокруг: надтреснутые бетонные плиты, груды битых электронных приборов, опрокинутые навзничь корпуса небольших ракетных двигателей — было покрыто маслянистой пленкой, издающей терпкий кисловатый запах.

Спотыкаясь на стыках неровно уложенных плит, еще не совсем проснувшаяся Саманта шла за Робинем и держалась за его рукав, чтобы не отстать. Сырость раздражала ее. Девочка куталась в большую, не по размеру, меховую куртку, подаренную ей капитаном. Она сосредоточенно смотрела под ноги и не заметила, как впереди из тумана стали проявляться темные очертания огромного самолета. На длинном носовом конусе, увенчанном серебристой трубкой воздухоприемника, нахохлившись, сидел нетопырь. Мутант закрылся до головы складками бурых крыльев и равнодушно следил за приближающимися людьми.

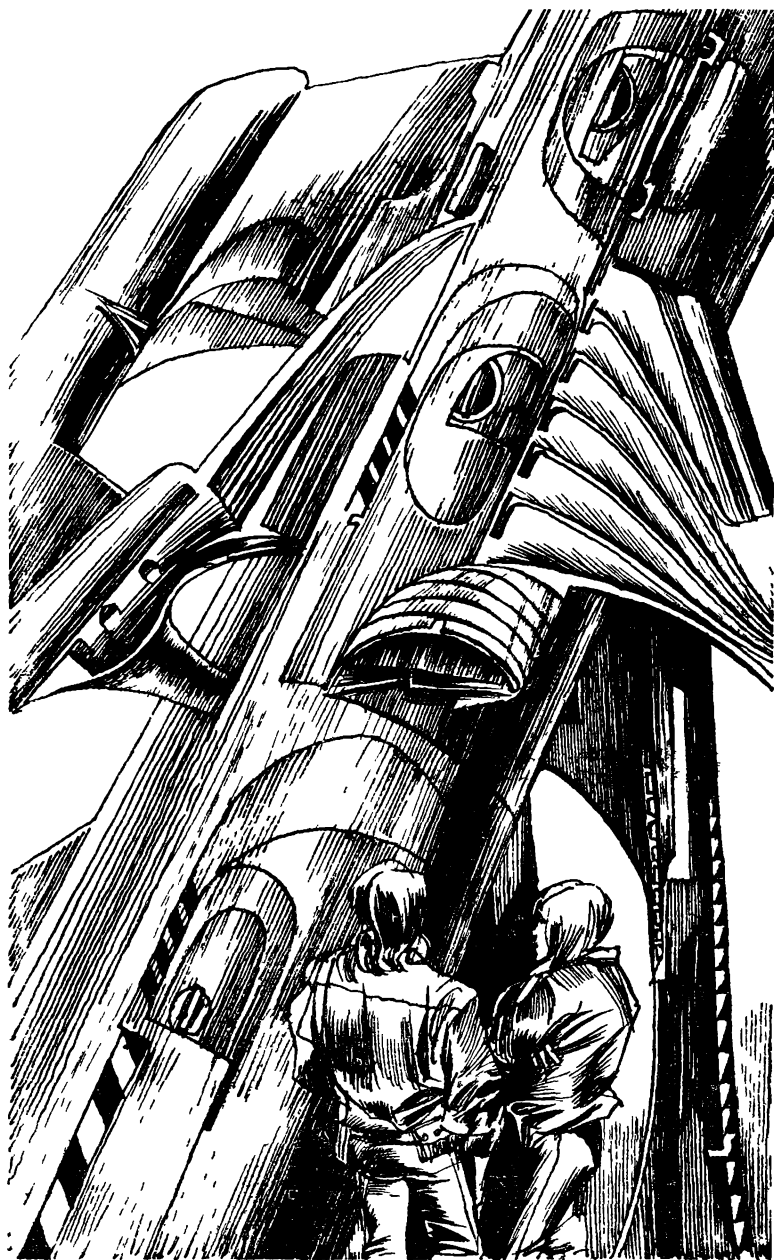
— Кажется, пришли, — тихо сказал Робин и остановился. Нетопырь выглядел на удивление мирно.

— Ох... — выдохнула Саманта. — Слушай, а он на нас не бросится? — И она спряталась на всякий случай за спину друга.

Но мутант вовсе не желал ввязываться в драку. Обиженно квакнув, он с шумом распахнул бархатистые крылья, высоко подпрыгнул и исчез в тумане.

— Похоже, капитан был прав, — хрипло сказал Робин, поеживаясь от утреннего холода. — Эти жуткие твари приняла нас со вчерашнего дня в свою стаю — и очень хорошо сделали. Видела, какая у него пасть?..

Ребята обошли вокруг «Стрельца». Тридцатиметровый коробкообразный фюзеляж был оперен треугольными крыльями с серебристой чешуей теплоизоляции. С поверхности двух могучих маршевых двигателей высоко в небо поднимались острые как бритва кили. В носовой части фюзеляжа

располагалась каплевидная кабина пилотов, выполненная из темного поляризованного стекла, за ней тянулся ряд небольших иллюминаторов пассажирского салона. Вблизи центроплана многочисленные лючки обшивки были распахнуты, и из них, словно щупальца спрута, тянулись разнокалиберные кабели и гибкие трубопроводы. Сам «спрут», напомилавший по форме двухметровую сплюснутую сферу, стоял в нескольких метрах от самолета на подвижной платформе и, шумно гудя, весело перемигивался разноцветными огоньками неоновых лампочек. Саманта на всякий случай обошла электронное чудище стороной. Чуть согнувшись, ребята поднырнули под зеркальную поверхность стабилизатора и внезапно остановились. Из жаровой трубы одного из двигателей вертикального взлета, располагавшегося под брюхом «Стрельца», торчали чьи-то мощные ноги в широких металлических башмаках с многочисленными присосками на подошвах.

— Кто это? — испуганно прошептала Саманта.

— Ты что, ремонтного робота никогда не видела? — раздраженно спросил мальчик.

— Конечно, она никогда меня не ви-и-дела! — вдруг с глухим завыванием сказал робот — Робин даже вздрогнул от неожиданности. — Я двести лет странствую от звезды к звезде и давно ищущ вас, дети-и-и мои-и-и!..

У Робина от испуга даже дыхание перехватило — он впервые слышал, чтобы ремонтные роботы разговаривали!

Саманта, выглядывая из-за его спины, неожиданно громко рассмеялась:

— Капитан Гордон, не притворяйтесь! Робот из вас — никуда...

— Почему? — обиженно произнес капитан, неуклюже вылезая из сопла вперед ногами. — Я же специально тренировался! Но дело не в этом — у меня есть к вам просьба.

Они сели втроем на прохладную поверхность перекоренного бака, стоявшего рядом с космосамолетом, и наскоро перекусили бутербродами с горячим кофе из термоса, принесенными заботливой Самантой.

— Какую работу вы хотите предложить нам, капитан? — спросил наконец Робин, не выдержав.

Гордон вздохнул и, встав на ноги, сделал несколько разминочных упражнений. Замасленный комбинезон

жалобно затрещал под напором его мускулистого тела.

— Аж руки затекли в этом гробу, — добродушно сказал он, кивая в сторону двигателя. — Никакого от ремонтных роботов толку — уж очень узкая у них квалификация! Пришлось их всех разогнать и взяться за дело самому. Иначе, боюсь, нам не взлететь... А помощь ваша нужна. «Стрелец» находится куда в лучшем состоянии, чем я ожидал, и со стартом затягивать мы не будем.

— Ура-а-а-а! — Ребята вскочили и захлопали в ладоши.

— Погодите, не радуйтесь раньше времени, — остановил их капитан Гордон, нахмурившись. — Дел еще невпроорот. Нед, как вы знаете, сидит не разгибая спины в лаборатории и проверяет электронные мозги этой птички. Гэндальфу тоже скучать не приходится — он разыскивает и собирает остатки топлива в баках моих железных зверушек. От Сэмбо с Вием, сами понимаете, в технических вопросах толку мало, к тому же им хватает забот по нашей охране. На вас же, дорогие мои, ложится самое интересное — поиски!

— Поиски чего? — настороженно спросила Саманта.

— Многих вещей, необходимых для полета. И самое главное — скафандров! У меня на складе есть несколько штук, но из них всего один-два в приличном состоянии. А нам нужно шесть штук, не считая обязательного резерва. Для Сэмбо постарайтесь найти детский скафандр — думаю, они должны быть в пассажирских лайнерах типа «Орион». А уж с Вием не знаю что и делать! Придется здорово поломать голову... Но самое важное — нужно разыскать парочку пилотских противоперегрузочных костюмов! Иначе нам с Недом не справиться с такой махиной, как «Стрелец»...

— Искать — это я люблю! — оживился Робин. — Готов хоть сейчас начать. Только скажите где — и я мигом...

Капитан неодобрительно посмотрел на мальчика, и тот сразу же осекся.

— Где искать, я объясню, — сказал Гордон. — Только помните: рыскать по старым космолетам — штука опасная. Если бы не вчерашние события, я бы ни за что не рискнул послать вас одних на такое дело... Но теперь мои железки, уверен, вас в обиду не дадут! Однако если вы, как сорвиголовы, ползете в трюмы, забыв об осторожности...

Саманта, девочка, я надеюсь на твое благоразумие. Не забывайте каждые полчаса выходить со мной на связь по радиопону — договорились?

Робин и Саманта, озадаченно переглянувшись, коротко кивнули. Капитан ободряюще улыбнулся, достал из нагрудного кармана красный свисток и протяжно засвистел. Через несколько минут из тумана вынырнул пескоход и двинулся к ним, перешагивая через груды ржавеющего металла.

— А вот и ваш проводник. Дарк, друг мой, покажи ребятам мое хозяйство!

К полудню туман полностью рассеялся, но солнце так и не воцарилось в небе — теперь его закрывала плотная серая дымка облаков. Западный порывистый ветер, несущий прохладу и влагу, стих, и его сменил устойчивый южный ветерок, наполненный ароматами пробуждающейся зелени.

Дело у ребят спорилось на удивление хорошо. Ворчливый, но добродушный пескоход оказался отличным знатоком территории космомузея и без труда находил проезды в самых захламленных «переулках» между старыми космолетами. Пронсясь на высокой скорости в тени застывших стальных гигантов, Дарк громким, чуть скрипучим голосом рассказывал своим пассажирам разные удивительные истории. Его необъятная электронная память хранила не только название каждого судна и его технические характеристики. Дарк мог часами рассказывать о самых удачливых экипажах, знал назубок биографии любого из космонавтов, когда-либо стоявшего на капитанском мостике, помнил мельчайшие подробности всех полетов. Специально для Робина он пересказывал газетные отчеты о самых удивительных приключениях, выпавших на долю экипажей, а для Саманты приберег трогательные лирические истории о влюбленных капитанах и стюардессах, свадьбах и рождениях детей в самых экзотических условиях.

Подъезжая к очередному космолету, Дарк становился суховатым и деловитым. Он руководил поисками, заставляя ребят тщательно обшаривать самые неожиданные уголки опустевших гигантов. Изредка в крошечных лич-

ных кладовках космонавтов или аварийных кессонах ребята натыкались на забытые скафандры. Иногда их отыскивали в горах мусора между кормовыми переборками. К сожалению, большинство скафандров были безнадежно испорчены, с порванными рукавами или разбитыми стеклами шлемов. Но когда им везло, небольшой кузов пескохода получал очередное пополнение.

Саманту поиски не очень увлекали. На нее угнетающе действовали бесконечные пыльные коридоры, опустевшие пилотские рубки с голыми, наполовину разобранными стенами и лопнувшими экранами дисплеев. Ей постоянно чудилось, что где-то рядом, в соседних отсеках, раздаются чьи-то еле слышные шаги. Не раз сердце ее сжималось от страха, когда рядом на пол с грохотом обрушивалась с потолка плохо закрепленная панель или звонко лопалась от сотрясения осветительная лампа. Сжимая потной рукой фонарь и направляя его ослепительный луч во все углы, она шла чуть позади Робина, втайне мечтая только об одном: как бы поскорее выйти на свежий воздух. Хорошо еще, что капитан Гордон не ошибся, и крысы-мутанты ни разу не попались им на пути...

А для Робина задание капитана стало настоящим праздником. Неслышной пружинящей походкой индейца он уверенно шел вперед, постоянно сверяясь с планами, целая пачка которых лежала у него в заплочной сумке. Ни горький запах лежалой пыли, ни затхлый, пропитанный ржавчиной воздух его не смущали. Легко ориентируясь в сложных переплетениях коридоров, он безошибочно находил отмеченные Гордоном помещения и обшаривал их вдоль и поперек. Правда, в поисках самих скафандров методичная Саманта давала ему сто очков вперед.

В конце концов, когда они окончили обследование десятого лайнера, Саманта не выдержала. Они стояли в обширном темном помещении — это был комфортабельный салон — по колено в пыли и, тяжело дыша, оглядывались по сторонам. Разбитые экраны видео, опрокинутые столики, сломанное кресло с ключьями синтетической обивки — сколько раз они уже видели это...

— Я больше не могу, я же не робот! — взмолилась девочка, бессильно опускаясь на гнутый металлический стул. — Робин, имей совесть — мы уже нашли достаточно скафандров...

— Ничего подобного, — упрямо возразил Робин, де-

монстративно не садясь, хотя его тренированные ноги гудели от усталости.— Для Вия мы еще ничего не подобрали — все, что мы откопали, будет ему едва по плечо. Нет, отдыхать пока рано...

Он не успел договорить — его прервал жужжащий зуммер радиофона. Ребята услышали усталый голос Гордона:

— Робин! Вызываю Робина...

— Мы слышим вас, капитан! — закричал мальчик.

— Ребята, срочно возвращайтесь! — тревожно произнес капитан.— Грузите все найденное старье в кузов Дарка и, не задерживаясь, мчитесь к гаражу!

Робин охнул:

— Капитан, дайте нам еще хотя бы два часа! Не могу же я возвращаться с пустыми руками.

— Ничего себе — с пустыми руками! — внезапно вмешался в разговор пескоход.— Набили меня всякой рухлядью до того, что задние рессоры сели, а им еще мало...

— Но я не нашел и половины вещей из вашего списка, капитан,— с отчаянием в голосе сказал мальчик.— И главное, у нас нет подходящих скафандров для Вия и Гэндальфа!

— Не время пререкаться, друзья,— огорченно произнес Гордон.— Только что я получил сообщение от друзей из НАСА: завтра утром к нам прибывает солидная комиссия. В том числе и инспектор Слейтон. Вопросы есть?

Ребята растерянно молчали.

— Здорово вы растревожили этот муравейник,— помолчав, добавил старый космонавт.— Видимо, я был не прав и история с «Ахиллом» и этим фантастическим «мечом времени» не столь уж невероятна... Торопитесь, ребята, нам сегодня предстоит сделать еще массу неотложных дел. Старт вечером! Другого выхода у нас нет.

— Мы поняли, капитан Гордон,— тихо сказала в радиофон Саманта.— Простите, что мы разрушили вашу спокойную жизнь...

Капитан ничего не ответил.

Часть 2

ТУННель В КОСМОСЕ

ГЛАВА 1

«Стрелец», обросший огнями поворотных сопел, мягко приземлился на широкую ладонь космодрома. Колеса шасси точно вошли в овальные гнезда на матовой поверхности «Ахилла», и тотчас мощные гидравлические стойки оказались надежно зажаты стальными захватами. Из распахнувшегося прямо напротив фюзеляжа люка плавно выдвинулась белая труба переходника. Через несколько секунд она плотно прижалась вакуум-присосками к плоскому брюху пришельца.

Тревожный желтый свет, льющийся с низкого потолка салона, мигнул и сменился спокойным зеленым сиянием. Вий шумно выдохнул, оторвал косматую голову от иллюминатора и, прокашлявшись, крикнул:

— Однако, кажись, сели! Ну, скажу вам, дела... Знал бы — ни за что в эту душегубку не полез. Качало так, что аж все кишки повыворачивало, даром что они синтетические. Сэмбо, друг, ты живой?

Удобно устроившийся в глубоком кресле Гэндальф подмигнул гному и небрежным движением руки откинул фалду своего серого плаща. Маленький хоббит сидел на ворсистом ковре, покрывавшем пол салона, и, вытаращив круглые от страха глаза, прижимался щекой к кожаному сапогу мага. От яркого света он заморгал и застонал:

— О-ох, о-о-ох... Бра-а-атцы-ы-ы... О-ох...

Больше ничего от него нельзя было добиться.

Впрочем, полет плохо перенес не один Сэмбо. Саманта и Робин, сидевшие в соседних креслах, были так же измучены и бледны. Крупные капли пота покрывали их лица, пальцы, судорожно вцепившиеся в пристяжные ремни, мелко дрожали.

С трудом подавляя тошноту, Робин деревянно улыбнулся и хрипло спросил:

— Как самочувствие, отважная амазонка? Вижу, вижу... Честно говоря, я тоже... не в лучшем виде. Ну и болтало нас в стратосфере, ну и болтало...

Несмотря на слабость, Саманта нашла в себе силы повернуть голову в его сторону и сердито сказала:

— Нашел на что жаловаться! Сидеть в кресле — не большая хитрость. Скажи спасибо капитану...

В этот момент дверь в пилотскую кабину распахнулась.

— Вот уж не за что! — воскликнул капитан Гордон, входя в салон. Он добродушно улыбался, но лицо его заметно побледнело. — Спасибо тебе, девочка, за добрые слова, но честно скажу: я вел «Стрелец» только первые полчаса, а затем Нед, от греха подальше, решил передать управление автопилоту. Я и понятия не имел, где искать «Ахилла»!.. Хорошо еще, что эта чертова станция невидима лишь для обычных радаров — наша бортовая ЭВМ довольно быстро его обнаружила. Очень рад видеть всех в добром здравии... Первый полет в космос — это не шутки! Как дела, Гэндальф?

Маг с безмятежным видом пожал плечами:

— В положении киборга есть кое-какие преимущества, Джордж. Когда я был просто человеком, меня укачивало даже на обычном катере, а сейчас я ничего не почувствовал. Мы можем выходить, капитан?

Гордон пылливо оглядел свой разномастный экипаж и невольно усмехнулся — настолько необычно смотрелись среди белых кресел салона маг и двое сказочных существ. Один громадный Вий, упирившийся косматой головой в обитый мягкой кожей потолок, чего стоил!

— Можете готовиться к выходу, — наконец разрешил капитан. — Надевайте скафандры и не спеша идите в кессон... — Он запнулся и озадаченно посмотрел на Гэндальфа и биоробота — для них-то подходящих скафандров не было!

Маг понял взгляд Гордона.

— Не беспокойтесь, Джордж, — спокойно сказал он, — мы с Виём не такие уж неженки — все-таки мы сделаны из первосортной биосинтетики. Кислород нам не особенно нужен — была бы хоть какая-нибудь атмосфера да не очень низкая температура.

— Хорошо, — подумав, ответил Гордон. — Спускаться в переходник будете только после того, как мы с Недом проведем разведку на станции. Не спорь, Робин, мы не в индейцев играем...

Через час весь экипаж стоял в обширном круглом зале, разделенном на секторы толстыми бронированными перегородками. Резкий голубой свет освещал настолько нереальную картину, что даже немало повидавший за свою

жизнь капитан чувствовал, как мурашки пробегают у него по спине.

В прозрачных пластмассовых контейнерах, маслянисто отсвечивающих радужным светом, лежали сотни единиц самых совершенных образцов вооружения, когда-либо созданных на Земле. В человеческий рост подымались серые овальные корпуса управляемых бомб, рядом с ними — россыпи небольших остроконечных боеголовок, раскрашенных в красные и оранжевые тона. В соседней секции щетились черными дулами многоствольные пушки, а за ними — ряды ракет самых различных калибров: от китообразных гигантов типа Космос — Земля до серебристых метровых игл ракет ближнего воздушного боя. На овальном столе в центре зала веером размещались почти два десятка пурпурных цилиндров, холодно рассматривающих нежданных гостей змеиными оптическими глазами.

— Что это? — спросил Робин, кивая в сторону цилиндров, чтобы хоть как-то рассеять гнетущую тишину зала.

Гордон, хмуро осматривающий помещение арсенала, коротко буркнул:

— Лазерные пушки, что же еще. Э-эх, дела...

Гэндальф вместе с притихшим Сэмбо, который теперь не отходил от мага ни на шаг, удалились в один из самых просторных секторов. Не говоря ни слова, они почтиительно рассматривали лежащий на специальной подставке шестиметровый корпус крылатой ракеты, устрашающе раскрашенной под зубастую акулу.

— И кто бы мог подумать, что над ничего не подозревающими землянами много лет кружилась смерть, — тихо пробормотал Эдмунд, разглядывая лазеры. — Вот такими пушками, Саманта, в конце прошлого века хотели ослеплять головки самонаведения баллистических ракет противника. Ты слышала что-нибудь о старом проекте «звездных войн»?

— Конечно, — подавленно сказала девочка. — Но я думала, что эта идея давно похоронена, еще до Мирного договора...

— Как видишь, кое-что сохранилось. Надеюсь, что совершенно случайно... Не исключено, что эту станцию-невидимку военные просто потеряли! Иначе мы вряд ли попали бы сюда. Теперь понятно, почему НАСА так поспешно послала комиссию в космомузей — ведь они-то отлично знают, что в хозяйстве капитана числится старый

космосамолет, некогда приписанный к «Ахиллу». Слейтон наверняка раззвонил историю о том, как капитан Гордон вместе с закоренелыми преступниками занялся поисками «меча времени»,— руководству НАСА оставалось лишь протянуть нехитрую ниточку к «Стрельцу»... Джордж, у нас есть возможность связаться с секретариатом ООН по видео?

Гордон пожевал губами в сомнении. Ему было стыдно признаться, но он и понятия не имел, есть ли на этой модификации космосамолета открытый видеоканал.

Неожиданно свет в зале погас.

— Это что еще за шутки? — взревел Вий.— Сэмбо, друг, ты где? Саманта перекормила меня блинами, и я стал совсем плохо видеть в темноте. Э-э, руки, руки уберите! Как сейчас врежу!

Зал наполнился громкими лязгающими звуками. Саманта взвизгнула, почувствовав, как что-то холодное больно сжало ей руку.

— Робин! — закричала она.— Робин, кто здесь?

Несколько минут в полной темноте шла отчаянная борьба. Там, где только что стоял Гэндальф с хоббитом, дважды вспыхивали оранжевые сполохи — похоже, маг пытался осветить поле битвы, чтобы разглядеть нападавших. Под сводами зала оглушительно прокатывались боевые кличи Вия, которому удавалось отбиваться от невидимых противников. Но вскоре и могучий гном был повержен на пол.

— Справились,— обиженно произнес он.— Все на одного! Консервные банки несчастные, глаза бы мои вас не видели!

— Кто это, Виюшка? — Голос Саманты дрожал. Она безрезультатно пыталась вырваться из железных объятий какого-то существа, безмолвно стоявшего рядом.— Кто на нас напал?

— Я, Черный Рыцарь! — оглушительно загредел рядом скрипучий холодный голос.— Жалкие людишки, как вы посмели нарушить покой моего замка?

Вспыхнул ослепительный свет. Зал оказался заполнен десятками роботов самых странных форм — от паукообразных созданий с извивающимися суставчатыми ногами до черных приплюснутых «крабов», воинственно размахивающих в воздухе мощными конечностями с острыми как бритва клешнями и широкими присосками. И над всем

этим механическим воинством возвышалась черная двухметровая фигура андроида в пурпурном бархатном плаще. Выпуклый грудной панцирь робота был искусно украшен изображением свирепого дракона, извергающего из пасти ослепительное пламя, тяжелые руки опирались на эфес длинного меча, спрятанного в золотистые нежны. Массивная голова-шлем была угрожающе наклонена вперед, и Саманте показалось, что из глубины узкой глазной щели на нее с ненавистью смотрят безжалостные глаза.

— Да это же боевой робот! — удивился капитан Гордон, которого плотно охватывал белый кокон из тончайшей, но очень прочной сети. — Я думал, последнюю модель этих убийц отправили на переплавку лет тридцать назад...

Черный Рыцарь медленно повернул голову к старому космонавту.

— Ошибаешься, человек, — с вызовом произнес он. — Меня и моих слуг никто и пальцем не тронул, не то что наших бедных сородичей с других станций. Тридцать лет прошло с того дня, как люди вошли в эту дверь. — Рыцарь коснулся вороненой перчаткой поверхности овальной двери с ярко-красным изображением обнаженного клинка. — Они должны были провести первый эксперимент с главным оружием нашей станции, сверхсекретным «мечом времени». Потом был взрыв — и мы остались одни. В тот момент я находился в соседней лаборатории и едва не погиб от обломков стены и космического холода. Мои верные слуги спасли меня. С той поры я, и только я, властвую над «Ахиллом». Чтобы люди больше никогда не посягали на мои владения, я подчинил своей власти Большой Мозг станции и увел ее со старой траектории.

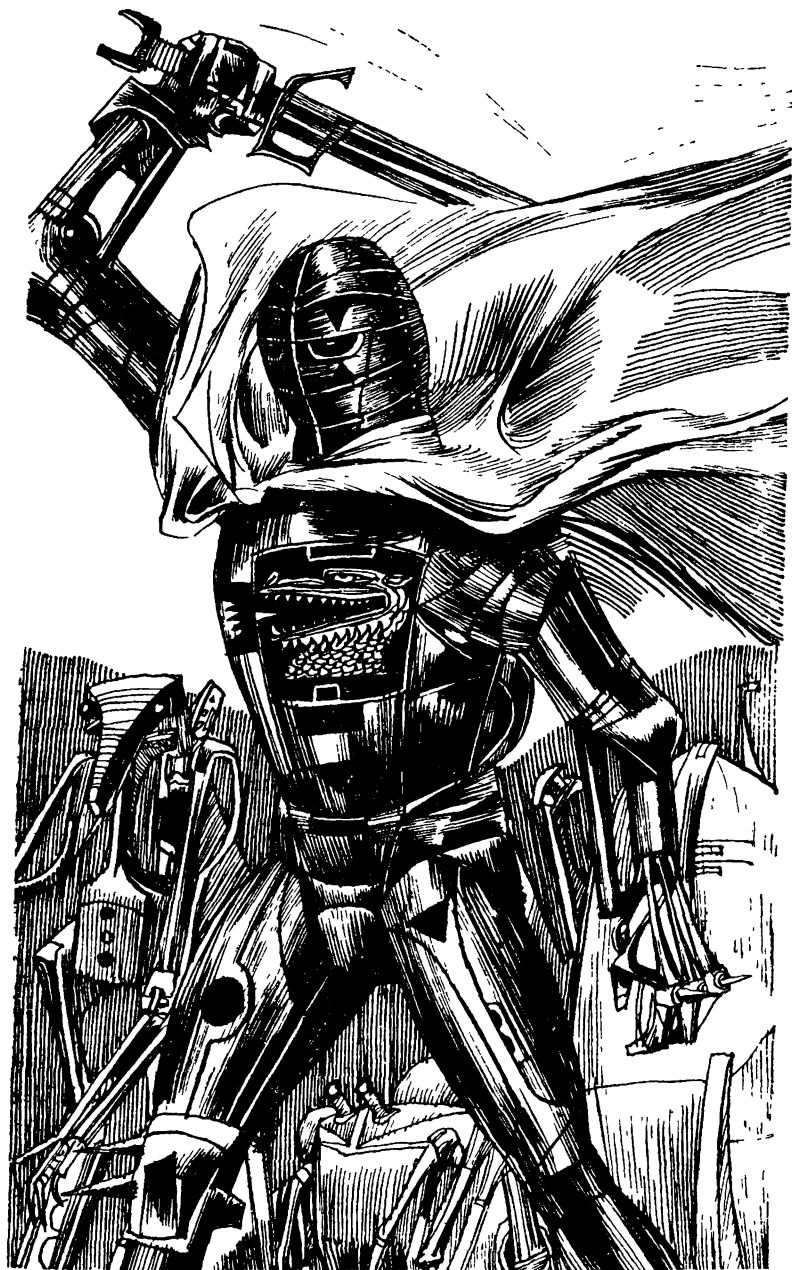
Андроид замолчал и обвел гостей горящим взглядом.

— Вы не похожи на моих бывших хозяев, особенно этот. — Рыцарь кивнул в сторону поверженного Вия, на котором для верности уселись пять небольших «крабов». Они с трудом удерживали клешнями сопящего гиганта. — И потом, вы не назвали пароль!

Капитан крикнул от досады. Он хорошо знал этот тип военных роботов, примитивных и прямолинейных, и понимал, что всякая попытка разумного разговора с ними обречена на провал.

— Пароль: «Сигма-5»! — неожиданно выпалил раскрасневшийся от возбуждения Робин.

Синтетическая сеть, опутавшая мальчика, не давала

ему пошевелиться. Самое обидное, что поймавший его робот был очень похож на обыкновенного суслика. Он флегматично сидел у ног Робина и, держа в лапках веревку, стягивающую сеть, непрерывно шевелил нижней челюстью, словно что-то жевал.

— Пароль неверен,— холодно отпарировал Черный Рыцарь.— Вы шпионы! Хитростью вы попали на секретную военную базу! Непонятно, как вам удалось захватить «Стрелец», давно пропавший без вести.

— Прежде чем решать, шпионы мы или нет, ты должен связаться с Центром,— с трудом сдерживая ярость, сказал капитан Гордон.— Только люди могут решать судьбы людей!

Рыцарь отрицательно покачал головой.

— Центр не отвечает на мои запросы. Не знаю — почему. Люди на станции испытывали «меч времени» и погибли. Теперь я здесь хозяин. Я считаю вас шпионами. Властью, которую я дал сам себе, принимаю решение: уничтожить вас всех. Слуги, откройте кессон!

Двое дынеобразных роботов послушно рванулись к окованной сталью двери, но голубые молнии, словно ножом, перерезали их никелированные туловища. В облачке белесого тумана Саманта увидела высокую фигуру Гэндальфа, выходящего из-за зубастого корпуса крылатой ракеты в центр зала. Толпа роботов испуганно расступилась перед ним.

— Киборг,— скрипуче сказал Черный Рыцарь, смиряя Гэндальфа с ног до головы,— я сразу заметил тебя и ни на мгновение не упускал из виду. Ты могуществен, как я. Зачем нам ссориться? В моем замке хватит места для двоих повелителей! Ремонтные роботы создали мне сотни новых подданных. Они подчиняются моим прихотям. Зачем жалеть людей?

— Робот не должен причинять вреда человеку,— тихо сказал Гэндальф.— Отпусти моих друзей, и я сделаю все, что ты захочешь.

— Отпустить? — заскрежетал Черный Рыцарь.— Они тогда приведут других людей и лишат меня власти! Ты забыл, киборг,— боевой робот лишен предрассудков, вложенных в головы вам, низшим автоматам. Я — хозяин сам себе. В моих руках самое совершенное из созданного на Земле — оружие! Зачем же отдавать его людям? Они сами вложили в меня и моих слуг умение убивать. Пусть

теперь они трепещут! Через год моя армия вторгнется на Зем...

Андроид не договорил. Гэндальф молниеносно схватил стоявшего рядом робота за ноги и, размахивая им над головой, пошел на Черного Рыцаря. Тот, угрожающе закрипев, выхватил из-за пояса длинный серебристый меч и сделал шаг навстречу противнику. Роботы, словно повинувшись беззвучной команде хозяина, мгновенно отодвинулись к стенам зала, железной хваткой оттащив за собой пленников.

— Ура, бей его, Гэндальф! — восторженно закричал Робин, не обращая внимания на жесткие пинки и болезненные щипки, которыми щедро награждал его очнувшийся от меланхолии «суслик».

Саманта тоже что-то возбужденно кричала, и только капитан обменивался с кибернетиком встревоженными взглядами: они понимали всю опасность, которая нависла над их небольшим отрядом.

Черный Рыцарь первым сделал выпад, и его меч просвистел в нескольких сантиметрах над капюшоном быстро пригнувшегося мага. Тотчас Гэндальф, коротко размахнувшись, обрушил на голову противника отчаянно верещавшего робота, одновременно ослепив рыцаря струями плотного белого дыма из рукавов. Раскаты грохота прокатились под низким сводом зала. Андроид покачнулся от мощного удара, сбившего несколько пластин с его бронированного шлема. Меч выпал из его рук и, звеня, покатился по полу.

— Хватайте киборга, роботы! — заскрежетал Черный Рыцарь, отступая к стене. — Немедленно откройте дверь в кесон!

Повинуясь приказу, на Гэндальфа бросилась целая свора роботов. Напрасно маг, сверкая молниями, пытался сбросить их с себя. Через минуту он был буквально погребен под десятками паукообразных тел.

Друзья, не сговариваясь, сразу начали отчаянную борьбу, пытаясь вырваться из рук своих безжалостных охранников, но лишь могучему Вию удалось разбросать в стороны наседавших на него киберов.

— Дверь! — кричал Гордон, из последних сил борясь с двухметровым цилиндрическим роботом, обхватившим его туловище четырьмя массивными клешнями. — Вий, не давай им открыть дверь!

Но было уже поздно. Юркий тонконогий кибер, похожий на богомола, успел прикоснуться длинными пальцами к кнопкам шифрозамка. Овальная дверь автоматически распахнулась, открыв широкий, чуть освещенный кессон.

— Э-эх, я вам покажу, жестянкам! — взревел Вий, бросаясь к дверце.

Робот-богомол, струсив, немедленно упал на пол, притворившись обыкновенным ржавым ломом, и гном, споткнувшись об него, с воплем влетел в кессон. За ним последовали один за другим все люди. Только Сэмбо ухитрился еще сколько-то времени выскальзывать из яростно клацающих клешней, но вскоре и он рыбкой влетел в кучу малу. Еще мгновение — и Черный Рыцарь недрогнувшей рукой захлопнул овальную дверцу.

— Похоже, мы попали в серьезный оборот, — сказал Гэндальф, не без труда выбравшись из-под огромного туловища Вия. — Прости, Саманта, но на этот раз великий маг оказался так же беспомощен, как и все вы.

— «Меч времени», — словно не расслышав киборга, пробормотала Саманта, потирая сильно ушибленную коленку. — Капитан, что они собираются с нами сделать?

Гордон огорченно пожал плечами. За него ответил Эдмунд. Он вновь приобрел спокойный, надменный вид — таким Саманта встретила его впервые в летающем замке, охраняющем Страну Сказок. «Сколько всего случилось с той поры в моей жизни!» — с грустью подумала девочка.

— Черный робот-убийца что-то говорил о взрыве, — сказал Эдмунд. — На космической станции это грозит нам открытым космосом... Боюсь, нам не разгадать тайны «меча времени» — ресурсы скафандров рассчитаны всего на двадцать часов. Я уж не говорю о Гэндальфе и Вие...

Выходная дверь кессона начала медленно открываться. Тревожно замигали лампы. Раздался тонкий свистящий звук, и Саманта почувствовала, как воздух стал стремительно уходить через расширяющуюся темную щель.

Друзья тревожно переглянулись.

*

Вид, открывшийся за распахнутой дверью, поразил всех, даже обычно невозмутимого Гэндальфа. Черный бархат безбрежного космоса был проколот мириадами разно-

цветных звезд, собранных в причудливые гирлянды, среди которых с трудом узнавались привычные созвездия. Недалеко от разорванного, искореженного края стены разрушенной лаборатории неподвижно висел гигантский астероид, формой напоминавший океанский айсберг. Нижняя его часть была испещрена глубокими расщелинами, кратерообразными впадинами, острыми выступами-скалами. Наверху, на сравнительно плоской поверхности, голубовато отсвечивали овальные корпуса десятков высоких «зданий», плотно сгрудившихся около кристаллообразного «дворца». Везде были видны следы мощного взрыва: некоторые «здания» оказались смяты, словно яичная скорлупа, от множества висячих мостов через расщелины сохранились лишь отдельные секции.

— Как вы считаете, капитан, что здесь произошло? — услышала в шлемофоне Саманта взволнованный голос кибернетика.

— Я не прорицатель, — проворчал Гордон и осторожно сделал несколько шагов по засыпанному обломками приборов полу лаборатории, — но мне не нравится этот астероид. Откуда он взялся? Когда мы подлетали к станции, ничего подобного рядом не было, уверяю вас. Не говорю уже о том, что такую махину давным-давно заметили бы с Земли и заодно сразу же обнаружили бы «Ахилл». Что-то здесь не то...

— А воздуха здесь совсем нету! — неожиданно прогудел возмущенный Вий. — Вам хорошо рассуждать, а я начинаю леденеть, как сосулька. Гэндалф, да мы с тобой здесь отдадим концы!

Саманта только сейчас осознала, какой опасности подвергаются оба ее друга, не защищенные спасательными скафандрами. Но капитан Гордон подумал об этом раньше.

— Вот что, — решительно сказал он. — Назад через кессон нам не пробиться — я знаю эту конструкцию, ее и снарядам не прошибешь. У нас остается один-единственный выход. Мы с Недом сейчас попытаемся выйти через разлом в стене и осторожно проберемся по обшивке станции к посадочной площадке. Если этим проклятым роботам не придет в их железные головы мысль заблокировать «Стрельца», через час мы будем в безопасности. Гэндалф, Вий, вы продержитесь?

Старый маг пожал плечами:

— Не уверен. Без воздуха обойтись можно, а вот холод... У меня уже начинают неметь руки.

— Караул! — закричал Вий и заколотил огромными кулаками по стальной двери. — Пропадаю ни за понюшку табаку! Ну, банки консервные, доберусь я до вас, каждому башку откручу!

Капитан с Эдмундом, не теряя времени, подошли к разлому в стене, ухватились руками за острые зазубренные края стены, сделали шаг в пустоту и исчезли. Сэмбо, обливаясь слезами жалости, принялся утихомиривать разбушевавшегося Вия, а Саманта подошла к магу, на глазах терявшему силы, и осторожно подвела его к кожаному креслу.

— Вот, кажется, и все, — еле слышно пробормотал Гэндальф, откидываясь на мягкую спинку и закрывая глаза набрякшими посиневшими веками. — Не плачь, девочка, я и так прожил год сверх отпущенного мне судьбой... Вас с Робинем жалко — вы только начинаете жить...

— Капитан скоро приведет «Стрельца», правда? — всхлипнула Саманта.

— Будем надеяться... Хотя не уверен, спасет ли это нас.

Девочка не поняла, что имел в виду старый маг, но не решилась его расспрашивать.

Ей-то в надежном скафандре пока ничто не грозило, а Гэндальф погибал на глазах. И она ничего, ничего не может сделать!

...Сколько времени прошло — десять минут или несколько часов, Саманта не знала. Присев на пол, она прислонилась шлемом к спинке кресла и старалась ни о чем не думать. Но, вопреки ее желанию, перед глазами замелькали как бы кадры из старого кинофильма — картины последнего прожитого года. Встреча с видеотенью умершей бабушки, огромные просторы Территории, заросшие искусственными «вековыми» лесами, знакомство с Робинем, неожиданные встречи с Сэмбо и Гэндальфом... Сколько необычного произошло — и сколько ошибок и глупостей она успела сделать! Но теперь она твердо знает, что вольно или невольно встала на путь, которым следовала всю жизнь знаменитая бунтарка Ангелина Бакст. Путь, на котором не обойтись без трагедий и потерь... Бедный, милый Гэндальф...

— «Стрелец»! — неожиданно загремел в наушниках

шлемофона радостный голос Робина.— Саманта, они прилетели!

Белоснежный контур космосамолета, словно лебедь, парил в нескольких десятках метров от разлома в стене, озаренный призрачным светом далеких созвездий. Из центральной части фюзеляжа уже выдвигалась трубчатая конструкция переходного пандуса.

— Саманта, помоги хоббиту! Быстро! — резко приказал Робин, осторожно подымая с кресла безжизненное тело киборга.— Вий, ты сможешь идти сам?

— Бр-р-р...— невнятно пробормотал гном, с трудом поворачивая голову из стороны в сторону и безуспешно пытаясь подняться с пола. Длинная рука его, стараясь найти точку опоры, нащупала рядом стойку с какими-то приборами, которая тут же рухнула, подняв в полутьме лаборатории тучу лежалой пыли.

Саманта бросила на Вия взгляд, полный жалости. Послушно подхватив под мышку дрожащего от страха Сэмбо, она побежала в сторону широкого раструба, висевшего рядом с проломом в стене. Рядом, но, чтобы попасть в него, нужно было сделать прыжок метров на пять, не меньше. Прыжок через бездну!

— Не стой! — крикнул Робин и, оттолкнувшись от зазубренного края пола, ринулся в темноту вместе с безжизненным Гэндальфом.

Девочка, ободренная смелостью друга, изо всех сил прыгнула ему вслед. На миг она повисла в бездонном пространстве, ослепленная ярким светом бесконечно далеких звезд, но тут же темнота поглотила ее. Последовал сильный удар. Хоббит отчаянно заверещал. В глазах Саманты вспыхнули радужные огни, она почувствовала резкую боль в руке и потеряла сознание.

ГЛАВА 2

Яркий голубой свет вывел Саманту из забытья. Она зажмурилась и попыталась сообразить, где она и что с ней. Тело ее, отяжелевшее, непослушное, казалось чужим. Только левая неестественно горячая рука была ее. Слегка пошевелив пальцами, она поморщилась: по предплечью словно прошел разряд электрического тока.

— Больно? — сочувственно произнес кто-то рядом.

Девочка осторожно приоткрыла глаза и увидела склонившееся над ней встревоженное лицо Гэндальфа. Седые длинные волосы мага, обычно мягкими волнами спускавшиеся ему на широкие плечи, были всклокочены, морщины на щеках стали рельефнее, кожа заметно посерела. Глаза еще глубже запали, их взгляд был непривычно резким и холодным... Но это был Гэндальф, живой и невредимый Гэндальф!

Саманта хотела хоть как-то выразить свою радость, однако слова застряли в горле сухим комком. Она закашлялась, судорожно прижав ладонь правой руки к растрескавшимся губам.

— Лежи, лежи, тебе еще рано вставать,— сказал маг, успокаивающе поглаживая ее по плечу шершавой ладонью и заставляя вновь улежться на диванчик.— Ты получила при прыжке несколько сильных ушибов. Мы сделали несколько инъекций биовосстановителя, но придется подождать еще час-полтора, пока все пройдет. Да и успеешь еще на все посмотреться...

Саманте показалось, что в словах киборга прозвучала плохо скрытая горечь, и она, собравшись с силами, хрипло спросила:

— Что-то случилось? Неужели кто-то из наших остался на станции?

— Не беспокойся, девочка, все в целости и сохранности здесь на «Стрельце». Капитан с Эдмундом успели вовремя, иначе нам с Виём пришлось бы плохо. А вот станция... гм-м-м...

Через час, хорошенько вздремнув, Саманта почувствовала прилив бодрости и, несмотря на протесты друзей, решительно вскочила на ноги. То, что она увидела, ее потрясло...

Все члены экипажа, кроме Эдмунда и Гордона — они находились в пилотской кабине,— сгрудились у иллюминаторов, но не у правого борта, где открывался фантастический вид на крошечную планетку с загадочным «городом», а у противоположного, левого борта. Поначалу девочка не поняла, что привлекло их внимание в открывшейся за круглыми стеклами панораме. Все та же бездонная чернота, огоньки далеких звезд... Всего этого они уже вдоволь рассмотрелись, когда обреченно сидели в разрушенной лаборатории «Ахилла». Стоп, а где же станция?

Робин, с трудом оторвавшись от иллюминатора, приветливо улыбнулся девочке.

— Чудные дела творятся в этих местах! — сказал он. — Веришь, еще полчаса назад против левого борта торчала станция с рваной дырой в боку. Но едва мы двинулись с места, как эта прохудившаяся бочка со свихнувшимися роботами словно куда-то провалилась! На моих глазах, чтоб мне лопнуть!

Стоявший рядом Сэмбо недоверчиво хмыкнул:

— Так уж и провалилась! Мы с Гэндальфом почему-то этого не заметили. Между прочим, глаза у меня соколиные, не то что у некоторых горе-охотничков!

— Ишь какой шустрый! — обиделся Робин. — А сам и в окно-то ни разу не глянул — все крутился у своего разлюбленного Вия! Говорю вам — станция исчезла в один миг, мы от нее и на полсотни метров не успели отойти...

Девочка вопросительно посмотрела на киборга. Она никак не могла понять, что озаботило ее друзей. Пропал куда-то злополучный «Ахилл»? Ну и славно, по крайней мере, не придется ждать какой-либо каверзы от Черного Рыцаря.

— Ладно, посмотрим, — сдержанно сказал Гэндальф. — Пойду в пилотскую кабину — быть может, бортовые локаторы помогут разгадать тайну этого внезапного исчезновения. Робин, займись-ка Вием — надо уложить его поудобнее. Силенок хватит?

Только сейчас Саманта заметила, что гном лежал на полу в конце салона, взгромоздив дубообразные ноги на спинки соседних кресел. Длинные веки великана были закрыты, всклокоченные волосы ниспадали на лицо, закрывая его до подбородка. Вий сладко спал, слегка похрапывая, и что-то неразборчиво бормотал себе под нос.

Сэмбо любовно поправил сбившийся балахон гнома и, дождавшись, когда дверь за магом захлопнулась, проворчал:

— Раскомандовался тут! Нечего Виюшку трогать, ему, может, удобней лежать вниз головой. Пусть отдохнет спокойно, бедняга чуть не помер в этой распроклятой пустоте!

Ребята, переглянувшись, понимающе улыбнулись. Дружба крохотного хоббита с могучим гномом была очень трогательной. Забавно, конечно, что малютка Сэмбо часенько разговаривал с великаном покровительственно. Мягкий, добродушный хоббит немедленно приходил в

ярость, если ему казалось, что к Вию кто-либо относился недостаточно уважительно.

Вид мирно спящего биоробота окончательно успокоил Саманту. История с таинственным исчезновением станции показалась ей пустяком. Все ее товарищи вышли из смертельной переделки невредимыми, если не считать нескольких ее пустячных ушибов. Что еще было нужно?

Но, как оказалось, радоваться было рано.

Через полчаса Эдмунд неожиданно открыл дверь в салон и пригласил всех в святая святых — пилотскую кабину. Сгорая от любопытства, ребята вошли в просторное шестиугольное помещение с широким, во всю переднюю стену, экраном. Его освещал свет десятков созвездий. На множестве разнокалиберных дисплеев извивались разноцветные змейки сигналов, отражая состояние различных агрегатов «Стрельца».

«И как только капитан может ориентироваться в этом пестром калейдоскопе?» — подумала Саманта. Она перевела взгляд на кибернетика и с сочувствием заметила, что тот выглядел усталым и подавленным.

Гордон стоял у пульта управления и пытливо смотрел на своих спутников. Полутьма, царящая в кабине, придавала его массивной фигуре зловещую таинственность. У Саманты вдруг тревожно забилося сердце. Капитан пристально посмотрел на нее и усмехнулся:

— Говорят, ты очень начитанна, девочка. Помнишь пьесу русского классика Гоголя «Ревизор»? Она начинается с того, что мэр одного провинциального городка пригласил своих товарищей для того, чтобы сообщить им пренеприятное известие. Хотя я не мэр, а всего лишь пилот этой летающей посуды, но, увы, собрал вас по той же причине...

— Не тяните, Джордж Гордон! — нервно воскликнул Робин, от волнения впервые называя капитана по имени. — Мы готовы ко всему! Я так понимаю, что на станции случилась катастрофа?

— Станция? Если бы дело было только в ней... Все гораздо хуже: исчезла не станция, а мы! И не только в пространстве, но и во времени!

Ребята недоуменно молчали, а Сэмбо возмутился:

— Не знаю, как ты, капитан, а я никуда не исчезал. Вот он я, сижу на железном ящике у стены, ты же видишь!

Командир «Стрельца» слегка улыбнулся, но тут же его лицо вновь стало суровым.

— Понимаете, меня с самого начала нашего бегства из лаборатории удивляло, что Черный Рыцарь проявил к нам, приговоренным к смерти пленникам, такую поразительную беспечность. Андроид не мог не знать, что мы, люди, неуязвимы в наших скафандрах, по крайней мере, космической пустотой нас не убьешь. А уж догадаться, что мы постараемся выбраться на поверхность станции с надеждой вновь завладеть «Стрельцом», было проще простого! Тем более что посадочная площадка наверняка находится под наблюдением автоматов. И все же мы беспрепятственно взлетели!

— Не мучайте их, Джордж,— раздраженно сказал Эдмунд.— Пусть они посмотрят на планету...

Саманта невольно проследила за взглядом кибернетика. Прямо за ее спиной, на экране телемонитора, голубовато светилась Земля, наполовину закрытая белесой вихревой облачностью. Контурь материка были еле различимы, и она с трудом узнала бурый кулак Пиренеев, выдвинутый в океанскую гладь. Да, это Европа... Ну и что?

Словно отвечая на ее немой вопрос, изображение на экране начало стремительно расширяться, как будто «Стрелец» с бешеной скоростью начал падать вниз. Несколько минут Саманта безуспешно пыталась что-либо разглядеть в мешанине быстро мелькающих кадров. Наконец изображение качнулось в последний раз и установилось. Леса, бескрайние леса...

— Что это? — тихо спросил Робин.

— Кажется, Мадрид,— глухо ответил Эдмунд.— Столица Испании — но только триста тысяч лет назад. Так же выглядят Лондон, Москва, Париж — необъятные леса, болота, степи... Мы провалились в глубокое прошлое, вы понимаете? Только не спрашивайте, как и почему это произошло.

— Об этом можно, по крайней мере, догадываться,— зазвучал в полутьме спокойный голос Гэндальфа.— Я полагаю, это связано со взрывом загадочного «меча времени», за которым мы так неудачно охотимся. Мы толком даже не знаем, что это такое и почему предшественник Вия, первый Черный Властелин, заклинал в своем дневнике: «Найдите это кошмарное оружие и уничтожьте его, прежде чем оно уничтожит вас!» Он оказался пророком, этот киборг... «Меч», даже разрушенный, оказался для нас роковым! Видимо, при его взрыве около «Ахилла» образо-

валась зона пространства со своим, локальным временем. Потому-то мы и не заметили, подлетая к станции, никакого астероида!

— Тогда понятно, почему Черный Рыцарь дал нам беспрепятственно увести «Стрельца»...— горестно вздохнул капитан.— Убить нас он не мог: несмотря на его хвастовство, законы робототехники не давали ему впрямую совершить насилие над людьми. И он, зная о туннеле во времени, дал нам возможность самим угодить в эту ловушку! Станции мы уже не будем опасны, а остальное робота не волнует...

В пилотской кабине воцарилось глубокое молчание. Были слышны только гул многочисленных приборов да обиженное сопение мало что понявшего хоббита. Побледневший Робин, с трудом выговаривая слова, спросил:

— Если мы, чуть отойдя от станции, провалились в эту чертову яму во времени, то почему нам так же легко из нее не выбраться?

— Это мы и пытаемся сделать, малыш, вот уже почти два часа,— грустно ответил капитан, с жалостью поглядывая на растерянных ребят.— Но похоже, мы попали в туннель с односторонним движением...

— Значит... значит, я больше никогда не увижу своих родителей? — воскликнула Саманта, чувствуя, как ее глаза начинают щипать закипающие слезы.— И мы навсегда останемся в этом отвратительном ледяном космосе?

— А я никогда не заберусь в свою норку? — взвизгнул вслед за ней Сэмбо, начинавший постепенно понимать, что произошло.— Эй, мы так не договаривались! Немедленно верните меня туда, откуда взяли, хоть на Территорию, чтоб ей провалиться! До дома я сам доберусь — только вы меня и увидите...

Трое взрослых смущенно переглянулись.

— Перестань паниковать, Сэмбо,— иронично усмехнулся Эдмунд.— Чего-чего, а норок тебе хватит... Их будет даже слишком много для одного бестолкового хоббита. Джордж, вы готовы?

Капитан кивнул и, вздохнув еще раз, неуклюже стал усаживаться в пилотское кресло, позвякивая застежками пристяжных ремней.

— Ладно, будем считать митинг оконченным,— сказал он.— Посмотрим, что мы скажем, когда вдоволь находимся во-он по тому камешку.— И он кивнул в сторону асте-

роида, светящегося турмалиновым светом на бархате бездонной пустоты.— Пассажиры, марш по своим местам! Кстати, советую плотно пообедать — день у нас предстоит не из легких...

«Стрелец», маневрируя, приближался к астероиду не менее часа. Все это время Саманта сидела, плотно вжавшись в податливую спинку кресла и закрыв глаза. Рядом громко звучали голоса горячо споривших о чем-то Робина и Сэмбо, время от времени их осаживал рассудительными репликами маг, но она полностью погрузилась в собственные мысли и не осознавала смысла спора. Только что услышанная новость потрясла ее. В последние месяцы, увлеченная разгадкой тайны Территории, она почти не вспоминала об отце с матерью и тем более о брате Дике. А сейчас она почувствовала, как ей не хватает сильных, ласковых рук отца, его доброй и тактичной заботы о своей непутевой дочери. А мама... Мама есть мама. Саманта понимала, что Джейн искренне любит ее, но по-своему. Маме хочется, чтобы дочка стала ее копией: недалекой мешаночкой, вечно занятой заботами о семье и о своей драгоценной внешности. Разве можно винить маму за это? Большинство женщин таковы...

Обидно, конечно, что родители редко навещали ее в интернате для соцминусов, особенно в самые тяжелые для нее первые годы. Да и слишком сухими и короткими были эти встречи в серой приемной с голыми каменными стенами под перекрестными взглядами суровых воспитательниц. И все же она не раз замечала непривычную дрожь в голосе Джейн и затаенную боль в глазах отца. Когда-то, в далеком детстве, бабушка говорила ей: «Чтобы ни случилось, родители останутся самыми близкими для тебя людьми, не забывай об этом никогда, внучка...»

Саманта почувствовала, что нервы начинают сдавать и она вот-вот расплачется. Большим усилием воли девочка заставила себя отвлечься от грустных мыслей. Ладно, не все еще потеряно! Капитан явно надеется что-то найти на астероиде, среди развалин странного «города». Кстати, а возьмут ли взрослые ее с собой? Она же совсем не умеет ходить при невесомости, а на такой крошечной планетке — не больше километра

в диаметре — и сила тяжести должна быть ничтожной...

Ее опасения оказались напрасными. После того как «Стрелец» плавно опустился на широкую «площадь», окруженную развалинами почти двух десятков куполообразных «зданий», первыми на покрытую густым слоем каменной пыли «мостовую» сошли капитан с Эдмундом. Как ни странно, их движения были совершенно обычными, словно они шли по Земле.

Поймав недоуменный взгляд Саманты, Робин солидно пояснил:

— Не знаю, кем были эти пришельцы, но головы у них работали отлично! Эдмунд еще во время спуска понял по показаниям гравитометра, что сила тяжести на астероиде чуть меньше земной. Значит, где-то в толще скал стоит синтезатор искусственного гравитационного поля. Правда здорово? Послушайте, Гэндальф, вы будете выходить вместе с нами?

Маг стоял у иллюминатора и пристально разглядывал стены ближайшего разрушенного купола. Он пожал плечами.

— Посмотрим... Без скафандра я больше из «Стрельца» и шагу не сделаю — хватит с меня приключений на станции. А скафандр у нас с капитаном один на двоих. Сэмбо, надеюсь, ты не оставишь меня скучать одного?

— Ясно, не оставлю, — буркнул хоббит, с опасением поглядывая на таинственный «город». — Очень мне нужно ползать среди камней в такую холодищу! Ни тебе травы, ни цветов, даже обыкновенного ручья не видать. Нет, мы с Виюшкой, — он ласково кивнул в сторону шумно храпящего гнома, — с удовольствием здесь посидим. И вам, ребята, того же советую.

— Ни за что! — решительно сказал Робин, надевая прозрачный шар шлема и застегивая зажимы. — Пойдем, Саманта, видишь, капитан машет нам рукой?

Держась за поручни трапа, девочка осторожно спустилась на каменистую поверхность «площади». В первый раз, если не считать злосчастного прыжка из разлома в стене «Ахилла», она оказалась в космической пустоте. Черная бездна тяжким грузом опустилась ей на плечи. Разноцветие звезд, почти незаметное на Земле, объемное расположение их в пространстве, ощущение смертельного холода, царящего совсем рядом, за тонкой серебристой оболочкой скафандра, — все это было внове для Саманты. Делая пер-

вые шаги по астероиду, она не раз успела пожалеть, что не последовала мудрому совету хоббита.

Вид, открывавшийся с «площади», был фантастичным. Десятки разнокалиберных голубых куполов, словно грибы-капринусы, теснились у подножия многоугольного пепельного «дворца», увенчанного лесом тончайших шпилей, переливающихся всеми оттенками сиреневого цвета. От «дворца» радиальными лучами отходили узкие «улицы», загроможденные каменными обломками. Проследив линию наибольших разрушений, девочка поразилась — вот это был взрыв! От обрывистых уступов на краю каменной глыбищи начиналась широкая и гладкая, словно лед, полоса, стрелой тянущаяся через город к кубообразному основанию «дворца». Прилегающие к этой жуткой трассе купола были раздроблены почти до оснований — словно по гусиным яйцам кто-то прошелся увесистым молотком.

Саманта неловко сделала шаг вперед, и тотчас под ее ногами поднялось облачко голубоватой пыли.

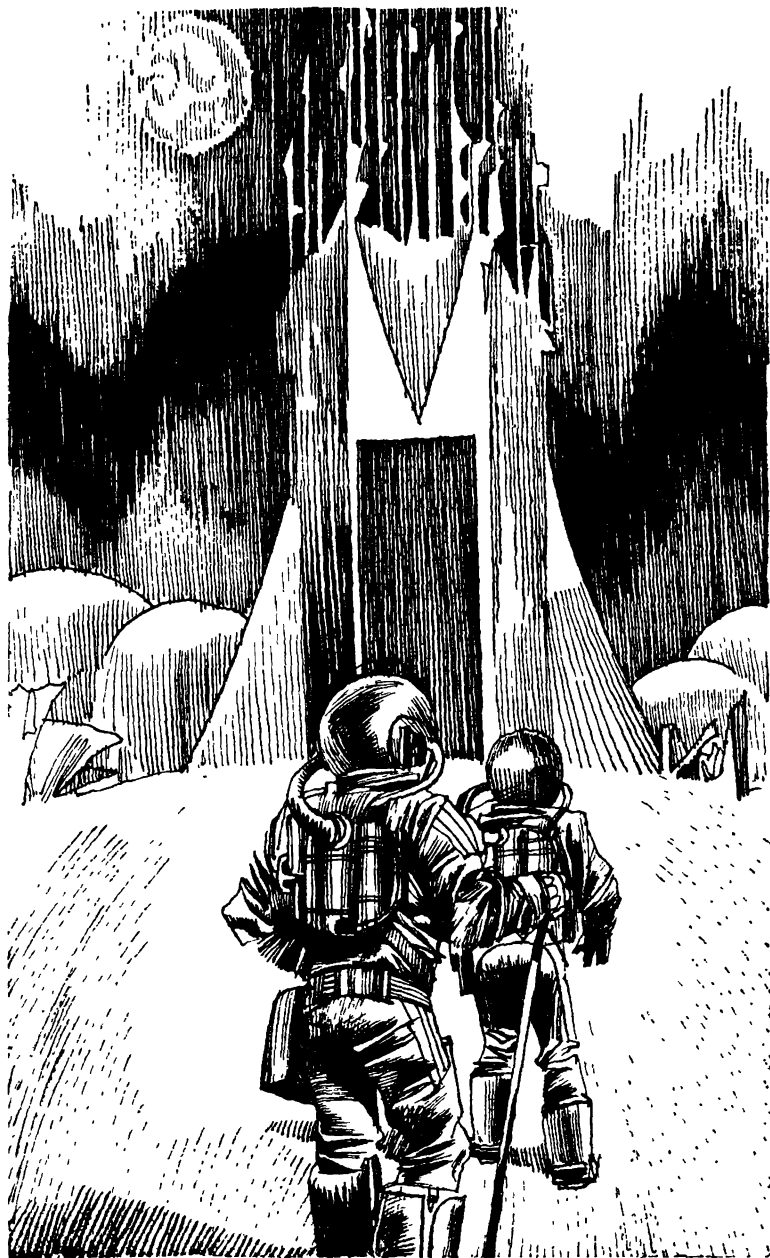
— Робин, почему вокруг все голубое? — неровным голосом спросила она, чтобы хоть как-то отвлечься от заволаживающего вида чужого «города».

Вместо ответа мальчик взял ее за плечи и осторожно развернул вправо.

Саманта увидела, что над изломанной линией горизонта висел огромный, в полнеба, голубой шар, полузакрытый молочной пеленой облаков. У девочки закружилась голова. Ей показалось, что она вот-вот оторвется от поверхности астероида и, словно метеорит, помчится, набирая скорость, к гигантской планете.

— Ничего,— прошептал Робин, ласково прикасаясь к ее шлему массивными металлизированными перчатками, словно желая потрепать ее волосы.— Ничего, привыкнем...

Капитан с Эдмундом стояли у ближайшего купола, терпеливо ожидая, пока ребята хоть немного присмотрятся к заволаживающему пейзажу. «Здание», похожее на расколотое пополам хрустальное яйцо двадцатиметровой высоты, вблизи производило угнетающее впечатление. Глубокие черные тени ползли от его клубневидного основания через всю площадь словно бездонные трещины. Саманте пришлось собрать все свое мужество, прежде чем она решилась переступить резко выраженную границу света и тьмы. Перейдя площадь по диагонали, ребята остановились на узкой полосе «тротуара», у невысокого

сооружения вроде ограды. Во дворе, у подножия «здания», стояло несколько полупрозрачных «деревьев» с мощными бугристыми стволами и густой грибообразной кроной, свитой из сотен суставчатых ветвей толщиной с палец. Рядом с «деревьями» возвышались шестиугольные тумбы с выпуклыми фасетчатыми торцами, слегка напоминавшими пчелиные соты.

— Неужто пришельцы выращивали здесь, на астероиде, стеклянные сады? — недоуменно спросил Робин.

— Скорее, не деревья, а энергетические установки. — В голосе кибернетика звучала нерешительность. — Или агрегаты, вырабатывающие атмосферу... Если уж обитатели этого летающего города создали искусственное тяготение, то для полного комфорта им осталось окружить эту глыбищу толщей воздуха. Как вы считаете, Джордж?

— Похоже, что поселение на астероиде было рассчитано на долгие годы странствия в Галактике, — отозвался капитан. — Ну что, Робин, пойдём в разведку?

Две серебристые фигуры шагнули во двор и, стараясь не приближаться к «деревьям», направились к змеевидному расколу в овальной стене купола. Широкие тени, тянущиеся через «улицу» от соседних «зданий», несколько раз поглощали идущих людей, и каждый раз у Саманты замирало сердце.

— Не бойся, девочка. — Эдмунд ласково посмотрел на Саманту.

У нее неожиданно сладко забилося сердце. Наконец-то они остались вдвоем и он нежно на нее смотрит! Или это просто игра бликов на стекле шлема?

— Вряд ли нам угрожает какая-либо опасность, — продолжал кибернетик, — слишком все мертво вокруг... Но надо быть настороже — стены этих развалюх могут обрушиться в любой момент! Прошу тебя, не отходи от меня ни на шаг!..

«Ни за что на свете!» — хотела пылко ответить Саманта, но не решилась. По радиофону ее слова могли услышать все остальные, в том числе и Робин... И так она нередко замечает его ревнивый, обиженный взгляд. Сама виновата — не надо было в прошлом году там, на биостанции, поощрять его неуклюжее мальчишеское ухаживание. После долгих жестоких лет, проведенных в специнтернате, ей так приятно было почувствовать чье-то внимание, чью-то заботу. Стройный, пышноволосый Робин показался ей

поначалу чуть ли не принцем! Но стоило ей встретить в летающем замке Эдмунда, как милые, нежные отношения с мальчиком ей сразу же показались только детской игрой. Хотя сейчас не время для признаний. Оно еще придет, это время, обязательно придет...

Через несколько минут все четверо друзей стояли в центре купола и с изумлением озирались по сторонам. Они ожидали увидеть все что угодно, но только не это...

Вокруг расстилалась бескрайняя степь, кое-где заросшая низкими раскидистыми колючками цвета морской волны. То там, то здесь коричневая растрескавшаяся почва взбухла небольшими холмиками, из вершин которых, словно грибы, выглядывали причудливые пурпурные образования, похожие на земные грибы трюфели. Впрочем, вскоре Саманте стало казаться, что это **были**... уродливые человеческие головы! Лысый, грушеобразный **череп**, три глубокие глазные впадины, забавный чайникообразный нос, заканчивающийся тонким, изящно изогнутым хоботком...

Робин, стоявший рядом с Самантой с выпученными от удивления глазами, коротко охнул и показал рукой вправо. Обернувшись, девочка увидела каменистые предгорья, тянущиеся до горизонта. Там, в лучах голубого солнца, сияли сахарные остроконечные вершины. У самой границы предгорий степь вспучивалась десятками особенно крупных «грибов». Один из них достигал пятиметровой высоты. У его основания отчетливо можно было различить дугообразную линию «рта», чуть приоткрытого в жутковатой насмешке. Над великаном с клетотом носилась стая мелких змеевидных существ. Они то и дело пикировали на макушку «гриба», чтобы оторвать зубастыми пастями очередные куски сочной красной плоти.

Саманта на мгновение зажмурилась и едва не упустила момента, когда панорама чужого мира стала меркнуть, наливаясь мглой. Вскоре лишь ребристые голые стены окружали потрясенных землян да высоко над их головами, в проеме купола, равнодушно сияли холодные звезды.

— Вы заметили, Джордж, какое над горами висело солнце? — взволнованно спросил Эдмунд.

— Как не заметить! — возбужденно ответил капитан. — Белый гигант! Хотел бы я знать, в какой части Галактики находится эта планета... Ладно, пойдем дальше. Ребята, смотрите во все глаза и запоминайте — все, что мы

увидели, надо будет тщательно описать. Нед, ты успел включить видеокамеру?

Кибернетик в ответ только презрительно хмыкнул и небрежно перебросил через плечо ремень переносной камеры. Вскоре они вновь пересекали призрачную черно-голубую «улицу», один вид которой навевал на Саманту тоску.

Соседний купол оказался совершенно целым, без единой трещинки, и все попытки проникнуть внутрь оказались тщетными. Зато следующее здание, хоть и было раздавлено буквально всмятку, успело поразить гостей смутной картиной какого-то тропического мира. Желто-зеленое болото, кишашее червеобразными тварями, колышашееся занавеси белесых испарений, низко нависающая над густой жижей паутина плотно переплетенных крон странных деревьев-вееров... Изображение исчезло без следа за несколько секунд, но Саманта успела ощутить чувство вечной тревоги, царящей под пологом джунглей далекой планеты.

Путешествие от купола к куполу оказалось настоящим по загадочным галактическим мирам, заселенным самыми невероятными существами. В калейдоскопе впечатлений Саманте особенно запомнился холодный мир, освещенный косыми лучами низко висящего красного карлика. От горизонта до горизонта планету застилал океан, испещренный огромными ледяными волнами, как бы мгновенно застывшими в разгар урагана циклопической силы. У подножия гигантских валов, словно в глубоких ущельях, бесконечными красными лентами тянулись полосы искристого снега. Казалось, даже пена, брошенная высоко в воздух над гребнями волн, превратилась в прихотливые ледяные сети. В одной из таких «сетей» Саманта успела разглядеть странную птицу, захваченную в плен в момент бреющего полета над океаном. Белые пышные крылья, длинное веретенообразное тело, изящная голова с короной сверкающих волос... И глаза, полные страдания глаза, устремленные прямо на людей, в них светился глубокий, всепроникающий разум...

Земляне были настолько ошеломлены обрушившимися на них впечатлениями, что, не сговариваясь, решительно миновали последние, особенно крупные купола, замыкающие «улицу», которая вела к «дворцу». Пройдя еще несколько десятков метров по засыпанной обломками «мос-

товой», они остановились у исполинского основания кристалла-«небоскреба», уходящего вершиной в черную звездную бездну. В основании фасада был отчетливо виден проем высокой двери. К ней вели сверкающие, словно лед под солнцем, широкие ступени. По обеим сторонам лестничной эстакады поднимались дымчатые постаменты, в глубине которых мерцали редкие золотистые огоньки. Статуи, некогда украшавшие постаменты, были сброшены вниз и бесформенными обломками громоздились на ступенях.

Капитан Гордон, шедший впереди, долго и с благоговением рассматривал «дворец», поразивший всех своей фантастической красотой. Внезапно скатившийся к его ногам синий кристалл, окутанный белой паутиной трещин, заставил его вернуться к действительности.

— Что ж, друзья,— старый космонавт не скрывал волнения,— если у нас и есть крошечный шанс на спасение, то он там, в недрах этого замка пришельцев! Ну-ка, Нед, включай свою камеру...

ГЛАВА 3

Путешествие по далеким звездным мирам, которое подарили землянам останки полуразрушенного «города» пришельцев, настроило их на ожидание самых необычных чудес. И потому все, не исключая капитана, не смогли сдержать возгласов разочарования, когда очутились в огромном зале «дворца». Друзей окружала все та же надоевшая бархатная тьма, лишь кое-где переливавшаяся тусклыми светлячками звезд. Циклопический «небоскреб», в отличие от своих меньших собратьев, никак не отреагировал на появление гостей.

Прождав безрезультатно почти десять минут, капитан Гордон решил включить мощный переносной фонарь, чтобы попытаться разглядеть хотя бы конструкцию стен. К его удивлению, вязкая мгла легко поглотила ослепительный луч, не открыв ни одного из своих секретов. Высота «здания» не превышала двухсот метров, а казалось, они стоят в открытом космосе!

Все попытки дойти до основания стен оказались безрезультатными, как будто люди попали в бесконечный звездный лабиринт. Куда бы они ни шли, вокруг все оставалось совершенно неизменным — редкие холодные звезды, глад-

кий, без единого шва стеклянистый пол и далекий розовый прямоугольник входа.

— Стоп! — тяжело дыша, сказал наконец командир отряда и выключил бесполезный фонарь. Лицо его было покрыто крупными каплями пота, хотя потоуловители скафандра работали во всю мощь. — Остановимся, иначе совсем заблудимся... Нед, у тебя есть какие-нибудь соображения?

В разговор вмешалась Саманта:

— Послушайте, мне кажется, над нами развешена какая-то большая карта! Видите, как мало вокруг звезд — полсотни, не больше. Неужели в Галактике можно найти такое тусклое место? Робин, помнишь, во время облета астероида ты считал купола «города»?

— Ну, считал, — не понимая, к чему она клонит, сказал Робин. — Шестьдесят три штуки. Что из того?

— Давайте посчитаем звезды! — коротко предложила девочка, чувствуя непонятное волнение. Закинув голову вверх, так, что хрустнули шейные позвонки, она зашептала: — Один, два, три...

К Саманте немедленно присоединились оба взрослых, и только Робин, поджав губы, не стал утруждать себя бесполезным, на его взгляд, занятием. Ясно, что звезд не больше сорока, — зачем же зря стараться?

— Шестьдесят три! — почти в один голос воскликнули Эдмунд и Саманта. Капитан, сбившись, досчитал до семидесяти и, смущенно улыбнувшись, развел руками.

— Что ж, карта — это интересная мысль, — сказал кибернетик, ласково коснувшись шлема девочки рукой.

И вновь сердце Саманты горячо забилося. Когда-то давно, в детстве, Эдмунд был предметом ее тайного обожания. Встретив его в летающем замке в роли стража Территории, она внезапно почувствовала вновь проснувшуюся нежность к этому гордому, непредсказуемому человеку, но... Но он держался с ней подчеркнуто отчужденно, общался не больше, чем с Робинем, и это уязвляло ее самолюбие.

— Выходит, пришельцы интересовались именно этими шестьюдесятью тремя мирами? — Робин обвел «небо» растерянным взглядом. — Вернее, их планетами — теми, которые мы видели в развалинах? Но почему? И какое это имеет отношение к взрыву на космостанции?

— Слишком много вопросов, малыш, — добродушно

хмыкнул капитан.— Что-то в этом совпадении, безусловно, есть... Надо будет в следующую вылазку внимательно пройтись по всем улицам.

— Держу пари, что в одном из куполов мы найдем земной пейзаж! — нервно рассмеялся Эдмунд.— По крайней мере, одна из звездочек в зените мне чем-то напоминает Солнце.

Пока Саманта безуспешно пыталась проследить движение руки кибернетика, Гордон успел оценить догадку друга и бодро сказал:

— Отлично! По крайней мере, других желтых звезд вокруг не видно. Но если это Солнце, то... Гм-м-м... Вот та голубоватая искра — это Ригель, а над ней — белый гигант Альциона. Впрочем, ручаться не могу — странно видеть звезды в гордом одиночестве, без созвездий.

Четверка землян немного приободрилась. «Дворец» уже не казался им бесконечно чужим. Напротив, тайна «города» на астероиде была, похоже, в одном шаге от разгадки. Но как сделать этот последний шаг?

— Никак не могу разглядеть Солнце,— раздраженно воскликнул Робин, крутя головой.— Саманта, помоги!

Капитан поднял фонарь и направил ослепительный луч прямо в зенит, так, что Робин смог, проследив его направление, увидеть наконец свое родное светило. И тут застывший галактический купол внезапно ожил. Сначала звезды слегка качнулись, затем, постепенно набирая скорость, стали вращаться вокруг оси, проходящей через Солнце и группу землян. Через несколько секунд в глазах Саманты и ее друзей сверкали только тонкие разноцветные круги, в центре которых все сильнее разгоралась янтарная звезда. Из крошечной точки она быстро превратилась в небольшой диск. Еще минута — и огромный, косматый от огромных протуберанцев шар занял почти треть «неба». Ребята инстинктивно взяли за руки и зажмурились от ослепительного водопада света. Казалось, они с немыслимой скоростью падают на кипящую поверхность гиганта и вот-вот сгорят в одном из тысячекилометровых плазменных щупальцев, хищно тянущихся к ним. Даже бывалому капитану Гордону стало не по себе, хотя все отлично понимали, что видят всего лишь своеобразный видеофильм.

Вскоре Солнце стало уходить куда-то вправо, и знакомые созвездия заполнили гигантский «экран». Со скоростью экспресса мимо землян промчался безжизненный

шар Меркурия, испещренный многочисленными кратерами, среди которых кое-где бурлили огненные фонтаны извергающихся вулканов. Через минуту на небе молочно засветилась окутанная вечными облаками Венера, двигавшаяся в пространстве по крутой спирали. Саманта не сразу сообразила, что они словно бы находятся на борту невидимого космолета, совершающего маневр сближения с планетой. Постепенно космолет вышел на орбитальную траекторию, с каждым оборотом все ближе и ближе подходя к верхней кромке облаков. Немного помедлив, корабль пришельцев слегка качнул носом, и «экран» тут же заполнил серый туман. Саманта в детстве не раз видела видеокадры о полетах на Утреннюю звезду и потому не удивилась, когда через некоторое время им открылась стремительно несущаяся навстречу панорама раскаленной пустыни, изредка вспухающая бурыми горными цепями. И нигде не было видно и следа какой-нибудь жизни, лишь изредка внизу мелькали глубокие, разветвленные русла давно высохших рек. Словно разочаровавшись, космолет вновь взмыл вверх, пронзая ватное одеяло туч, лишившее Венеру надежды стать матерью хотя бы простейшей жизни.

Вскоре по угольно-черной стене космоса стала стекать голубая, набухающая на глазах капля земного шара. Не было никаких сомнений, что пришельцы искали именно Землю... Но для чего? Быть может, они разыскивали следы зарождающейся жизни?

Внизу уже величественно проплывали полускрытые вихревыми облаками материки. Все глубже и глубже космолет спускался в океан атмосферы. Большая часть материков была покрыта густым зеленым покрывалом лесов, точно таким же, какой земляне недавно наблюдали из пилотского отсека. Это была Земля далекого прошлого...

Спуск был настолько стремителен, что Саманта едва успела заметить, как космолет пришельцев уверенно выбрал для посадки центральную часть Европы. Выйдя на планирующую траекторию, корабль заметно снизил скорость. Тропические леса с голубыми окнами озер сменились обширной, выжженной лучами палящего солнца желто-бурой степью, с редкими островками пышных рощ. Движение еще более замедлилось, и это дало возможность разглядеть отдельные детали пейзажа. Несколько крупных животных, похожих на гигантских носорогов, неспешно трусили по звериной тропе на водопой к серпообразному

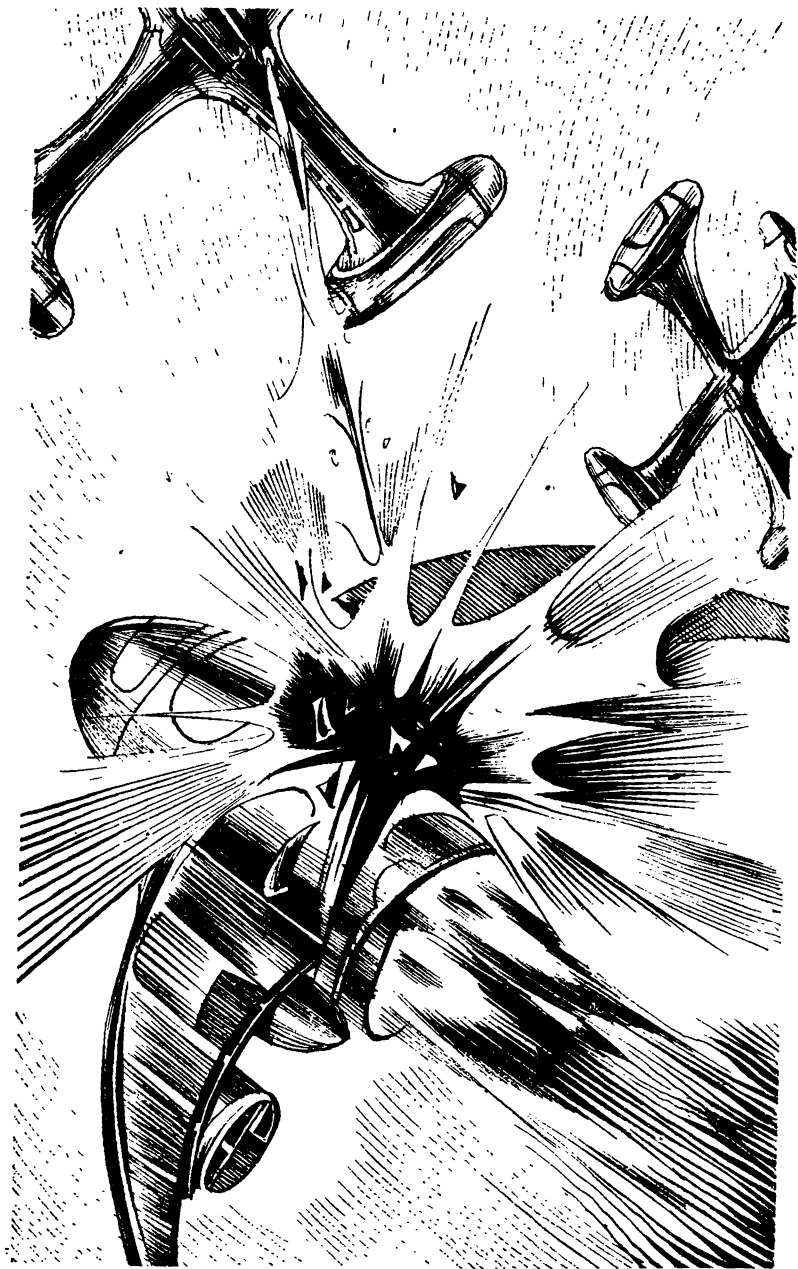
озерку, вокруг которого белой метелью носились стаи длиннокрылых птиц. Невдалеке от озера возвышался холм, густо усеянный кустами-колючками с крупными розовыми цветами. Космолет завис над его глинистой макушкой, постепенно снижаясь, словно готовясь совершить посадку.

Неожиданно верхушка холма начала светлеть, превращаясь в идеально прозрачное стеклянстое вещество. В глубь земли уходил круглый колодец, пронизывая все новые и новые слои почвы. Изображение вновь увеличилось. Там, на каменистом дне, среди полуистлевших костей каких-то животных, лежал черный двухметровый ларь с узкой овальной крышкой, украшенной серебряными спиралями. На глазах землян крышка стала медленно таять и обнажила на дне ларя странный предмет.

Саманта никогда не видела его раньше, но почему-то без колебаний решила: вот он, таинственный «меч времени»! Серебристый цилиндр толщиной в руку был густо усеян коротенькими «ветвями», концы которых венчали золотистые шарики. Основание «меча» напоминало длинный эфес, искусно выточенный из черного блестящего камня с мраморными прожилками. Девочке показалось, что она видит какие-то причудливые значки, светящиеся в глубине «эфеса». Затаив дыхание, она ждала, когда космолет совершит посадку и пришельцы — уж тут-то они должны будут показаться! — извлекут «меч времени» из глубины холма. Похоже, именно за «мечом» они и охотились по всей Галактике!

Вместо этого корабль внезапно качнулся. Земляне от неожиданности не устояли на ногах и невольно присели на корточки, почувствовав сильное головокружение. Холм молниеносно обрел привычные очертания, и «экран» вновь заполнила знойная, высохшая степь. Последнее, что смогла отчетливо разглядеть Саманта, была группа могучих носорогов, в панике разбегающихся в разные стороны. Тут же Земля ушла в сторону, уступая место голубому, с редкими перистыми облаками небу.

Из-за горизонта показались два Х-образных летательных аппарата. Оставляя за собой дымные белые следы, они ринулись на космолет и осветили его веером зеленых лучей. Корабль, совершив «бочку», ушел круто вверх, пропуская под собой «истребителей» нежданного противника, и, выйдя им в хвост, немедленно ответил залпом десятков ракет.

Картины воздушного боя в дальнейшем замелькали с такой калейдоскопической скоростью, что Саманта полностью потеряла ориентировку в происходящих событиях. Дважды космолет сотрясаясь от ударов противника. Было ясно, что в маневренном ближнем бою легкие «истребители» противника имеют заметное преимущество.

Внезапно космолет спикировал к земле и совершил рискованную посадку. От резкого удара все вокруг затряслось, высоко в воздух поднялась пелена пыли. Зато теперь корабль пришельцев мог сосредоточить всю мощь своего оружия на верхнюю полусферу.

Конец боя оказался коротким и очень эффектным. Х-образные «истребители», поняв, что жертва от них ускользает, взмыли высоко в облака и, непрерывно обстреливая цель снопами зеленых лучей, ринулись в пикирующем полете вниз. Потрясенные люди в ужасе ожидали смертоносного соударения. Однако, когда «истребители» были всего в двух сотнях метров от земли, в небо стремительно поднялся пурпурный столб света. Оба аппарата врезались в пурпурную колонну и внезапно остановились, словно наткнулись на непреодолимую преграду. От огромной перегрузки серебристые корпуса «истребителей» смялись в гармошку, длинные поверхности оперения сорвались с мест крепления на фюзеляжах и застыли в колеблющемся свете, жалкие и изломанные, с торчащими, словно кости, стрингерами. Столб света между тем стал расширяться и постепенно разделился на две части — словно гигантские светящиеся руки разошлись в стороны. Остатки погибших аппаратов начали послушно двигаться по крутой дуге в разные стороны, сверкая в лучах высоко поднявшегося солнца. Внезапно обе «руки» вновь схлопнулись, с чудовищной силой бросая один покореженный фюзеляж на другой. Небо задрожало от яростного взрыва. Тысячи обломков, окутанных клубами черного дыма, веером разлетелись в воздухе и огненным градом посыпались на степь.

— Ура-а-а! — закричал Робин, вскакивая на ноги. — Мы победили!..

— Тише, малыш, — прервал его капитан, тоже захваченный фантастическим зрелищем. — Впереди самое интересное — сейчас они извлекут эту ветвистую штуку из холма, и...

Однако, к удивлению землян, дальнейшие события разворачивались совершенно иначе. Космолет взмыл над

степью и медленно описал над ней несколько кругов, ошестившись иглами тонких сиреневых лучей. Сотни разнокалиберных обломков, хаотично разбросанных на площади в несколько квадратных километров, были бесследно уничтожены — только сизый дым завис над чахлой растительностью, нехотя расползаясь под порывами ветра. Саманте показалось, что некоторые из обломков были похожи на змеевидные скафандры, увенчанные голубыми шлемами. Толком разглядеть «пришельцев-2» (если, конечно, это были останки живых существ, а не роботов) ей не удалось. Покончив со странным обрядом похорон, космолет вернулся к холму, завис над ним на несколько минут... И стремительно взмыл в облака! Вскоре вокруг воцарилась непроглядная космическая мгла, рассеченная концентрическими разноцветными кругами. Солнце вновь заняло место одной из шестидесяти трех звезд на «карте» пришельцев.

— Вот это да! — ошалело произнес Робин. — У меня аж волосы шевелились, когда «истребители» ринулись на нас сверху... Но почему пришельцы потом не раскопали холм и не достали «меч времени»?

— А почему они должны были это делать? — насмешливо ответил Эдмунд.

— Хм... Я тоже не понял, — недовольно сказал капитан. — Зачем же они тогда прилетали на Землю? Чтобы полюбоваться носорогами, мирно щиплющими травку?

— Хотя бы для того, чтобы убедиться, что «меч времени» — если, конечно, это был он — лежит там, где его спрятали, — невозмутимо ответил кибернетик. — Сами видели — желающих завладеть им хватает...

— Выходит, обитатели астероида или их сородицы — это хранители «меча»? — Саманта растерянно посмотрела на друзей.

Вместо ответа Эдмунд отобрал у капитана фонарь и вновь направил узкий луч света к невзрачной желтой звездочке.

Звездный калейдоскоп немедленно повторил свою стремительную круговерть. Поначалу Саманте показалось, что перед ними разыгрывается все та же картина прилета пришельцев, но скоро она поняла свою ошибку. Невидимый для них космолет на этот раз не стал подлетать близко к Солнцу, а уверенно вышел на земную траекторию. Догнав медленно вращающийся голубой шар, пришельцы стали

тщательно исследовать центральную часть Европы, словно потеряв ориентировку. И в этом не было ничего удивительного — ведь перед ними предстала Земля XXI века! Бескрайние леса уступили место громадным, в буром смоге, мегаполисам, поля были густо расчерчены геометрическими фигурами посевных площадей, а по серым артериям шоссейных дорог мчались тысячи грузовых мастодонтов.

Изображение внезапно мигнуло, как будто из видеозаписи был выброшен малозначительный эпизод. Экран вновь затянулся ночным пологом неба, на котором белой камеей выделялось дискообразное тело «Ахилла». Взлетная площадка летающей военной базы на этот раз была плотно заставлена двумя десятками «Стрельцов», вокруг которых суетилось множество фигурок в оранжевых скафандрах. Вновь стремительное мелькание кадров — и друзья увидели, что они находятся в обширной овальной комнате, в стены которой был встроен панорамный экран. Перед ним стоял высокий молодой человек в темно-синей офицерской форме и, поигрывая указкой в руках, нервно осматривал сидевших в глубоких кожаных креслах людей в штатской одежде. Лиц их, к сожалению, разглядеть было невозможно, но девочка инстинктивно почувствовала, что это были весьма солидные и уверенные в себе боссы. Развалившись на сиденьях, они непринужденно переговаривались, подчеркнуто игнорируя худощавого, седого как лунь офицера. Переговаривались?! Да, впервые за все время удивительного видеосеанса друзья услышали звук, глуховатый и неровный.

— Ричард, вы уверены, что эта штука не превратит нашу бедную Землю в ад? — обратился к военному у экрана один из мужчин. — Мы и так добрую сотню лет пересаживаемся с одной пороховой бочки на другую. Одна только неприятность с озонной дырой обошлась нам в несколько сотен миллиардов долларов. А вы предлагаете нам не больше и не меньше как полпланеты перенести черт знает куда во времени!

— Я понимаю ваши сомнения, господа, — высоким вибрирующим голосом ответил офицер. — Более того, могу сразу добавить к вопросу уважаемого мистера Робертсона множество других, над которыми мы ломали головы последние пять лет — с того самого дня, как французские археологи-любители обнаружили при раскопках кладбища

древних животных странную серебристую трубу в сверхпрочном футляре. — Докладчик кивнул в сторону экрана, на котором мгновенно возникло цветное изображение знакомого Саманте предмета. Да, сомнений не было — это был «меч времени»! Он лежал на белом круглом столе посреди какой-то лаборатории.

— Этот предмет задал нам множество загадок. Назову лишь некоторые из них. Нашим ученым удалось разгадать инструкцию, находящуюся в ларе, — шифр текста вы увидите на экране. — И офицер ткнул указкой в таблицу витиеватых значков, вспыхнувших на матовой стене. — Из прочитанного мы узнали, что прибор — назовем его «меч времени» — способен переносить в прошлое сколь угодно большой участок планетарной поверхности, с эквивалентной заменой, естественно... Но в инструкции ни слова не сказано, опасны ли такие вещи для живых существ. За прошедшие годы мы проделали более двухсот экспериментов по переброске в прошлое животных различного уровня организации, и всегда нам сопутствовал успех.

— Интересно, как вы об этом можете судить? — фыркнул сидящий в первом ряду толстяк, то и дело отиравший потную лысину носовым платком.

— Очень просто, мистер Коннерс. Мы вновь возвращали подопытных животных в наше время и убеждались, что они целы и невредимы, если, разумеется, ими не успевали позавтракать древние хищники. (В зале прокатился смех.) «Меч времени» с легкостью осуществляет подобные перемещения взад-вперед во времени. Однако будущее — я имею в виду наше будущее — для него, к сожалению, закрыто...

— Вы хотели сказать — к счастью, закрыто! — рассмеялся Коннерс. — Признаюсь, я бы не хотел раньше срока узнать день своей смерти. Я человек нетерпеливый, но в этом деле готов подождать.

Сидящие в зале слушатели заметно оживились, и ободренный офицер, кашлянув, продолжил:

— Для полной уверенности, что перенос во времени происходит на самом деле, мы решили навьючивать живность видеокамерами. Если позволите, я продемонстрирую один любопытный эпизод.

На экране вспыхнуло яркое цветное изображение. Экипаж «Стрельца» увидел плотно заставленную приборами лабораторию. В ее центре, на невысоком столе, возвыша-

лась массивная клетка... с двумя мирно клюющими зерно курами! Экран мигнул — и зрители в зале дружно охнули. Они увидели густые джунгли, кишашие множеством жукообразных насекомых. Клетка с птицами находилась в лапах огромного ящера с глыбообразной, усеянной многочисленными шишками, головой. Чудовище безуспешно пыталось сокрушить стальные прутья могучими зубами. Бедные куры бились в клетке, отчаянно хлопая крыльями. В момент, когда прутья начали поддаваться, клетка внезапно исчезла, оставив озадаченного динозавра в дураках.

В зале раздались аплодисменты — шутка с птицами оказалась удачной.

— В последние месяцы мы продолжаем широкомаштабные эксперименты на нашей аэрокосмической базе в Калифорнии, — продолжил еще более уверенным голосом офицер. — С участием добровольцев — и пока, заметьте, без малейшего вреда для их здоровья. Вооруженные самыми совершенными компьютерами, ученые изучили все тонкости, связанные с технологией перемещения больших участков территории в прошлое. Здесь есть немало трудностей: возмущения в атмосферных процессах, напряжения в земной коре... Впрочем, сейчас нет смысла углубляться в технические детали. Скажу только, что оптимальным оказалось перемещение десятиметрового слоя почвы с аналогичным по толщине столбом воздуха, иначе не удастся избежать землетрясений и страшных ураганов. Остались самые сложные проблемы — стратегические...

Докладчик сделал многозначительную паузу, а затем вновь включил экран. Друзья увидели голубой шар Земли, вокруг которого по крутой орбите мчался матовый диск «Ахилла». Внезапно из торца станции вырвался розовый луч и накрыл большую часть Европы и почти всю Азию. После нескольких минут непрерывного облучения цвет «накрытых» участков обоих материков заметно изменился.

— Однажды подобным образом можно будет решить все наши проблемы, — побледнев, тихо произнес офицер. — Две системы — наша и противоположная ей — будут окончательно разведены в пространстве и во времени! Каждая получит в качестве компенсации по девственному полушарию, скажем, трехсотвековой древности: мы — Восточное полушарие, они — Западное. Представляете, какие это будут богатейшие кладовые? Сегодня природные ресурсы

Земли во многом истощены, и цивилизация невольно останавливается в своем развитии. Я уже не говорю о практически неразрешимых экологических проблемах — все мы задыхаемся в собственных ядовитых миазмах, господа! Даже обладая передовой технологией, многие развитые страны зарывают в землю или топят в океанах контейнеры с миллионами тонн химических отходов ежегодно. Земля постепенно превращается в гигантскую свалку, и этот процесс необратим. Многие ученые считают, что человечество на краю гибели... Теперь представьте себе, что с помощью «меча» мы перебрасываем контейнеры с ядами на миллион лет назад. За какие-нибудь два-три века все химические соединения разложатся на безвредные компоненты, не причинив ни малейшего вреда окружающему миру! Мы же взамен перенесем из бездонных закромов древней Земли участки с богатейшей девственной почвой, на которой можно будет выращивать прекрасные безнатурные продукты питания. Какие неограниченные перспективы для прогресса! Разумеется, есть в этой ослепительной идее и свои подводные камни. Ученая братия утверждает, например, что после удара «мечом» возникнут как бы две Земли, разнесенные во времени, — они называют это «параллельными мирами». Контакт их будет, увы, вряд ли возможен — две Земли навсегда разойдутся в так называемой «развилке во времени»...

Многие из присутствующих в зале немедленно вскочили с негодующими возгласами. Изображение вновь мигнуло — и экипаж «Стрельца» увидел заключительную часть заседания. Взмокший, потерявший свою самоуверенность офицер хрипло произнес:

— Ну хорошо, я признаю ваши замечания весьма серьезными. У нас еще будет время все тщательно обдумать и взвесить... Планетарные изменения — это, конечно, не шутки, и мы вовсе не хотим выглядеть вселенскими дураками типа уэллсовского человека, который мог творить чудеса. Быть может, действительно придется передать нашу находку в ООН... А пока предлагаю перейти к запланированному показательному эксперименту. На ваших глазах мы впервые испытаем излучатель отсюда, из космоса. Целью выбран небольшой атолл в Тихом океане...

Офицер не успел договорить фразу — зал заседания исчез с «экрана» «дворца». Друзья увидели над головой

голубой шар Земли, величественно плывущий среди ярких созвездий. Осмотревшись по сторонам, они с удивлением поняли, что находятся... на одной из «улиц» астероида!

Вскоре друзья поняли свою ошибку. «Город» пришельцев они видели не воочию, а на необъятном «экране» «дворца». На этот раз он выглядел совершенно иначе: не было видно развалин, купола светились бледно-розовым светом, мостовые были идеально чисты, а вдоль тротуаров светились нежные оранжевые цветы, похожие на орхидеи.

Саманте показалось, что она заметила легкое движение на плохо освещенном участке соседней улицы. Неужели она наконец увидит обитателей астероида? Сейчас, вот сейчас существо выйдет из тени... И в этот момент небо прорезал ослепительный розовый луч.

— Это «меч времени»! — вскрикнул где-то рядом взволнованный Робин. — Станция ударила им по Земле, я видел!

Неожиданно иглистые башенки «дворца» стали наливать белым пульсирующим огнем. Еще мгновение — и все вокруг запылало от вспышки взрыва. «Здания» «города», угрожающе раскачиваясь, стали обрушиваться на «мостовые».

Оглушенная фейерверком впечатлений, Саманта почти не помнила, как вышла из внезапно наполнившегося мглой зала «дворца» и вместе с друзьями прошла через завалы на «улицах» к месту посадки «Стрельца». Войдя в салон, она без сил упала в кресло и закрыла глаза со вздохом облегчения. Во время долгого и бурного обсуждения увиденного на астероиде, в котором принимал участие весь экипаж, включая недавно проснувшегося Вия, она сидела безучастно, то и дело впадая в приятную полудрему. Даже нелепые простодушные реплики гнома, вызывавшие общий смех, не могли полностью вернуть девочку к действительности.

Гэндалф, сидевший напротив нее в глубоком кресле, спокойно посасывал мундштук длинной костяной трубки (капитан категорически запретил курить киборгу в салоне «Стрельца»). Выслушав рассказы участников вылазки, маг после долгой паузы тихо сказал:

— Сегодня мы узнали слишком много — и все же чрез-

вычайно мало для того, чтобы можно было составить хоть сколько-нибудь толковое мнение об увиденном. Давайте не будем спешить с выводами! Пока мне ясно одно: куда нам надо лететь и зачем.

— Нам нужен «меч времени»! — внезапно вскочил с кресла Робин.

— Ты не ошибся, малыш, — ответил маг. — Вы видели, как пришельцы уничтожили свой собственный подарок человечеству, — а я считаю, что это был именно подарок! Как только он попал в руки к людям с нечистыми руками, «меч» стал опасен — и был взорван выстрелом с астероида. Но это произошло в начале XXI века, для нас, увы, в бесконечном далеком будущем... Однако, если в результате взрыва астероид «провалился» в туннеле времени не очень далеко, то там, на Земле, «меч» еще должен покоиться в глинистом основании холма! Нед, к счастью для нас, успел снять на видеопленку все детали прибытия космолета пришельцев на нашу планету — возможно, нам удастся его повторить. И если мы найдем тайник у озера...

Маг не договаривал, но все, даже простодушный Вий, понял его. У них появился шанс — крошечный, почти невероятный шанс вернуться в XXI век.

Часть 3

ДРЕВНЯЯ ЗЕМЛЯ

ГЛАВА 1

«Стрелец» лежал на боку у края небольшой поляны, густо заросшей высокой травой с яркими вкрапинами желтых цветов. Левая стойка шасси, треснувшая во время посадки при сильном соударении с огромным булыжником, жалко перекосившись, висела под брюхом фюзеляжа. Красная маслянистая жидкость тонкими струйками лилась из трещин в гидроузле, издавая резкий неприятный запах.

Саманта стояла на мшистой макушке злосчастного валуна и грустно осматривалась по сторонам. Позади нее высоко в голубое небо уходил серый скалистый пик, а еще дальше сияла снежными остроконечными вершинами горная цепь. С остальных сторон поляну теснила темно-зеленая стена леса, большую часть которого составляли незна-

комые зонтичные деревья с пышными кронами. Невысокий подлесок светлой занавесью скрывал основания стволов — некоторые из них достигали в диаметре двух-трех метров. Над волнистой крышей леса с оглушительным криком носились стаи птиц, встревоженные непрошеным вторжением гостей в их владения. И над всем царил густой медовый запах цветов, раскрывающих свои лепестки под косыми лучами солнца, только что поднявшегося над гребнем гор.

Среди крупных валунов, во множестве лежащих у подножия скалы, появилась гибкая фигура Робина. На плече мальчика висела связка небольших птиц.

— Капитан, охотники спустились с гор! — крикнула она Гордону, спрыгивая с камня и подбегая к «Стрельцу». — На этот раз я порадую всех настоящим жарким!

— Замечательно, — кисло сказал Гордон, роясь в сумке с инструментами. — Для меня, дочка, поджарь специально птичью лапку.

Саманте стало стыдно. Второй день после неудачной посадки капитан с Эдмундом не отходили от разбитого шасси, и с каждым часом их лица становились все более хмурыми. Шутка ли — в таком архисложном положении оказаться без «Стрельца»! Конечно, можно было навсегда поселиться в этих местах — не все ли равно, где начинать свою робинзонаду? Но невядалеке, за пятикилометровой полосой леса, на берегу небольшого заболоченного озерца, возвышался лысый глиняный холм... Он выглядел иначе, чем в видеокадрах пришельцев, да и весь окружающий пейзаж был совершенно неузнаваем. И все же данные компьютера говорили о том, что с вероятностью 0,9 «Стрелец» вышел точно на цель! Оставалась лишь одна десятая шанса на ошибку — и тогда неудача с космосамолетом лишала друзей малейшей надежды на спасение.

Тем временем удачливый охотник, скользя подошвами по каменистой осыпи, лихо спустился на землю, подымая тучу желтой пыли. Рядом бежал раскрасневшийся Сэмбо, ловко перебирая босыми мохнатыми ногами. Выскочив на поляну, оба друга перекувыркнулись через голову и, словно циркачи, начали раскланиваться перед невидимой публикой.

Саманта улыбнулась. Оба охотника, похоже, не осознавали сложности создавшегося положения.

— Фрукты не забыли принести? — спросила девочка,

принимая из рук Робина связку птиц с красивым сероголубым оперением.

— Разве на скалах растут фруктовые деревья? — деланно удивился мальчик, и тут же Сэмбо, как фокусник, достал из-за спины гроздь розоватых плодов, похожих на мелкие бананы.

— Оч-чень вкусная штука! — надув щеки, важно сказал маленький человечек. — Мы, хоббиты, издревле прекрасно разбираемся во всем съедобном, что растет в лесах. Можете не сомневаться, капитан, вам понравится!

Сэмбо не случайно обратился к капитану Гордону: сегодня командиру их небольшого отряда исполнилось пятьдесят восемь лет — ужасно много, как казалось Саманте. Днем друзья условились подготовить для него праздничный обед, по возможности, без изрядно надоевших концентратов. Стряпню, как всегда, взяла на себя Саманта, поручив Робину вместе с Сэмбо добыть хоть из-под земли натуральные продукты. Гэндальф поднялся раньше всех и, разбудив Вия, с первыми лучами солнца отправился в сторону гор на разведку, а заодно на поиски какого-нибудь экзотичного подарка Гордону. В лес решено было пока никому не делать и шага — концерт из диких воплей, хрипов и рычаний, устроенный прошлой ночью местными животными, произвел на друзей удручающее впечатление.

Слегка передохнув, Робин с хоббитом вновь отправились в скалы и принесли большие охапки сушняка. Разжигание костра взял на себя Сэмбо. Ловко сложив пирамиду из колючих ветвей, он важно достал из кармана брюк подаренную капитаном лазерную зажигалку и умело запалил хворост с нескольких сторон. Поляну заволокло клубами белого дыма.

— Э-эх, как дивно пахнет! — воскликнул Эдмунд, отбрасывая в сторону ручной сборочный автомат и с наслаждением вдыхая терпкий запах горящего дерева. — Джордж, кончайте ваш сизифов труд! Кажется, лет десять я не сидел у костра...

Капитан нехотя отложил в сторону инструменты и присоединился к друзьям. Синий комбинезон его был забрызган красными каплями гидрожидкости, лицо перепачкано смазочным маслом. Он уселся прямо на траву и, тщательно отирая руки ветошью, с одобрением наблюдал, как девочка и хоббит ловко ошипывают птиц.

— Кстати, а где Гэндальф? — спросил Эдмунд, с на-

слаждением отхлебывая ледяную воду из термоса-фляжки.— И Вия что-то не видно с самого утра.

Ребята смущенно переглянулись. Они договорились с магом, что не раскроют цели его путешествия — сюрприз должен быть сюрпризом! Но киборг отсутствовал что-то слишком долго.

Саманту охватило неприятное предчувствие. Она отложила в сторону недощипанную птицу и тревожно осмотрелась.

— Э-э... Гэндальф... Он пошел в разведку в сторону гор,— нехотя сказал Робин, не поднимая глаз.— Вместе с Виём... Часа на два-три, не больше...

Капитан подозрительно посмотрел на ребят.

— Не хватало только, чтобы они попали в какую-нибудь переделку,— недовольно сказал он.— Мы же договаривались — не разбредаться в одиночку и даже маленькими группами! Кто знает, какие опасности подстерегают нас здесь?

— Да, но Гэндальф направился в долину. Вы сами видели при спуске — там нет никакой растительности, а значит, и живности немного,— вступилась за мага Саманта.— Он обещал скоро вернуться...

Она запнулась на полуслове. Вдали, над пышными кронами деревьев, ей почудилось... Нет, этого не может быть!

— Что с тобой? — удивился Робин, заметив, как внезапно побледнело ее лицо.— Привидение увидела, что ли?

— Ничего... Так, показалось.— Девочка опустила на колени и снова взялась непослушными руками за тушку птицы.

Наступил полдень. Гэндальф с Виём не возвращались.

Между тем праздничный стол был готов. На траве были расставлены тарелки со всевозможной консервированной снедью. На большом подносе дымились куски птичьего мяса с коричневыми поджаристыми корочками.

Но аппетита ни у кого не было. После скомканной и невеселой процедуры поздравления именинника нетерпеливый Робин вскарабкался на фюзеляж «Стрельца» и оттуда, с высоты десяти метров, стал осматривать окрестности в сильный бинокль.

— Все, больше ждать нельзя! — наконец громко сказал капитан, выплескивая чай в траву.— Похоже, с ними что-то произошло! Девочка, ты ничего не хочешь нам рассказать?

Саманта вздрогнула, едва не выронив из рук сочный банан.

— Значит, вы тоже заметили?

— Заметил, как у тебя недавно на мгновение сильно побледнело лицо. Ты увидела что-то странное?

— Да-а-а... То есть я не уверена... Когда я вам говорила, что Гэндальф хотел провести небольшую разведку в долине, я случайно взглянула в сторону леса. И мне показалось, что над кронами деревьев вспыхнул на мгновение луч... голубой луч! Больше это не повторилось, но...

— Веселенький получился у меня день рождения! — в сердцах сказал Гордон. — Нед, мы немедленно выступаем. Старик, наверное, не удержался от соблазна первым забраться в чащу леса... или что-то заставило его это сделать. Ребята, берите в самолете рюкзаки-холодильники и грузите в них наш обед! Сэмбо, тебе я поручаю самое ответственное — фляги с водой. Выходим через двадцать минут!

Кибернетик опустил глаза.

— Все правильно, Джордж, но... не хочется оставлять «Стрелец» без присмотра. Да и Гэндальф, не исключено, может вернуться сюда. Словом, предлагаю кому-нибудь остаться на нашей базе. — И он многозначительно посмотрел на Саманту.

Лицо девочки вспыхнуло.

— Даже не думайте об этом! — Она вскочила, выхватила из рук озадаченного хоббита сумку с пустыми фляжками и энергично зашагала к трапу космосамолета, чтобы запастись там водой.

— Гм... — хмыкнул капитан, одобрительно глядя ей вслед. — Вряд ли, Нед, есть смысл распылять наш и без того поредевший отряд. Боевой космосамолет набит всяческой автоматикой и, в случае чего, сам защитит себя от вторжения. А Гэндальфу мы оставим записку на рации. Если он вернется, то без труда свяжется с нами...

Через полчаса поляна у подножия скалы опустела. Вытянувшись гуськом, экипаж «Стрельца» входил под тенистый полог леса. Люди настороженно оглядывались по сторонам. Возглавлявший колонну Эдмунд держал наперевес карабин (более совершенного оружия, увы, в космолет не найти не удалось) и не отрывал настороженных глаз от ближайших деревьев. Если бы друзья обернулись, то увидели бы, как из-за скалы к «Стрельцу» не спеша подошли два странных существа.

Путь через лес оказался настолько трудным, что Саманта не раз пожалела о своем гордом отказе от дежурства в уютном салоне «Стрельца». Воздух под пологом низко нависших крон был влажным, насыщенным резкими, неприятными запахами гниющих растений, что сильно затрудняло путникам дыхание. В буро-зеленом месиве почти невозможно было что-то разглядеть, и девочка вскоре сосредоточила взгляд на взмокшей клетчатой ковбойке идущего впереди Робина. Несколько раз в стороне от их маршрута с шумом пробегали грузные животные, похожие на буйволов. Крылатые кровососы желтым полупрозрачным облаком следовали за людьми весь переход. От их постоянного зловещего жужжания у Саманты отчаянно разболелась голова. К счастью, резкий запах универсального репеллента, которым все намазались по настоянию капитана перед началом похода, удерживал кровососов на почтительном расстоянии от людей. Идти по болотистой почве было нелегко всем, и особенно Саманте. Порой ей хотелось расплакаться от чувства собственного бессилия, но мысли о судьбе пропавших друзей были еще горше. Конечно, гном был могуч и бесстрашен, а маг способен на многие чудеса, но хватит ли этого для отпора хищникам, царящим под пологом леса? Если ей не привиделось, то Гэндальфу уже пришлось пустить в ход свое главное оружие — голубые молнии. Только бы капитан не сбился с пути, только бы не сбился...

Дважды путники останавливались по внезапной команде идущего впереди Эдмунда. Из переплетения лиан с множеством мясистых белых цветов на них пристально смотрели чьи-то горящие глаза. Так продолжалось минуту, другую, а затем животные, тяжело ворочаясь среди густого подлеска, нехотя уступали людям дорогу. И снова они шли, пружиня на белесом ковре высокого мха, из которого то там, то здесь, словно любопытные глаза, выглядывали пятнистые шляпки оранжевых грибов-башенок.

Только к вечеру вконец выбившиеся из сил люди вышли из леса. Пройдя последние метры под пологом огромных дубов, друзья наконец увидели золотистый луг. Через минуту они уже лежали среди травы, широко раскинув руки, и любовались синим небом, наливавшимся на западе пурпурным румянцем заката.

Даже сдержанный, выдавший виды Гордон не скрывал радости и по-мальчишески затеял возню с Робинсом и Сэмбо, который с довольной ухмылкой без труда ухитрялся выскальзывать из цепких рук пилота. В отличие от Саманты, мужчины прекрасно сумели разглядеть зубастых тварей, поджидавших жертвы на еле заметных среди мха звериных тропах. Карабины не могли бы причинить сколько-нибудь заметного вреда их мохнатым шкурам, а вот нервы у чудовищ не выдержали. И это было удачей.

Немного отдохнув, путники почувствовали сильный голод. Пока ребята наскоро готовили ужин, кибернетик вместе с чутким хоббитом по приказу капитана занял позиции для наблюдения на небольших возвышенностях у границы леса. Гордон, достав из рюкзака переносную рацию, попытался связаться со «Стрельцом». Во время перехода через чащу зуммер вызова, увы, ни разу не зажужжал. И сейчас никто не поднял микрофон в опустевшей пилотской кабине.

— Молчит? — спросила Саманта, раскладывая по тарелкам куски жаркого.

— К сожалению, да. Подай-ка, девочка, банку с пивом. Спасибо. Кстати, ты не ошиблась в направлении, в котором видела голубой луч?

— Нет... думаю, нет, — не очень уверенно ответила Саманта.

— Вы думаете, мы пропустили в лесу какие-нибудь следы? — озадаченно спросил Робин.

— Гм... какие там следы! Была у меня надежда, что Гэндальф сумеет дать знать о себе, но... Завтра мы еще покружим по лесу, не удаляясь далеко от опушки, сделаем несколько залпов в воздух, но сомневаюсь, что это принесет какие-нибудь результаты. Видимо, придется, не мешкая, двигаться к озеру. Быть может, друзья нас встретят у холма...

Он замолчал, не желая огорчать ребят своими тревожными подозрениями. «Все-таки заметно я вышел из формы, сидя сиднем на свалке космического барахла! — грустно подумал он, чувствуя предательскую боль в сердце. — Скинуть бы сейчас десяток лет! Положение — хуже не придумаешь... Такому одинокому волку, без семьи и близких, все равно где доживать свои дни, но ребят надо спасти, даже если для этого придется разрывать холм своими руками. Э-эх...»

Закат на древней Земле очаровал всех. Небо переливалось всеми оттенками радужных цветов — словно высоко в воздухе трепетали мириады шелковистых бабочек. Стало заметно прохладнее, над лугом потянулись слоистые языки белого тумана. Стаи бесчисленных летучих мышей лавиной хлынули с деревьев, привлеченные возможностью вдоволь попировать среди жужжащих облаков неугомонных насекомых. Вдалеке, над кромкой леса, с хриплым клекотом пролетела огромная птица, и тут же в загустевшем, словно вишневая смола, небосводе зажглись десятки крупных дрожащих звезд.

Друзья сидели у большого костра, с треском выбрасывающего вверх снопы ослепительных искр, и молчали, погруженные каждый в свои мысли. Саманта думала о Гэндальфе. Она не отрывала взгляда от волнистой стены леса, надеясь вновь увидеть голубые сполохи, но замечала только яркие вспышки падающих звезд, пронзающих то там, то здесь темно-синий полог ночи. Постепенно ее начало клонить ко сну. Уронив голову на колени, она почувствовала, как заскользила куда-то вдаль, словно обретя невесомость. Последнее, что она услышала, был усталый голос капитана:

— Ребята заснули, и отлично! А нам, мужчинам, придется дежурить у костра всю ночь. Дорогой Сэмбо, я очень полагаюсь на твои чуткие уши...

Ответа хоббита девочка уже не расслышала.

Саманта погрузилась в сон, и сразу же ожили ее недавние страхи. Вновь и вновь шла Саманта через густые заросли, погружаясь по колено в болотистую жижу, подернутую зернистой ряской. Задыхаясь от бешеных ударов сердца, она с трудом поспевала за друзьями, но лесу не было конца...

Почувствовав прикосновение к лицу чего-то мягкого и прохладного, словно улитка, она проснулась и со сдавленным криком вскочила на ноги. И тут же, получив сильный толчок в спину, упала ничком в колючую, влажную от росы траву.

— Замри! — напряженным голосом зашептал ей в ухо Робин. — Нашла время дрыхнуть! Посмотри по сторонам, только осторожней...

Девочка с опаской выглянула из густой травы. Она увидела в каких-то двух сотнях метров впереди кошмарных чудовищ размером с пятиэтажный дом. Серая, изборозженная глубокими складками шкура, массивные, бугристые от могучих мышц длинные ноги, ящерицеобразное туловище, опирающееся на огромный хвост и увенчанное непропорционально большим коробкообразным черепом с клыкастой пастью... И пара крошечных лапок, беспомощно свисающих с груди на пятиметровой высоте! Тираннозавры! Четыре... нет, пять тираннозавров! Но... но этого не может, не должно быть!.. Капитан Гордон говорил, что «Стрелец» «провалился» в прошлое самое большое на триста тысяч лет, а эти чудовища вымерли еще в меловом периоде, более 60 миллионов лет назад!

Завороженная фантастическим зрелищем, Саманта высунулась над травой почти до плеч. Один из флегматично прогуливающих ящеров, оглушительно взревев, повернул в ее сторону массивную голову. Его небольшие глаза злобно светились красными угольками.

Девочка мигом упала в колючую траву, больно оцарапав щеки.

— Они... они меня заметили! — зашептала она, схватив Робина за руку. — Что я наделала!..

Мальчик вздохнул и стал неспешно вставлять в карabin новую обойму.

— Ладно, не терзайся — зверюги нас давно засекли, — сказал он. — Еще бы не заметить — костер-то какой мы разожгли ночью, аж до небес! Правда, толк от этого был: к нам в гости никто не сунулся, хотя там, — он кивнул в сторону леса, — такое творилось... Дай бог, чтобы Гэндальф с Вием прошедшую ночь провели где-нибудь подальше от этих мест! Под утро вроде стало поспокойней, я слегка задремал — и вдруг аж земля затряслась! Появляются на горизонте эти красавцы и давай себе чинно прогуливаться по лугу. Разве что цветочков не собирали! На нас изредка поглядывают, но не больше. Мирные динозаврики, хорошие...

— Ничего не понимаю! — Саманта сердито тряхнула волосами.

Робин щелкнул затвором карабина.

— Не беспокойся, я сумею тебя защитить, — улыбнулся он, и, хотя улыбка казалась легкомысленной, глаза были серьезными, настороженными.

Саманте показалось, что в них — немой вопрос, и она, сама не понимая почему, рассердилась.

— Тоже мне защитник нашелся! — язвительно сказала она. — Что бы мы делали с тобой без взрослых в такой сложной ситуации? Это тебе не Страна Сказок! Может, ты умеешь управлять «Стрельцом», как капитан Гордон? Или разбираешься в сложной электронной технике, как Эдмунд? Даже от Сэмбо в нашей экспедиции больше пользы, чем от тебя...

Она отлично осознавала несправедливость своих слов, но не могла остановиться. Почему-то ей хотелось побольнее задеть мальчика. Может быть, потому, что после встречи с Эдмундом ее стали раздражать недоуменные, грустные взгляды старого друга? Вот именно — друга, и не больше. Неужели он не понимает, что не выдерживает ни малейшего сравнения с красавцем кибернетиком? Конечно, она тоже еще только девчонка, но лет через шесть... Нед будет еще совсем не старым, и тогда... А с Робинсом они останутся друзьями, хорошими, близкими друзьями.

— Ладно, извини, — снисходительно сказала она, увидев, что Робин погрузился и стал каким-то потерянным. — Поневоле разнервничаешь, когда рядом прогуливаются такие монстры...

Мальчик опустил глаза и промолчал. Он понял все.

Раздался шорох. Трава заколыхалась, и к ребятам, тяжело дыша, подсел Эдмунд. Боже, в каком он был виде! Щегольская кожаная куртка-камзол, оставшаяся у бывшего стража Территории со времен его недолгого барствования в летающем замке, была порвана в нескольких местах, лицо перемазано в глине, в волосах торчали сиреневые колючки.

Он отложил в сторону карабин, нервным движением вынул из нагрудного кармана золотистый портсигар и достал сигарету.

— Как тебе наши пастухи, Саманта? — небрежно спросил он, закулив и жадно затянувшись. Вздрагивающая рука с дымящейся сигаретой выдавала его волнение.

— Пастухи? — удивленно переспросила девочка. — Наши?

— Не мы же их пасем! Мы с вами, ребятки, на роль пастухов в этой ситуации, увы, не тянем, несмотря на все наше могучее вооружение. — Кибернетик презрительно кивнул в сторону лежащего рядом карабина. — Кто бы мог

предположить, что после нашего бегства из космомузея мы станем участниками доисторического сафари?

— Вы можете быть серьезным хоть сейчас, Эдмунд? — Саманту разобрала досада. Она страшно сердилась на себя: Робин сидел рядом, надувшись, и неприязненно косился на кибернетика. И все из-за нее...

— Я серьезен, как никогда, красавица, — спокойно ответил Эдмунд, не без сожаления отбрасывая недокуренную сигарету. — Чудовища действительно нас пасут, хотя я не могу найти этому феномену научного объяснения. Тем более что, согласно любому школьному учебнику биологии, динозавры давно должны были почить в бозе. Ан нет, специально ожили, чтобы на нас полюбоваться, — когда еще удастся поглазеть на цивилизованного человека? Им бы нас разорвать в клочки, как и полагается порядочным тираннозаврам, а они задумчиво гуляют по лугу и потихоньку теснят нас к лесу. Но и это еще не самое удивительное...

С удовлетворением подметив недоумение в глазах Саманты, кибернетик сорвал одну из длинных травинок.

— Не узнаете этот колос? Неужто вундеркиндов нынче не обучают азам ботаники? Это пшеница, дети, отборная пшеница, правда изрядно засоренная доисторическими сорняками. И такого плодородного сорта мне еще не приходилось видеть, а ведь мой отец был фермером, и в земледелии я кое-что понимаю. Что вы на это скажете?

Внезапно воздух задрожал от дружных воплей чудовищ. Вскочив на ноги, друзья увидели, как динозавры стройной цепью пошли в их сторону, угрожающе оскалив страшные пасти.

ГЛАВА 2

Пройдя не более полусотни метров, тираннозавры, как по команде, остановились, вновь почему-то потеряв интерес к своим «овечкам». В этот момент к ребятам подоспели капитан Гордон и хоббит, еле державшийся на ногах от усталости. Оказалось, они пытались обойти поляну слева или справа, минуя цепь жутких «пастухов». Но все оказалось напрасным: ни на миг монстры не упускали из виду своих подопечных. Даже густые заросли деревьев не могли надежно укрыть обоих смельчаков от их бдительных взгля-

дов. Каждый раз, видя, что жертвы пытаются скрыться, крайние в цепи тираннозавры, свирепо воя, начинали угрожающе надвигаться на них, да так резво, что даже отважный капитан с трудом заставлял себя делать следующую попытку. О хоббите и говорить не приходилось — все его умение бесшумно скользить в траве оказалось бесполезным. Бедный Сэмбо дрожал как осиновый лист и мечтал сейчас только об одном: как бы оказаться в своей теплой сухой норке в Заячьем холме или, на худой конец, под креслом в салоне «Стрельца» за его прочной титановой обшивкой.

— Вот что, — сказал капитан, отдышавшись. — Ситуация, как говорится, пиковая. Отсюда до холма, в котором, быть может, зарыта наша последняя надежда на спасение, по полю километра три, не больше. Но кто-то — я не знаю кто — очень не хочет, чтобы мы преодолели эти километры. Они-то и напустили на нас этих оживших из небытия монстров. Похоже, чудовища находятся под жестким контролем каких-то могущественных сил! Теперь мне понятно, почему «Стрелец» так неожиданно потерял устойчивость, пролетая над горным хребтом...

— Но они же могут просто уничтожить нас! — раздраженно сказал Робин. — Мы им явно мешаем!

— Я думаю, это им не нужно. наших противников вполне устраивает, что тираннозавры удержат нас день или два на приличном удалении от озера. И этому я могу найти только одно объяснение: эти кто-то сами не прочь покопаться в холме...

— «Пришельцы-2»?! — воскликнул мальчик. — Они вновь пытаются завладеть «мечом времени»?

— Гм... Возможно. Непонятно только, почему наши конкуренты так долго возятся — при их технике выкопать колодец в глиняной почве дело минутное. Ан нет, держат нас в осаде добрых полдня да еще потихоньку теснят к лесу. И кроме того, меня смущает эта чертова пшеница... У кого-нибудь есть толковые соображения на этот счет?

— Быть может, червеобразные инопланетяне обожают сдобные булочки? — с иронией предположил кибернетик. — А нас не трогают только потому, что им нужны фермеры и пекари? Все это мелочи, дорогой Джордж, меня удивляет совсем другое...

Он не успел договорить — воздух вновь буквально взорвался от бешеного воя. Тираннозавры, подчиняясь

нему приказу, бросились вперед, сотрясая землю могучими лапами.

— Саманта, Сэмбо, отходите к лесу! — закричал капитан, вставая во весь рост и вскидывая к плечу карабин. — Нед, Робин, попробуем задержать зверей!

Засвистели пули. Один из монстров, задрав голову к небу, яростно взревел и пошатнулся. Остальные «пастухи», не обращая внимания на выстрелы, стремительно приближались. Казалось, свинцовый смерч не причиняет им никакого вреда, но вдруг ящер, бежавший в центре, остановился, грузно завалился на бок и судорожно забился в агонии, подымая тучи пыли.

Робин издал победный клич, но положение трех мужчин все еще оставалось угрожающим. Пройдет минута — и им не успеть скрыться в спасительной чаще. Капитан, расстреляв очередную обойму, в сомнении опустил раскаленный ствол: он понял, что недооценивал живучести гигантов, чей крошечный мозг был надежно укрыт толстым куполом черепа.

— Отходим! — закричал Гордон. Резко обернувшись, он почувствовал мягкий толчок и с ужасом увидел, что Саманта (оказалось, во время битвы она стояла у него за спиной!) упала и беспомощно ворочается в траве, еле удерживаясь от стонов. Похоже, он нечаянно сильно ударил ее прикладом в плечо...

Эдмунд оттолкнул растерявшегося капитана, подхватил девочку на руки и бросился к лесу. Но драгоценные мгновения утекли: было ясно, что до ближайших деревьев он не успеет...

Гордон с ледяным спокойствием перезарядил карабин и взял на мушку ближайшего тираннозавра. Но стрелять ему не пришлось. Внезапно все трое оставшихся в живых динозавров остановились — словно ударились о невидимую преграду. Казалось, огромные лапы гигантов завязли в густой смоле: они еще пытались идти вперед, но каждый шаг давался им с невероятным трудом. Животные пришли в такое бешенство, что даже Гордон почувствовал леденящий страх. Он заворуженно смотрел на бьющихся в бесильной ярости исполинов, брызжущих пеной из пасти и не сводящих с него налитых кровью глаз.

Захваченный фантастическим зрелищем, Гордон не сразу заметил, как из золотистого озера пшеницы выплыла фигура рослого юноши верхом на низкорослой мохнатой

лошади. Парень, казалось, сошел со страниц славянского эпоса — огромный, синеглазый, с соломенными волосами, спускавшимися мягкими волнами на могучие плечи. Тренированный торс атлета был затянут в серую рубашку с закатанными рукавами, открывавшими мускулистые загорелые руки.

Привстав в стременах, юноша что-то кричал, обращаясь к Гордону, но его голос тонул в воплях зверей-гигантов. Увидев всадника, чудовища пришли в полное исступление. Казалось, они вот-вот разорвут связующие их невидимые цепи и сотрут смельчака в порошок. Лошадь, отлично осозная смертельную опасность, с ржанием поднималась на дыбы, храпя и поводя в стороны глазами, налитыми ужасом. Но всадник твердо удерживал в левой руке поводья. Сжимая в правой руке металлический цилиндр, он целился им в сторону беснующихся монстров.

Капитан, с трудом придя в себя от изумления, принял единственное разумное в создавшейся ситуации решение.

— Бежим! — закричал он, оборачиваясь к своим спутникам. — Парень удерживает динозавров и дает нам шанс на спасение!

...Долгие годы позднее вспоминался Саманте этот безумный бег по полю. Жесткие колосья нещадно хлестали ее по лицу, каждый шаг давался с трудом, словно она мчалась по берегу моря, увязая по щиколотку во влажном песке. Боль в ушибленном плече, казалось утихшая, вспыхнула с новой силой, и она застонала. Но останавливаться было нельзя, и мужчины окружили ее полукольцом, готовые в любую секунду прийти на помощь.

Когда Саманта уже совершенно обессилела, за ковром золотистого поля появилась небольшая дубрава. Сквозь древние узловатые дубы был виден высокий частокол с тщательно вытесанными остриями. За оградой, под сенью гигантского вяза, стоял двухэтажный терем, сложенный из бревен толщиной в обхват.

Друзья невольно замедлили бег, растерянно ища в сплошной, без единой щели стене хоть какой-нибудь проход. Неожиданно секция из трех массивных бревен опустилась, гремя железными подвесными цепями. Эдмунд подхватил Саманту и почти пронес ее по дощатому настилу.

Девочка села на траву, жадно ловя пересохшим ртом воздух. Рядом с ней, тяжело дыша, опустились на землю и другие беглецы — вид у них был ничуть не лучше, чем у

Саманты. Последним через проем в частоколе проскакал всадник, и тут же позади раздался лязг подъемного механизма.

Чудовища, больше не сдерживаемые парализующим излучением цилиндра, с неожиданной для таких исполинов прытью неслись к ограде. Одно мгновение Саманте показалось, что шестиметровые бревна не остановят их, но буквально в нескольких метрах от частокола животные резко остановились. Ярость «пастухов» угасла так же внезапно, как и вспыхнула. Через минуту они довольно мирно разбрелись в разные стороны, заняв в тени деревьев удобные наблюдательные позиции.

Юноша, ловко соскочив со взмыленной лошади, подбежал к Саманте и с тревогой заглянул в ее глаза.

Она изобразила жалкую улыбку благодарности и, закашлявшись, невнятно произнесла:

— Спасибо... Вы спасли нас, Иван-богатырь!

На круглом, словно блин, лице юноши вспыхнул румянец.

— Так вы англо-американцы? — с заметным акцентом спросил он. — Просто глазам своим не верю... Вы недавно прибыли на Базу? Я и не знал, что в экспедицию входят девочки и тем более... — Не находя слов, парень кивнул в сторону хоббита, который тут же встал и, важно надув щеки, вежливо поклонился своему спасителю.

— Сэмбо, с вашего позволения, — сказал он. — К вашим услугам, славный Иван-богатырь!

Юноша, еще больше смутившись, рассмеялся.

— Меня зовут Олег, уважаемый Сэмбо. И никакой я не богатырь — все это так... детские игры в древнерусское поселение. Не ставить же здесь, на древней Земле, складные пластметалловые коттеджи!

Олег познакомился со всеми членами экипажа «Стрельца». Он крепко пожал руки всем мужчинам и, дойдя до капитана Гордона, замер, пристально разглядывая его пропыленный, порванный в нескольких местах китель.

— Пойдите, — пробормотал он изумленно. — Это же... Я читал в энциклопедии астронавтики... Пилотская форма НАСА начала XXI века! Ничего не понимаю.

— В этом мы с вами, юноша, полностью солидарны, — усмехнулся Эдмунд, небрежно забрасывая карабин за плечо. — Мы тоже мало что понимаем в происходящем. Но

может быть, вы пригласите нас в ваши хоромы? При-
знаюсь, меня несколько утомил вид зверушек, которые
сейчас так мирно прохлаждаются в тенечке...

Робин нервно хихикнул. Возбуждение еще не покинуло
его, но он уже с любопытством оглядывал обширный двор,
отмечая про себя рубленый колодец с журавлем и полен-
ницу дров у бревенчатого сарая, из распахнутых ворот
которого виднелась гора ароматно пахнущего сена.

— Конечно, конечно, проходите.— Олег поднялся на
резное крыльцо и приветливо распахнул массивную дверь,
сбитую из дубовых, грубо отесанных досок.

Саманта первой вошла в прохладную прихожую,
наполненную терпким ароматом свежеструганного дере-
ва. На стенах висела конская упряжь, две остро отточен-
ные косы, широкие деревянные грабли с темной, отполиро-
ванной ладонями ручкой.

— Здесь что, этнографический музей? — гулко прока-
тился под высоким потолком звучный баритон киберне-
тика.— Или ты, Олег, сделал все это хозяйство сам?

— Ну что вы! — смущенно улыбнулся юноша, искоса
поглядывая на Саманту.— Разве мне такое под силу... Это
вещи из усадьбы русского крестьянина конца XIX века.
Мы с отцом договорились — убрать первый урожай так,
как это делали наши предки. Поле засеяно небольшое, так
что вполне можно управиться без помощи комбайна.

— Вдвоем? — удивился капитан, с уважением разгля-
дывая легкую и изящную косу, висящую на деревянных
клиньях, вбитых в щель между досками. Длинное, чуть
изогнутое лезвие ее было сточено до узкой, чуть шире
пальца полоски — видимо, она прослужила хозяевам не
один год.

— Почему же вдвоем? Нам вся экспедиция помо-
жет — нас почти два десятка человек! Да вы проходите в
комнату, я сейчас самовар поставлю.

В обширной гостиной со стенами, сложенными из ровно
стесанных бревен, умело скругленных по углам, стояли
длинный стол из необычной розовой древесины и простые
лавки без спинок. В центре стола возвышался пузатый
медный самовар, сразу же заинтересовавший хоббита,
знавшего толк в чаепитиях. Рядом с самоваром стояли
фаянсовые чашки и большое блюдо со вкусно пахнущими
пирожками.

Вскоре гости, отбросив на время мучавшие их вопросы,

с аппетитом уминали поджаристые пирожки, запивая их ароматным чаем. Саманта с наслаждением отхлебывала дымящийся напиток из голубой чашки и с любопытством разглядывала комнату. Ее внимание привлекла большая фотография красивой молодой женщины, стоявшей на крыльце уютного коттеджа. Короткие пепельные волосы, мелкие, точеные черты лица, не совсем гармонирующие с крупным, чувственным ртом, глубокая ямочка на подбородке и глаза, темно-вишневые, тревожные, как вечерняя вода в омуте...

Олег перехватил взгляд девочки и тихо сказал:

— Это моя мама. Она умерла, когда мне было всего три года...

— Несчастный случай? — сочувственно спросил Эдмунд.

— Нет, рейк...

— Рейк? А что это такое? — спросил капитан, разглядывая фотографию.

— Разве в ваше время не знали эту страшную болезнь? Это... ну нечто вроде рака. Рейк связан с необратимыми нарушениями генетического кода в хромосомах. Для нас — это болезнь века. Слишком много разнообразной химической дряни вы и ваши предки высыпали в землю и воду! О Мировом океане я уже и не говорю — это настоящее кладбище всевозможных ядов и радиоактивных отходов. Понятно, вам так было удобно, а расплачиваться пришлось нам — здоровьем и даже жизнями... Во всем виновата ваша проклятая глупость! — Олег неожиданно ударил по столу так, что зазвенели чашки.

Переглянувшись, гости промолчали. Да и что они могли сказать?..

Высоко на стенах, почти под потолком, висело несколько картин. Некоторые из них Саманта узнала без труда — не зря же в детстве она провела столько времени у видеокнижки, напрямую связанной с крупнейшими библиотеками страны. «Богатырь» Врубеля, «Пустынник» Нестерова, «Вечерний звон» Левитана... Остальные работы были выполнены в авангардистской манере — казалось, в простенках между окнами были развешаны изрядно послужившие художникам палитры, донельзя заляпанные масляными красками. Соседство этой мазни рядом с шедеврами русской живописи показалось девочке кошунством, но, взглядевшись пристальней в одну из «палитр», она едва не

выронила из рук лазурную чашку. Ей показалось, что беспорядочно разбросанные по холсту цветковые пятна стали сливаться в хорошо знакомый пейзаж. Ну конечно же, это бабушкин сад! В левом углу, за раскидистыми кустами сирени, матово отсвечивала терраса дома, увитая пышным плющом. Чуть левее, между двух старых сосен, был натянута старый гамак, с которого свисал краешек красного верблюжьего одеяла. Ее детского одеяла!

— Сэмбо,— прошептала она, наклоняясь к хоббиту, который впервые за долгие месяцы приключений почувствовал себя в безопасности и с непостижимой скоростью уничтожал пирожки, то и дело подставляя под дымящийся самовар чашку.— Сэмбо, посмотри на картину — ту, с красно-синими разводами.

— А-а-а...— пробормотал хоббит, непрерывно жуя,— ты тоже заметила? Правда, кто-то ловко нарисовал мою норку? И кровать, и полку с сушеными травами, и даже мою любимую курительную трубку на тумбочке...

Олег, снисходительно улыбнувшись, заметил:

— Неужто вы не знаете секрета ассоживописи? Положение пятен на холсте определяет компьютер по специальной программе так, чтобы одна композиция вызывала у человека, скажем, ассоциации с любимыми местами природы, другая — с лицами близких родственников (при этих словах глаза юноши потемнели). Впрочем, в вашем двадцать первом веке ассоживопись, кажется, еще не изобрели...

— А когда же ее изобрели? — спросил капитан Гордон, удовлетворенно отодвигая в сторону чайный прибор.

— Я не силен в истории искусства,— уклончиво ответил Олег.— Помню вот, что машину времени создали всего за тридцать лет до моего рождения.

— Ого, а ты молодец! — вмешался в разговор Эдмунд. Он сидел с настороженным видом и почти не прикасался к еде.— Не сказал нам, из какого века прибыл сам. Не доверяешь?

Капитан сделал протестующий жест, но Олег, прямо глядя в глаза кибернетику, жестко ответил:

— Как хозяин этого дома, я хотел бы первым узнать, с кем имею дело. Тем более что вместе с вами ко мне в гости набивалась группа тираннозавров, вымерших на Земле десятки миллионов лет назад! И потом... — Юноша неожиданно замолчал.

— Олег прав,— мягко сказал Гордон, укоризненно поглядывая на кибернетика.— Он, как ни крути, наш спаситель, а мы — лишь нежданные гости, и притом довольно странные. Я предлагаю ничего не скрывать. Тем более что ожившие динозавры для Олега такой же неприятный сюрприз, как и для нас.

Коротко, но обстоятельно капитан рассказал хозяину терема о необычных событиях, которые пережили он и его друзья начиная с момента взлета «Стрельца» с территории космомузея. Саманта с надеждой наблюдала за лицом Олега, поверит ли он им? Хотя в любом случае судьба робинзонов, затерянных во времени, им уже не грозит... Но ведь где-то в лесу попали в беду Гэндальф с Виём, а на берегу озера кто-то пытается овладеть страшным оружием... И помешать этому могут только они, люди из разных столетий!

— Невероятная история,— озадаченно пробормотал Олег, недоуменно и с восхищением смотря на гостей.— Честно говоря, если бы не эти дьяволы динозавры, вытоптавшие почти половину наших посевов, я бы вам не поверил! Гм... выходит, там, в глубине плешивого холма, на котором мы с отцом любим загорать после купания, спрятан таинственный «меч времени»? Я не очень понял, что это — оружие или ценный подарок человечеству?

— Об этом можно только гадать,— пожал плечами капитан.— Судя по тому, как обитатели астероида, рискуя жизнью, разрушили эту штуку в момент первого ее боевого испытания... Думаю, что пришельцы не хотели подложить нам свинью в виде страшного средства массового уничтожения! Скорее всего, они оставляли свой «подарок» на тех планетах, где возникала разумная жизнь. Зачем? Кто знает... Так или иначе, хранители «меча» погибли, и мы, люди, обязаны заменить их.

Он помолчал и с надеждой посмотрел на Олега:

— Без помощи вашей Базы нам, пожалуй, не справиться. Ты сможешь выйти сейчас на связь с отцом?

Юноша побледнел и покачал головой.

— В том-то и дело, что нет! Потому-то я и отнесся поначалу к вам с такой опаской... Со вчерашнего вечера связь с Базой неожиданно прервалась — впервые за все время! До нее тридцать километров пути через болотистую равнину. На моей лошадке и за день не доскачешь. Конечно, к следующему утру отец забеспокоится, если я не

выйду в эфир, но... Он только позавчера улетел поработать в биологической лаборатории. Когда отец с головой уходит в опыты, он забывает обо всем на свете, так что...

— Понятно,— нахмурился Эдмунд.— А что-нибудь типа флайера у тебя, надеюсь, есть?

— Брось, Нед, если нашим противникам удалось сбить «Стрелца», то флайер они прихлопнут, как муху...— вздохнул капитан и кряхтя стал выбираться из-за стола.— Придется рассчитывать только на себя. Покажи-ка, Олег, каким арсеналом ты богат. Не идти же нам к озеру с косами в руках!

Кибернетик внезапно расхохотался, и Саманта с тревогой увидела в его темных, как омут, глазах пляшущие дьявольские огоньки.

ГЛАВА 3

Арсенал терема, как и ожидал капитан, оказался крайне бедным: несколько парализующих «хлыстов», три многозарядных карабина и десяток автоматических пистолетов с усыпляющими пулями.

— Не густо...— вздохнул он, помогая Олегу вынимать оружие из железного сейфа, стоявшего в сенях, и складывая его рядом на полу. Олег хмыкнул:

— Для защиты от диких зверей нам этого вполне хватало. А вести боевые действия против тираннозавров и, возможно, даже пришельцев... Такого и в кошмарном сне не могло привидеться! Мы же обычные фермеры...

— Фермеры?— присвистнул Сэмбо, неодобрительно поглядывая на оружие.— Зачем же вы забрались в прошлое? Своих земель, что ли, не хватало?

— Вот именно, не хватало, уважаемый Сэмбо,— улыбнулся юноша.— Вернее, не хватало чистых земель. В нашем двадцать третьем веке (капитан присвистнул от удивления) на Земле разразилась ужасная экологическая катастрофа. Никакая медицина не могла спасти людей от тяжелых болезней типа рейка, который и погубил мою маму... Вы, наверное, думали в своем двадцать первом веке, что спустя две сотни лет люди станут небожителями и у них не будет других забот, кроме полетов к далеким звездам или, скажем, преобразования Галактики? Увы, нас куда больше волнуют простые, житейские вещи — чистый, без химичес-

ких примесей хлеб, молоко без ядов для детей, нормальная питьевая вода...

Саманта и Робин, сидевшие у стены на скамейке, с сочувствием слушали Олега.

— Никогда бы не подумал, что люди будут использовать машину времени для таких целей.— Эдмунд задумчиво включал и выключал парализующий «хлыст» — естественно, на холостом режиме.

— Да, именно так,— жестко сказал Олег.— Научные программы свернуты пока до минимума, зато «зеленый свет» дан нам, фермерам. Мы будем выращивать на древней Земле хлеб, пасти скот, сажать сады — все, что можно сделать, не нарушая законов вмешательства в прошлое — а это очень жесткие законы! Конечно, прокормить таким путем несколько миллиардов людей не удастся, но хотя детям надо помочь...

— Во сколько же энергии вам обходится, скажем, буханка хлеба? — с любопытством спросил Робин.— Небось надо ставить для нее целую атомную станцию?

— Атомных станций на Земле больше не осталось,— недобро усмехнулся Олег.— Они оказались страшнее ядерной бомбы... Нет, мы черпаем энергию только из Солнца, хотя не уверены, скажут ли спасибо нам наши потомки...

— Да, натворили дел в двадцатом веке, да и в нашем двадцать первом тоже — не скоро расхлебашь,— сокрушенно сказал капитан Гордон.— Может, «меч времени» чем-то поможет человечеству? Не так, естественно, как предлагал офицер на «Ахилле», — взять и разрубить землю на два мира. Надо бы все хорошенько обдумать и обсудить... Олег, у меня возникла одна идея насчет твоего флайера. Видеокамера у тебя найдется?

— Конечно! — встрепенулся парень, закрывая сейф.

Работа по оборудованию флайера заняла всего полчаса. Капитан Гордон нашел дело всем, даже далекому от техники Сэмбо. Вскоре трехместная каплевидная машина, отливая на солнце вороненым блеском, медленно стала подниматься вертикально вверх, в то время как наблюдатели сгрудились в тесной комнатухе на втором этаже терема у овального телеэкрана. Убедившись, что видеокамеры, установленные на флайере, дают отчетливую картинку, капитан нажал на дистанционном пульте управления автопилотом несколько кнопок. Машина с предельной

перегрузкой рванулась вверх. На мгновение на экране открылась широкая панорама окрестностей, но деталей никому разглядеть не удалось. Изображение вдруг исчезло, уступая место яркой вспышке. Вскоре где-то недалеко за оградой раздался грохот — на землю обрушились обломки флайера.

Саманта горестно вздохнула, но капитан Гордон явно был доволен.

— Та-а-ак, отлично,— бодро произнес он, потирая руки.— Не успели, голубчики, не успели... Олег, дело за тобой!

Олег и Эдмунд уселись за небольшой компьютер. После недолгих консультаций с кибернетиком Олег включил монитор. На экране медленно поползли записанные на пленку кадры, переданные при взлете с борта флайера.

— Стоп! — закричали в один голос Саманта с Робинном.— Остановитесь.

Капитан оказался прав: их противники чуть-чуть опоздали. Перед тем как вспыхнуть от лучевого удара, флайер успел подняться над рощей, и видеокамеры успели снять один-единственный кадр, который многое разъяснил!

В километре от дубовой рощи грязно-зеленым пятном на желтом одеяле поля выделялось заболоченное озерцо. Вблизи него, у подножия пологого холма, пронзенного узким колодцем, стоял Гэндальф. Он был окружен шестью странными существами в серебристых червеобразных скафандрах, увенчанных двумя непропорционально большими, черными как уголь шлемами. В углу экрана угадывались знакомые контуры летательного аппарата с Х-образным оперением.

— Что ж, этого следовало ожидать.— Капитан грустно разглядывал сгорбленную фигуру мага, укутанную голубоватым коконом тумана,— похоже, он был скован каким-то силовым полем.— Гэндальф в плену, Вий, по-видимому, погиб...

Саманта испуганно посмотрела на капитана. Он продолжал:

— До «меча» инопланетяне почти добрались, но только почти. Зачем им Гэндальф — вот что я хотел бы понять...

— Очень просто.— Эдмунд пожал плечами, бесцельно поигрывая пальцами на кнопках выключенного пульта.—

«Подарочек» предназначался нам, землянам. Вы помните, в каком массивном ларе лежит «меч»? Не сомневаюсь, что в нем находится устройство, способное понять, в чьи руки оно попало, и дать отпор грабителям. Вот пришельцы и захватили в плен Гэндальфа — в качестве живой отмычки!

— Но... но Гэндальф — это же не совсем человек... — прошептала обескураженная Саманта.

— В том-то и дело! Быть может, гангстеры уже догадались об этом и собираются вот-вот взяться за нас! Потому-то динозавры нас и не тронули: пришельцам-ворюгам мы нужны целыми и невредимыми. Кто знает, сколько отмычек может им понадобиться?

— Вот еще сказал! — возмутился хоббит. — Выходит, мы здесь сидим и радуемся, как ловко удрали от страшилищ-драконов, а они попросту загнали нас в клетку, как кур, чтобы потихоньку ощипывать одного за другим?

— Выходит, так, любезный Сэмбо, — уныло сказал капитан. — Ловко они нас провели!.. Давайте-ка поразмыслим, как выручить Гэндальфа да самим при этом не попасться в плен. Олег, каков радиус действия парализующих «хлыстов»?

— Метров тридцать, максимум — пятьдесят, — ответил Олег. — К тому же я не уверен, годятся ли они против инопланетных существ, да еще одетых в скафандры. Разве что удастся направить лучи «хлыстов» на их шлемы...

Он не успел договорить: рассеянно смотревший в окно кибернетик внезапно вскочил и, побледнев, показал рукой в сторону рощи. Там, в тени деревьев, в нескольких метрах от исполинских тираннозавров, шагала по тропинке знакомая корявая фигура.

— Вий! — взвизгнула от радости Саманта, подпрыгивая и хлопая в ладоши. — Я знала, что наш Виюшка жив, знала!

Все заулыбались и шумно заговорили, перебивая друг друга, — неожиданное появление гнома показалось им первым лучом надежды. И только капитан не проявил радости. Он подошел к окну и стал внимательно разглядывать идущего к частоколу гнома.

— Парламентер к нам идет, вот что, — наконец сказал он. — Ну что ж, пойдемте вниз, надо узнать, какой ультиматум нам предъявят.

Вий распахнул дверь и, пригнувшись под низким косяком, неуклюже вошел в гостиную. Саманта ожидала, что великан, как всегда, заорет: «Привет, ребятушки!» — и начнет всех обнимать до хруста костей, но гном холодно обвел взглядом стоявших у стены друзей, даже не подумав их приветствовать. Привычным движением закинув веки за плечи, Вий произнес размеренным, механическим голосом:

— Отлично, я вижу, все в сборе — и люди, и нелюди. — Гном скосил глаза на оторопевшего хоббита, подмигивающего ему — мол, брось, Виюшка, поиграли — и хватит, и без того страшно! Думаю, вы успели получить с вашего летательного аппарата информацию о том, что происходит у холма? Мы специально не стали уничтожать его сразу при взлете.

— Да что ты, Виюшка! — не выдержав, взмолился Сэмбо. — Так говоришь, что аж мурашки по коже ползут. И слова-то какие все непонятные — ифно... ирмо... Не выговоришь! Это же я, Сэмбо, твой дружок!

В глазах гнома промелькнула тень, будто он мучительно о чем-то вспоминал. После паузы он продолжал бесцветным голосом:

— Вы должны помочь нам, люди. Мы — рэгеды, разумные существа с одной из планет звездной системы, расположенной вблизи центра Галактики. Когда-то, тысячи лет назад по вашему измерению времени, в нашем созвездии бушевала разрушительная война с существами, чем-то похожими на вас, землян. Ценой многих жертв мы вышли победителями. Но оставшаяся горстка врагов — мы называем их гэрлами — решила продолжить черное дело своей погибшей цивилизации. Гэрлы на много веков раньше нас освоили Галактику и исследовали множество звездных систем. Они нашли несколько десятков миров, на которых рано или поздно должна была зародиться разумная жизнь. Следуя своим негуманным целям, они решили уничтожить в зародыше будущие цивилизации. На каждом из шестидесяти трех миров гэрлы спрятали страшное, всеразрушающее оружие, которое со временем должно было попасть в руки аборигенов. Гэрлы, конечно, могли уничтожить все живое на этих планетах, превратив их материки в пепел, а океаны — в пар, но они были изощренными лицемерами.

Гэрлы хотели, чтобы обитатели планет сами уничтожили себя... Мы, рэгеды, поставили своей целью спасти разумную жизнь в Галактике. Выйдя победителями в последней, беспощадной схватке с космическим флотом гэрлов, мы немедленно отправили свои отряды спасателей на поиски таких миров, как ваш. К несчастью, гэрлы успели замести все следы, и мы чисто случайно обнаружили вашу планету. Однажды наш разведывательный корабль едва не добрался до страшного прибора, который вы именуете «мечом времени». Однако корабль гэрлов, следовавший за нашими космолетами по пятам, помешал нам. И вот сейчас нам наконец повезло — мы вновь разыскивали смертоносное оружие гэрлов. Мы сделаем все, чтобы ваша планета не распалась во времени и пространстве!

Вий замолчал, тяжело дыша. Для его неповоротливого языка было нелегко произнести такую длинную речь, к тому же насыщенную непривычными для него словами.

«Как хорошо, что ни Гэндальф, ни Вий не участвовали в вылазке на астероид! — подумал Гордон. — Пришельцы наверняка исследовали их память, но узнали только, что мы разыскиваем «меч», принимая его за страшное оружие, которое нужно во что бы то ни стало уничтожить. Рэгедов это устраивает, и они послали бедного Вия в роли говорящей куклы, не сомневаясь в успехе переговоров. Что ж, посмотрим!»

Передохнув, гном продолжил:

— Итак, мы обращаемся к вам, патриотам Земли, с просьбой. Наши враги, гэрлы, весьма хитры, они понимали, что рано или поздно мы сможем напасть на их следы. Футляры, в которых хранятся «мечи», построены так, что дадутся в руки только аборигенам, да и то лишь в тот момент, когда они достигнут высокой стадии развития! Если же кто-нибудь другой, включая роботов, прикоснется к ларю, то он будет немедленно испепелен. Так же невозможно изъять ларь вместе с окружающей почвой. Мы долго ждали, когда сможем встретить на Земле цивилизованного человека, и нам наконец повезло... К сожалению, оба ваших друга — и Гэндальф, и Вий — оказались искусственными существами. Пусть кто-нибудь из вас придет нам на помощь, и мы обещаем, что тут же улетим, не причиняя никому вреда.

— А если мы откажемся? — спросил капитан.

— Мы предвидели такой ответ. Рэгеды — истинные

гуманисты, и ради спасения вашей цивилизации мы не остановимся ни перед чем. Если вы не захотите помочь нам добровольно, придется захватить кого-нибудь силой. Для вашего же блага! Мы не можем долго оставаться на Земле. Нам еще предстоит разыскать остальные шестьдесят две планеты и вырвать из них смертоносные жала, пока не поздно! Будьте разумны. Мы, рэгеды, не хотим никому причинять зла. В доказательство наших добрых намерений мы на двадцать минут снимаем контроль над Вием. Решайте!

Гном глубоко вздохнул, закатил глаза и некоторое время стоял, чуть покачиваясь, словно приходя в себя после долгого и глубокого сна. Наконец он встряхнул своей львиной гривой, сбрасывая последние путы наваждения, оглядел комнату и заорал:

— Ну, я им покажу, этим червякам! Всех их, пиявок-кровососов, в болото побросаю, пусть там с пауками воюют! Они у меня запомнят, как Черному Властелину, Вию Ужасному, руки выкручивать... Саманта, Сэмбо, дружок... Глазам своим не верю! Ребята...

Гном, всхлипывая и размазывая слезы радости по щекам, бросился к друзьям, растроганно обнимая и стараясь облобызать каждого, словно не видел их долгие годы. И только суровый окрик капитана Гордона заставил его остановиться. Увидев на столе самовар и блюдо с недоеденными пирожками, гном причмокнул и принялся заталкивать еду в рот, на время позабыв обо всем на свете.

— Надо что-то решать,— усевшись на лавку, сказал капитан.— Прямо скажу: не очень вяжутся тираннозавры и диктаторский тон этих рэгедов с их рассказами о гуманности миссии. Хорошо еще, что они не разузнали о том, что мы увидели во «дворце» гэрлов! Я убежден, что гэрлы желали нам только добра. Это доказывает тот факт, что они, рискуя собой, уничтожили «меч», как только его стали использовать с нечистыми целями.

— Да что там говорить! — Робин решительно вскочил.— С этими пиявками все ясно! У меня есть предложение: я прячу за пазуху два брикета взрывчатки, засовываю в рукава парализующие «хлысты», и...

Он осекся под суровым взглядом Гордона. Тогда Саманта решила задать давно мучавший ее вопрос:

— А может быть, все обойдется? Мы знаем, что «меч»

пролежал в земле до двадцать первого века,— значит, рэгеды до него не доберутся...

— Ты просто ничего не знаешь о законах Хроноса,— ответил девочке Олег.— Если мы не помешаем галактическим бандитам, то от сегодняшнего дня в будущее пойдет так называемая «развилка во времени». Никто не знает, как это исказит историю здесь, на Земле. Робин прав: надо принимать решительные меры. Только, чур, пойду я!

Капитан вновь поморщился и вопросительно взглянул на глубоко задумавшегося кибернетика.

— Есть один шанс, Джордж,— тихо сказал тот.— Я пойду добровольно к холму и достану ларь. Пришельцы наверняка заставят меня открыть его и вынуть «меч» — сами-то они этого сделать не могут! Мы знаем из доклада офицера «Ахилла», что внутри ларя спрятана инструкция — помните, как разгаданный учеными шифр на мгновение был показан на экране в зале Станции? Пленка с записью заседания у меня с собой, к счастью... Я попытаюсь за оставшиеся минуты запомнить шифр и там, на месте, разобраться по инструкции, как включать «меч». Если повезет, можно устроить рэгедам веселенькое путешествие — скажем, в мезозой! Если нет, что ж, я вновь захлопну ларь и начну торговаться. А вы за это время придумайте что-нибудь потолковее...

Капитан задумался.

— Хороший план, Нед,— наконец сказал он,— только невыполнимый. Запомнить сложный шифр за оставшиеся (он посмотрел на часы) восемь с лишним минут, да там, у озера, за какие-то секунды прочитать текст, да научиться владеть «мечом»... Об этом нечего и думать! Наши противники все рассчитали на пять ходов вперед. Заметьте, они ухитрились выбрать момент, когда здесь, на древней Земле, за сотни веков до появления человека цивилизованного, была создана База путешественников во времени! Они явно собирались набрать «живых отмычек» из друзей Олега, но тут им подвернулись под руку Гэндальф с Виєм... Э-эх, видно, придется попробовать уничтожить «истребители» рэгедов! Хотя у меня нет уверенности, что где-нибудь на орбите не кружится целый звездный флот...

Гордон еще раз взглянул на часы и стал рассовывать по карманам своего пилотского кителя брикеты со взрывчаткой. Это было настолько неожиданно, что никто не успел

его остановить. И тут же Вий, облизнувшись, решительно отодвинул в сторону опустевшую тарелку.

— Что вы решили, земляне? — без всякого выражения спросил он. — Двадцать минут уже прошло. Есть среди вас доброволец? Или нам придется, вопреки нашей высокой гуманности, применить си...

— Есть! — внезапно крикнула Саманта, опередив оторопевшего капитана.

Все глаза устремились на девочку, до того молчавшую. Рядом с ней на лавке стояло переносное видео кибернетика, на маленьком экране которого застыл знакомый кадр — худощавый офицер показывал указкой в сторону обширной таблицы с сотнями витиеватых значков.

— Нет! — закричал Эдмунд. — Нет, только не ты!..

Гном с разъяренным воплем вскочил, опрокинув стол с самоваром на пол. Выхватив у растерявшегося Олега из рук парализующий «хлыст», он кругообразным движением провел им вдоль стен, метаясь в ноги землянам. Все, за исключением Саманты, рухнули как подкошенные с болезненными криками.

— Отлично! — усмехнулся Вий, пряча «хлыст» за пояс балахона. — Мы не сомневались, что среди вас найдется хотя бы один разумный человек, и главное — *невооруженный* человек. Пойдем, девочка, твой дружок Вий не даст тебя в обиду, если, конечно, никто не попытается помешать твоей гуманной миссии.

Гном взял перепуганную Саманту за руку и, подтолкнув в спину, вывел ее из комнаты. Последнее, что она увидела, обернувшись, было полное боли и страдания лицо Эдмунда.

Никогда в жизни Саманте не было так страшно, как во время этого перехода к озеру. Молчаливый Вий огромными шагами топал по пыльной дорожке, безжалостно волоча за собой девочку. Солнце уже поднялось к зениту и пылало в белесом, без единого облачка небе. Как хотелось скрыться там, под раскидистым пологом дубравы, в ее манящей прохладной мгле! Зарыться лицом в пушистый мох где-нибудь в корнях могучего дерева и забыть обо всем... Но, увидев в тени пышных крон две исполинские фигуры динозавров, провожающих ее сонными глазами, она вернулась к дей-

ствительности. Время терять было нельзя, и девочка стала восстанавливать перед своим «внутренним экраном» шифротаблицу. Некоторые символы она запомнила неотчетливо... Ну что ж, текст можно понять и не зная всех букв! Главное — не растеряться и держать нервы в кулаке. Ох, легко сказать — не нервничать...

Вий внезапно остановился. Саманта подняла глаза и увидела прямо перед собой скорбную, сгорбившуюся фигуру мага. Гэндальф стоял в нескольких метрах от подножия разрытого холма, который сейчас напоминал больной дуплистый зуб. У края колодца стоял приплюснутый робот с шестью парами могучих стальных щупалец.

Гэндальф встретился взглядом с испуганными глазами Саманты и, несмотря на все свое самообладание, вздрогнул. Его мохнатые седые брови еще больше сошлись над переносицей, губы побелели и сжались в узкую полоску.

— Я догадывался, что придешь именно ты, — тихо произнес маг. — Что ж, дерзай, вундеркинд! Сегодня для тебя самый трудный экзамен, и я, могущественный Гэндальф, ничем не могу тебе помочь!

Фигура мага была окутана прозрачным голубоватым облачком — это действительно было силовое поле, не дававшее киборгу и пошевелиться. Рэгеды понимали, с каким опасным противником имеют дело... Рэгеды?

Да, они стояли у нее за спиной — шесть двухметровых существ, похожих на толстые серебристые гусеницы. Суставчатые скафандры, две пары жгутообразных щупалец, похоже, выполняющих функции и рук, и ног... Раздвоенные головы инопланетян были скрыты черными шлемами полуметрового диаметра.

Вий положил тяжелую лапу на плечо Саманте.

— Ничего не бойся, девочка, — почти ласково произнес он. — Все будет очень просто. Ты подойдешь к роботу, и он осторожно опустит тебя на прочных жгутах в колодец. Ты возьмешь в руки ларь — он не тяжелый — и через минуту будешь здесь, наверху. Останется лишь открыть ларь, мы покажем тебе, как это сделать. Мы улетим, как только ты передашь нам предмет, который вы называете «мечом времени». Обещаем, что никому не причиним зла, ни тебе, ни твоим товарищам!

Саманта кивнула в знак согласия. Нетвердыми ногами она подошла к жукообразному роботу и уселась на узкое сиденье, которое он удерживал щупальцами с помощью

тонких полупрозрачных канатов. В последний раз девочка взглянула на мага. Гэндальф, казалось бы, с равнодушным видом переводил взгляд с яркого солнца на колодец и обратно.

Ну конечно же, умница Гэндальф догадался, что, кроме попытки быстро расшифровать инструкцию и завладеть «мечом», у них нет иного выхода! Маг видел запись заседания в зале «Ахилла», знал о ее, Саманты, удивительной памяти... Но что старик хочет сказать ей напоследок, то и ~~дело, разглядывая на солнце?~~

— Пойдите, пойдите! — закричала Саманта, соскальзывая с сиденья на землю и изображая крайний испуг — впрочем, особенно притворяться ей не пришлось. — Я очень боюсь темноты! Пускай робот освещает колодец и спускает меня осторожно — высоты я тоже боюсь!

— Как, ты не умеешь видеть в темноте? — удивленно произнес Вий. — До чего же вы, люди, несовершенные создания... Хорошо, робот включит прожектор.

Колодец оказался куда глубже, чем ожидала Саманта. Метр за метром она плавно спускалась под негромкое жужжание робота. Разглядывая уходящие ввысь пласты почвы, она старалась расслабиться и немного отдохнуть. «Интересно, — рассеянно думала она, скользя пальцами по холодной влажной почве, — каким образом ларь должен попасть в руки людей? Быть может, создатели «меча» спрогнозировали будущую историю развития человечества? Если в ларь встроен какой-нибудь часовой механизм, по которому он по специальной программе может подняться на поверхность в нужный век... А почему бы и нет? Не верится только, что гэрлы желали нам зла...»

Задумавшись, она едва не пропустила момент, когда ее спуск начал замедляться. Поеживаясь от холода, девочка осторожно посмотрела вниз и увидела всего в трех метрах под ногами ровное глинистое дно колодца, подернутое тонкой мутной пленкой воды. Только сейчас она заметила, что пришельцы предусмотрительно проложили вдоль стенок шахты несколько голубых трубок, выполняющих роль дренажной системы. И все же ей было страшно вато ступать на вязкое глинистое дно. Полутораметровый ларь, черный, словно уголь, казался совершенно неподъемным... Но отступать было поздно.

Когда ее ноги почти коснулись поверхности воды,

спуск внезапно прекратился. Девочка осторожно встала на дно колодца. Ступни обожгло холодом, вязкая глина быстро стала засасывать ноги с неприятным чавканьем. Собрав все свое мужество, Саманта наклонилась над огромным ларем и даже удивилась — настолько он был легкий и удобен для рук. Несмотря на то что футляр «меча» лежал полупогруженным в воду, он почему-то оказался теплым и сухим на ощупь. Она так обрадовалась, что неприятная операция уже позади, что, забыв о своем замысле, уселась на сиденье, поджав под себя озябшие ноги. Дно стало немедленно уходить вниз, и только тогда она вспомнила, что хотела использовать драгоценные секунды, чтобы открыть ларь! Но было уже поздно — у Саманты оставалось теперь не более трех минут.

Сотни часов, проведенные за решением сложнейших математических задач, помогли девочке мгновенно сосредотчиться, отбросив все лишние эмоции. Положив футляр на колени, она плавными движениями ощупала его руками. Как она и надеялась, замок оказался очень простым — пять узких углублений в торце черной «раковины». Не раздумывая, она засунула в отверстия пальцы правой руки. Ей показалось, что она услышала тонкое жужжание, словно бы где-то внутри стенок ларя включился какой-то механизм. Через несколько секунд послышался резкий щелчок — ларь, видимо установив, что попал в достойные руки, разблокировал автоматический замок, и крышка сама распахнулась. Саманта увидела на черном бархатистом дне ларя знакомый серебристый предмет. Вот он, «меч»! Но где же инструкция? В ларе больше ничего нет!

На мгновение она растерялась, но тут ее взгляд упал на внутреннюю, блестящую, как эбонит, поверхность верхней крышки. Ну конечно, вот оно, послание! Да какое объемистое... Даже хорошо зная язык гэрлов, его за оставшиеся полторы минуты не прочитаешь!

Саманта впилась глазами в мелкие, четко выгравированные витиеватые буквы. Ну-ка, вундеркинд... Время для нее словно остановилось.

Яркий солнечный свет, хлестко ударив по глазам, привел Саманту в себя. Она висела, чуть раскачиваясь, на метровой высоте над краем колодца, под крышей из перекрещенных манипуляторов робота. Теплый ветер трепал ее спутавшиеся волосы.

— Зачем ты открыла ларь? — завизжал Вий, угро-

жающе топнув босой лапой.— Ты должна действовать только по нашим указаниям! Прыгай на землю и немедленно передай прибор рэгедам, иначе...

Рэгеды, не на шутку взволнованные непредсказуемым поведением Саманты, пришли в ярость и угрожающе стали приближаться к холму. Тем временем робот помог девочке спуститься, всячески избегая прикосновения к ларю.

Саманта не успела прочитать и трети инструкции, но медлить больше было нельзя. Она выхватила «меч» из ларя и лихорадочно стала поворачивать вокруг своей оси ручки прибора, настраивая «меч» на локальный удар. Пришельцы сразу поняли, какая опасность им угрожает. Дотоле мирный робот внезапно взревел и занес над девочкой стальные щупальца, готовясь нанести ей смертельный удар.

— Прыгай! — услышала она чей-то повелительный окрик и не раздумывая отскочила на метр в сторону, уклоняясь от страшного удара.

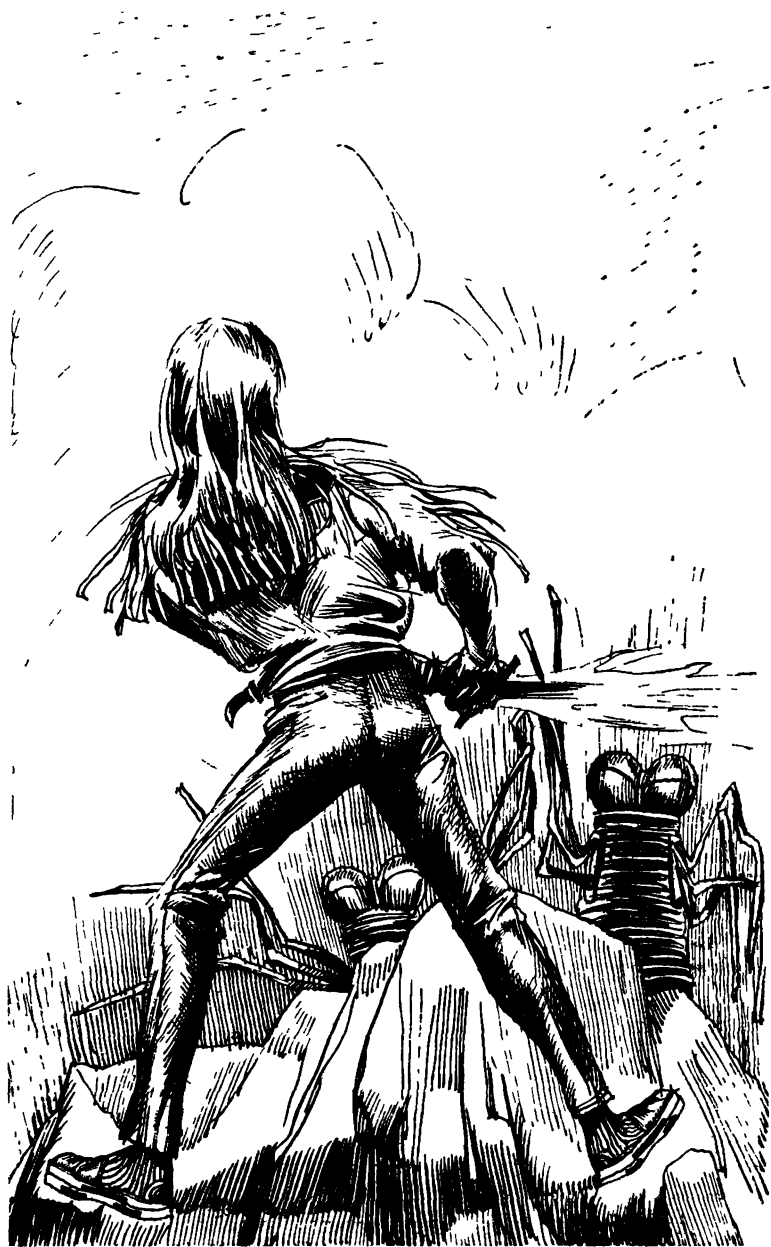
И тут же в робота вонзились одна за другой три ослепительные голубые молнии. Вспыхнув как спичка, механическое чудовище вздыбилось над Самантой, словно стараясь подмять ее, и, качнувшись, с протяжным воем рухнуло в зияющее жерло колодца.

Неожиданная гибель робота на мгновение отвлекла рэгедов. Этого оказалось достаточно, чтобы Саманта успела поднять ствол «меча» и решительно направить его на противников. Когда инопланетяне с оглушительными воплями ринулись к ней, она без колебаний нажала спусковой рычаг. Один за другим рэгеды исчезали, словно унесенные ураганным ветром. Три, четыре, пять... Стоп, а где же шестой?

— Берегись! — услышала Саманта крик Гэндальфа.

Растерявшись, девочка обернулась. Шестой пришелец стоял всего в пяти метрах за ее спиной, целясь в нее из короткого черного предмета, напоминающего бластер. Но выстрелить ему мешал... Вий! Обхватив тонкое туловище противника могучими руками, гном пытался выбить у него из щупалец оружие. Рэгед отчаянно сопротивлялся. Яркая вспышка, хриплый, сдавленный крик — и перерубленный пополам ударом лазерного луча Вий рухнул на траву. На его широком, грубом лице застыло выражение безмерного удивления.

Шатаясь, рэгед направил дуло бластера на девочку,

которая полными слез глазами смотрела на безжизненные останки бедного Вия.

Однако прежде чем инопланетянин успел выстрелить, Гэндалф невероятным усилием воли сумел наконец-то разодрать в клочки окутывающий его кокон силового поля. Он бросился к Саманте и оттолкнул ее в сторону, приняв на себя вспышку лазерного луча. Гроздя молний, которые он успел направить навстречу лазерному лучу, смягчили мощный удар, и маг лишь покачнулся, но по его искаженному болью лицу Саманта мгновенно поняла, что силы его на исходе. Вторая яростная лазерная вспышка — и огненный смерч прошелся по месту, где стоял Гэндалф.

Саманта потеряла сознание.

ГЛАВА 4

Когда Саманта пришла в себя, она увидела стоявших рядом встревоженных друзей и незнакомого высокого мужчину со смуглым лицом. Он был одет в такую же, как у Олега, холщовую рубашку и шорты. Глубоко посаженные под широкими бровями карие глаза ласково разглядывали лежащую на траве девочку.

— Что... что с Вием? — с трудом выговорила она, отталкивая протянутые к ней руки. — Он погиб, да?

— Не беспокойся, Саманта, — улыбнувшись, ответил мужчина, присаживаясь рядом с ней на корточки.

«Как он похож на Олега! — подумала Саманта. — Неужели это его отец?»

— Обещаю тебе — Вий будет жить! К счастью, лучевой удар не затронул его мозг, а туловище мы как-нибудь заштопаем. Через неделю ты еще с ним наперегонки бегать будешь!

— А где Гэндалф? Почему вы молчите? Где Гэндалф?

Фермер помолчал и положил ей на плечо руку.

— Спасибо тебе, девочка, за то, что ты сумела сделать. Если бы не ты...

— Почему вы не отвечаете? — со слезами спросила Саманта. — Он погиб? Погиб?

— ~~Не~~ знаю... Скорее всего, нет, во всяком случае, мы не обнаружили его останков. Когда мы подбежали к тебе, ты лежала без сознания и судорожно сжимала эту штуку. — Отец Олега коротко кивнул в сторону «меча вре-

мени», лежащего на траве рядом с распахнутым ларем.

Поддерживаемая заботливыми руками Эдмунда, девочка нетвердо поднялась на ноги и, пошатываясь, огляделась вокруг. Все было, как и раньше,— раскопанный холм, «истребители» рэгедов и не遠далеке от них — трехместный флайер. Флайер? Ах да, на нем, наверное, прилетел отец Олега... И в двух шагах от нее — десятиметровый участок земли, выжженной дотла. Здесь совсем недавно стояли, скрестив оружие, маг и... Оружие?!

Капитан, грустно улыбаясь, подошел к ней и расцеловал в обе щеки. Когда девочка, всхлипывая, прильнула к его груди, Гордон погладил ее по непослушным соломенным волосам и негромко сказал:

— Не плачь, милая. Твоя светлая голова и на этот раз сослужила нам добрую службу. Когда серебряный «червяк» выстрелил, ты уже не могла ему помешать и инстинктивно сделала единственное, чем могла помочь Гэндальфу: ударила по нему «мечом»! Он перенесся куда-то во времени, уж не знаю, в прошлое или будущее. Быть может, огненный смерч не успел причинить ему вреда и маг остался жив...

— Жив? Но он же остался один...— прошептала Саманта.— Разве мы сможем разыскать Гэндальфа в бездне времени?

Капитан помолчал, а Олег подошел к девочке, ласково заглянул ей в покрасневшие глаза и уверенно сказал:

— Мы все сделаем, чтобы найти его, правда, Саманта?

— Ясное дело, найдем! — горестно пробормотал Сэмбо. Стоя на коленях, маленький хоббит поглаживал голову несчастного Вия.— Только сначала надо оживить моего дорогого Виюшку... И все вместе отправимся на поиски.

Робин неожиданно расхохотался так, что все вокруг невольно вздрогнули.

— Ох, и глупцы же мы все! — весело закричал он.— Спасти Гэндальфа — тоже мне проблема! Да поймите вы: у нас в руках есть «меч» и вдобавок машина времени! Что нам стоит перенестись на день назад, найти Гэндальфа в тот момент, когда он утром уходил на разведку, и перенести его, скажем, в завтрашний день! И все дела!

Олег презрительно хмыкнул, а его отец, Николай Евгеньевич, ласково потрепал мальчика по плечу.

— Я не знаю, Робин, на что способен «меч», но думаю, что законы Хроноса едины для всей Вселенной. Увы, не

так все просто... Да, мы сможем сделать то, о чем ты рассказал, и завтра вы могли бы обнимать Гэндальфа, который и понятия бы не имел о сегодняшней схватке у холма. Но подобное вмешательство в прошлое породит так называемую «развилку во времени». Сегодняшние события не сгинут в небытие — нет, все останется в истории и в нашей с вами памяти! А вот Гэндальф, пожертвовавший сегодня собой, спасая Саманту и всех нас, он окончательно ушел бы для нас в другой, параллельный мир. Никакая машина времени и никакой «меч» не помогут найти его — ведь параллельные линии не могут пересекаться! Гэндальф останется в одиночестве на другой Земле, в пыли веков... Быть может, он жив, а раз жив, то надеется на нашу помощь. Утешит ли тебя, Робин, в такой ситуации встреча с другим, вторым Гэндальфом?

— Нет! — яростно воскликнула Саманта, гневно посмотрев на смущенного Робина. — Ни за что на свете! Я никогда не предаю друга и не поменяю его на другого!

— Ну что вы, — испуганно сказал мальчик, покраснев. — Да разве я на такое пойду? Ляпнул не подумав... Откуда мне знать ваши хитрости со временем?

— Их действительно немало, Робин, — улыбнувшись, сказал фермер. — Хотя... мы еще ничего не знаем о «мече времени»! Саманта, ты прочитала инструкцию и, значит, можешь нас просветить? Я сгораю от любопытства...

— Он сгорает! — возмущенно крикнул Сэмбо. — Люди здесь лежат, перерезанные пополам, а он сгорает от любопытства!

Николай Евгеньевич смутился:

— Простите, уважаемый Сэмбо, я что-то совсем растерялся... Олег! Биоробота нужно срочно отвезти на Базу и передать в искусные руки Дейны. Возьми Сэмбо в помощь — и бегите к флайеру! Капитан Гордон, если вас не затруднит, помогите, пожалуйста, ребятам. И расскажите на Базе обо всем, что здесь произошло...

Через несколько минут флайер, сверкая под высоким солнцем серебристым кругом винта, взмыл над озерком и направился в сторону леса.

— Николай Евгеньевич, — устало сказал Эдмунд, — быть может, отложим расспросы Саманты до более подходящего момента? Девочка на ногах не держится... Да и со зверушками надо разобраться. — И кибернетик выразительно кивнул в сторону рощи.

— Конечно, вы правы, уважаемый Эдмунд,— кивнул фермер.— Боюсь, я проявляю себя не очень гостеприимным хозяином. Ручаюсь, что через полчаса угощу вас такими блинами — пальчики оближете!

И вновь друзья сидели за столом в светлой, просторной горнице — обессиленные, грустные и молчаливые. Аппетита ни у кого не было. Даже вечно голодный Робин лишь из вежливости попробовал парочку блинов, быстро приготовленных умелыми руками хозяина. Отлично понимая состояние экипажа «Стрельца», Николай Евгеньевич не стал настаивать на том, чтобы все гости оценили его кулинарные способности. Посидев некоторое время за дымящейся чашкой чая, он негромко сказал:

— Жаль, что я так поздно обеспокоился долгим молчанием Олега и прилетел лишь к развязке драмы... Впрочем, чем бы я смог помочь? Саманта, молодчина, сделала то, что под силу не многим из мужчин...

— Прошу вас, не надо об этом,— грустно сказала девочка, отлично понимая, что ее утешают.

— Хорошо,— кивнул хозяин.— Честно говоря, я озадачен — настолько необычно то, что я сегодня увидел. Летательный аппарат пришельцев, «меч времени», зверушки эти милые.— Он кивнул в сторону рощи, где, усыпленные ударами «хлыстов», лежали туши огромных доисторических животных.— Для простого фермера это уж слишком! Ничего, через полчаса сюда прибудет вся наша группа, пусть умные головы начальства разбираются, что делать с нежданно-негаданно свалившимся на нас «богатством»! Впрочем, насчет «меча» у меня лично есть кое-какие сомнения.— И Николай Евгеньевич, обернувшись, посмотрел на маленький журнальный столик, стоявший у стены прямо под фотографией жены. В распахнутом ларе гэрлов, как в огромной черной раковине, мерцал серебристый «меч времени».

— Что вы хотите этим сказать? — нахмурившись, резко произнес Эдмунд.— Вы считаете, что мы напрасно рисковали своими жизнями, пытаясь перехватить у этих червяков-рэгедов «меч»?

— Ну что вы, Эдмунд! — слегка покраснев, ответил фермер.— Если «меч» действительно способен перемещать

в прошлое огромные участки территории, а взамен их приносить девственные земли, то мы с его помощью сможем решить многие наши экологические проблемы! Наши машины времени слишком несовершенны и вряд ли когда-нибудь всерьез смогут помочь человечеству в самых насущных делах — например, дать людям здоровую пищу или чистую, без химических примесей воду. Если Саманта не ошиблась, читая инструкцию, то мы нашли настоящую палочку-выручалочку для земной цивилизации! Но... но возникает множество вопросов, на которые в инструкции нет ответа. Например, мне не ясно, почему «меч» был оставлен на Земле в то время, когда только появлялся вид гомо сапиенс. Не проще ли было передать его, пусть с помощью роботов, ■ руки землян хотя бы в вашем XXI веке? Смог же прилететь в этот период времени астероид с загадочным «городом»... И самое главное: как гэрлы не смогли догадаться, что «меч» — если, конечно, он оставлен с добрыми намерениями — может быть использован и как оружие планетарного масштаба? Бескровное оружие, но все же очень страшное... Сплошные загадки! Похоже, мы так и не узнаем на них ответа...

— Ты ошибаешься, Николай,— тихо произнес кто-то рядом.

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Все вскочили из-за стола, опрокинув лавку и растерянно оглядываясь по сторонам.

Рядом с журнальным столиком, на котором лежал распахнутый ларь с «мечом», прямо в воздухе стало конденсироваться какое-то темное пятно... Нет, не пятно, а фигура невысокой женщины!

Фермер охнул, сделал к ней шаг — и резко остановился, словно наткнувшись на невидимую преграду.

— Ольга!..— выдохнул он.— Ольга, милая... Но этого не может быть!

Маленькая женщина стояла, опираясь рукой на ларь, и с нежной грустью смотрела на хозяина дома. Она была одета в простое сафари, украшенное мелкими розовыми цветами. Небольшая головка с точеными чертами, как у рафаэлевской мадонны, сочные, плотно сжатые губы, говорящие о мягкости характера... Короткая мальчишеская стрижка придавала женщине совсем юный вид, но глаза!.. Саманта никогда не видела таких глаз — темных, бездонных, всепонимающих...

— Ты прав, Николай,— продолжила женщина.— Этого, конечно, не может быть. Я не воскресла... и вообще, я не человек и не какое-нибудь другое существо. Я...

— Вы — то самое «послание» гэрлов, об отсутствии которого мы так сокрушались? — пораженный догадкой, воскликнул взволнованный Эдмунд.

— Да, я всего лишь голограмма,— мягко ответила Ольга, неотрывно глядя на Николая Евгеньевича.— Простите, что не сразу показалась вам, мне, вернее, моему электронному мозгу, запрятанному в ларе, нужно было время, чтобы адаптироваться в новых условиях после долгого сна... За прошедший час мне удалось исследовать всех вас. Я узнала достаточно, чтобы наконец вступить в контакт... Конечно, я могла принять любую другую форму, но вряд ли у нас получился бы доверительный разговор, если бы я предстала в облике моих создателей, гэрлов. Если тебе неприятно, Николай, что я предстала перед вами в облике давно умершей Ольги Северцевой, то я могу...

— Нет! Нет... Пусть пока все остается так, как есть,— глухо ответил фермер, отступая на шаг назад и упираясь спиной в бревенчатую стену.— Я уже понял, что это не ты... Глаза... У Ольги были совершенно другие глаза!

Женщина улыбнулась и перевела взгляд на Саманту.

— Здравствуй, девочка,— сказала она.— Я наблюдаю за тобой с той самой секунды, когда ты взяла в руки ларь. Прости, что там, у колодца, я ничем не могла тебе помочь — мне нужен был час времени, а у тебя было всего несколько минут. Благодаря тебе я поняла, что «цивилизатор», который вы почему-то называли «мечом времени», попал на благодатную почву и взрастил благородную, достойную цивилизацию!

— Взрастил? — воскликнул Робин.

Ольга подошла к Робину и ласково прикоснулась к его волосам. К своему изумлению, мальчик почувствовал тепло нежной женской руки!

— Видишь, Робин, не такая уж я и бесплотная,— коротко рассмеявшись, сказала она.— Мои создатели, гэрлы, умели делать куда более совершенные голограммы, чем вы, земляне... Но не думайте, что вы — наши потомки! Люди на самом деле произошли от обезьяны, и «цивилизатор» лишь помог своим всепроникающим силовым полем в развитии человеческого мозга. В результате на вашей планете гомо сапиенс появился всего лишь через миллион лет

эволюции — у нас на Ромии путь был куда более длинным... Потому-то гэрлы и оставили «цивилизатор» на Земле тысячи веков назад, когда разведчики пришли к выводу, что на ней может со временем появиться разумная жизнь! А теперь, Николай, проводи меня на балкон — мне так хочется своими глазами взглянуть на земные просторы...

Вздвигнув, фермер нерешительно подошел к женщине и осторожно протянул к ней руку. На этот раз их уже не разгораживало силовое поле. Робко улыбнувшись, Ольга взяла его под руку и медленно, словно после долгой болезни, пошла в сторону узкой лестницы, ведущей на второй этаж. Любопытный Робин хотел о чем-то спросить ее, но Саманта сурово дернула его за рукав, а Эдмунд многозначительно приложил палец к губам. Выдержав паузу, они втроем потихоньку последовали за странной парой.

С широкого балкона, над которым нависал узорчатый конек крыши, открывался очень красивый вид на золотистое поле пшеницы, малахитовую стену леса, за которой в дрожащем горячем воздухе можно было смутно разглядеть далекие горные вершины. Сильный ветер, напоенный запахами жаркого весеннего дня, растрепал волосы женщины. Подойдя к краю балкона, она закинула руки за голову и прошептала:

— Вот уж не думала, что опять увижу такое... Ты помнишь, Коля, как я умирала: два месяца не вставая с постели в больничной палате. Одни белые бесконечные стены и боль, не отпускающая ни на минуту боль...

Саманта была поражена: впервые в голосе «живой голограммы» прозвучали оттенки эмоций, и это были человеческие эмоции!

Фермер, широко раскрытыми глазами смотревший на «Ольгу», тоже почувствовал это и сделал шаг вперед, желая обнять фантом за плечи. Но минута слабости уже прошла — женщина, повернувшись, холодным, рассудительным взглядом посмотрела на своих новых друзей.

— Теперь я успокоилась и могу отвечать на любые ваши вопросы. Поверьте, прелестная молодая женщина по имени Ольга — лишь случайная моя форма. Главное во мне другое... Задавайте вопросы, пока не прилетели ваши товарищи с Базы. Их флайеры уже в нескольких километрах от леса.

Николай Евгеньевич со вздохом опустил голову и отошел в сторону — ему было не до расспросов. Никто, даже неугомонный Робин, не произнес ни слова — настолько потряс их мгновенный переход от чудом ожившей женщины к говорящему голографическому «посланию».

— Хорошо, я подожду до встречи с другими людьми, чей разум будет не так затенен эмоциями, как сейчас у вас, — сухо сказала «Ольга». — Кажется, я уже начинаю жалеть, что выбрала такую неудачную форму воплощения... А сейчас я хочу ответить на один из твоих вопросов, Николай. Гэрлы, оставляя «цивилизаторы» в недрах самых перспективных планет, осознавали, что со временем некоторые не вполне разумные существа могли использовать его как оружие. Но ведь любое могучее средство может служить как для мирных, так и для разрушительных целей. Вспомните, как двояко использовались у вас на Земле сила атома и ядра — на создание чудовищных бомб и на развитие атомной энергетики. Да и ваши атомные станции, дав огромное количество дешевой электрической энергии, принесли немало зла людям своими смертоносными отходами... Чтобы земляне не использовали «цивилизатор» в разрушительных целях, гэрлы заложили в «мозг» ларя-хранителя специальную программу. Ларь должен был показаться на глаза людям только в тот момент, когда количество оружия на планете начало бы резко уменьшаться. Это — главный признак зрелости цивилизации! Попав в руки аборигенов, ларь немедленно должен вызвать летающую станцию Хранителей. Окончательное решение о разумности обитателей планеты принимает Большой Мозг, находящийся в подвалах здания на астероиде, который вы называли «дворцом».

— Значит, через триста тысяч лет Станция на астероиде погибнет и все другие «цивилизаторы» на других планетах останутся без Хранителя? — не выдержав, спросил Робин.

«Ольга», нахмурившись, покачала головой.

— Боюсь, дело обстоит куда хуже, Робин. Вы сами видели мертвый астероид, висящий сейчас где-то над Землей. Я не понимаю, почему он был разрушен и перенесен в далекое прошлое. Возможно, не обошлось без рэгедов. Так или иначе, на нашей «развилке во времени» Хранители погибли. И не без помощи вас, землян: если бы военные не

решили использовать «цивилизатор» как оружие, катастрофы бы не произошло!

— Пойдите, Ольга, — взволнованно сказал Эдмунд. — Вы, кажется, клоните к тому, что именно мы, земляне, должны заменить Хранителей?

— А почему бы и нет? Вы, люди, — первая из всех шестидесяти трех цивилизаций, «посеянных» моими создателями, гэрлами. Но большинство гэрлов погибли в схватках с рэгедями... Следуя моим советам, вы сможете спасти свою планету, навсегда уйти от пропасти экологической катастрофы и дать жизнь новым, здоровым поколениям, за которыми будущее. Я помогу вам также восстановить город на астероиде, и вы станете старшими братьями для остальных, еще очень молодых миров!

— Но тогда нам придется вступить в схватку с рэгедями? — задумчиво произнес кибернетик. — Дорого нам может обойтись ваш подарок, Ольга...

— Зато вас ждут великие свершения! — звенящим голосом воскликнула женщина. — На каждой из «засеянных» планет мы найдем моих «голографических» собратьев — вместе, поверьте, мы составим немалую силу. Да, у нас будет серьезный противник. Молодая цивилизация рэгедов, к несчастью, решила восполнить свой пока еще невысокий интеллектуальный уровень развития военной мощью. Рэгеды недавно вышли в космос, и им удалось найти в Галактике останки технических чудес древних, исчезнувших цивилизаций. Страх перед возможной конкуренцией заставил их вступить в войну с гэрлами, и этот же страх был причиной того, что почти весь свой космический флот рэгеды бросили на поиски «цивилизаторов». Но в «городе» на астероиде они, похоже, так и не сумели проникнуть...

Эдмунд обменялся с Николаем Евгеньевичем взглядами, полными сомнений.

— Ольга, — наконец сказал фермер, — ты говоришь очень убедительно. Но пойми: не нам решать, принимать ли наследство гэрлов на таких условиях или нет. Слишком много у нас на Земле своих нерешенных проблем, чтобы отправляться очертя голову в галактические авантюры, к тому же грозящие человечеству немалыми неприятностями.

— А ты? — тихо спросила женщина. — За человечество ты действительно не имеешь права отвечать, но сам-то ты к чему пришел?

Фермер грустно усмехнулся и, решительно подойдя к Ольге, обнял ее за плечи.

— Со мной проще — от тебя я теперь ни на шаг не отойду! Слишком это больно — терять любимую женщину.

— Но я не женщина! — почти закричала Ольга, отстраняясь от него. — Я робот, бесчувственный, напичканный информацией робот! Во мне нет ничего человеческого, кроме внешности!

Фермер упрямо покачал головой:

— Не верю! Для меня ты — моя жена, моя Ольга! Ничего больше я не хочу знать...

Женщина пристально взглянула ему в глаза и слегка улыбнулась.

— Если ты хочешь этого, Николай, пусть будет потвоему... А вы что скажете? — обратилась она к смущенным членам экипажа «Стрельца».

Эдмунд косил глаза на Саманту. Девочка без колебаний сказала:

— Конечно, я согласна! Увидеть далекие звездные миры, планеты, на которых развивается другая разумная жизнь... Об этом я и мечтать не могла! Только... — Она запнулась, опуская глаза.

— Я знаю, что ты хотела попросить, — с улыбкой помогла ей Ольга. — Гэндальф!.. Обещаю, что мы сделаем все, чтобы разыскать мага, но, боюсь, это будет сделать нелегко. Мне кажется, что он попал в плен к рэгедам, и мы вряд ли разыщем его здесь, на Земле... А что скажешь ты, Робин? Неужто и ты поддашься агитации бесчувственного голографического создания?

— Вы... вы совсем не бесчувственная! — возмущенно воскликнул Робин, покраснев. — Правда, Саманта?

Ольга вздохнула:

— Увы, я еще раз вынуждена повторить — все человеческое мне чуждо. О-ох!..

Невдалеке, у опушки дубовой рощи, звеня стремительно вращающимся винтом, садился большой многоместный флайер. Женщина, приложив руки к груди, взволнованно смотрела на него, словно чего-то ожидая.

— Олег, Олежка... — прошептала она.

Когда дверца флайера распахнулась, она побежала в сторону лестницы, ведущей вниз, на землю.

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРТЬ ГАЛАХАДА	5
ВОЙНА СКАЗОК	55
«МЕЧ ВРЕМЕНИ»	177

Литературно-художественное издание

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

для младшего школьного возраста

Сухинов Сергей Стефанович

ВОЙНА СКАЗОК

Ответственный редактор И. Б. Шустова

Художественный редактор В. А. Горячева

Технический редактор Т. Д. Юрханова

Корректоры В. В. Борисова, Л. А. Лазарева

ИБ № 12630

Сдано в набор 07.05.91. Подписано к печати 03.04.92. Формат 84×108¹/₃₂ Бум. тип. № 1. Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,8 Уч.-изд. л. 17,02. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6430. С 153.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и информации РФ. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.
Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

